

ИЛЬГАР АХАДОВ



1

ОДНАЖДЫ В МОСКВЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+



Ильгар Ахадов

Однажды в Москве. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67035318

SelfPub; 2022

Аннотация

Вторая книга остросюжетной трилогии “Однажды...” и продолжение первой книги “Однажды в Карабахе”. Москва, 90-е. Столица некогда самой мощной империи XX века захлебывается в противостоянии между державниками, пытавшимися восстановить СССР, и сторонниками слияния России в так называемый Новый мировой порядок. Опасное противоборство спецслужб переплетается с криминальными войнами ОПГ, и порой невозможно определить, где граничит закон с бандитским беспределом. В этом всеобъемлемом хаосе и предстоит выполнить особо важную задачу военного руководства внедренным в стан противника молодым азербайджанским разведчиком Гусейнову и Саламовой...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Краткое описание Первой Книги – “Однажды в Карабахе”	5
Глава I	10
Глава II	29
Глава III	52
Глава IV	65
Глава V	80
Глава VI	91
Глава VII	101
Глава VIII	112
Глава IX	121
Глава X	129
Глава XI	137
Глава XII	144
Глава XIII	161
Глава XIV	170
Глава XV	177
Глава XVI	196
Глава XVII	207
Глава XVIII	246
Глава XIX	270
Глава XX	282
Глава XXI	290

Глава XXII	301
Глава XXIII	322
Глава XXIV	333
Глава XXV	346
Глава XXVI	368
Глава XXVII	397
Глава XXVIII	414
Глава XXIX	428
Глава XXX	440
Глава XXXI	454

Ильгар Ахадов

Однажды в Москве. Часть I

Краткое описание Первой Книги – “Однажды в Карабахе”

Наметившаяся телевизионная передача с присутствием ветеранов Карабахской войны в целях патриотического воспитания молодежи и ознакомления ее с непосредственными свидетелями этого кровавого конфликта неожиданно переходит в скандальный, местами в острый социальный диспут между ее участниками, так как они представляют разные слои населения, с разными судьбами и отсюда с противоречивыми взглядами на то или иное явление, понятие или событие. В том числе и на непростые армяно-азербайджанские отношения, которые участники передачи пытаются изобразить не только через призму национальных и государственных интересов, но и в контексте личностных отношений и с индивидуальными подходами. Ситуация интригуется тем, что один из ветеранов, бывший диверсант, в своем амплуа незаметно заменяет часть минеральных напитков спиртным...

Постепенно разогретые горячительным, участники более

откровенно и дерзко начинают выражать свои мысли, порой диаметрально противоположные. Передача выходит из намеченных чиновниками пропагандистских контуров, и перед читателем разворачиваются известные события тех времен – спровоцированные мировыми силами и потворствующие им армянскими националистами истоки и причины конфликта, сломленные судьбы тысяч простых людей на примере конкретных индивидуумов – не только азербайджанцев, но и простых армян, эпизоды карабахской войны, динамично выдержанные порой в ироничном, в комичном или же в трагичном русле.

Сюжет пятого рассказа оказывается наиболее увлекательным. Являясь представителем той яркой молодежи в начале восьмидесятых без националистических и религиозных предрассудков в интернациональном Баку, рассказчик – в то время молодой человек – сначала на фоне разворачивающихся событий расстается с любимой девушкой-армянкой, семья которой вынуждена была перебраться в Москву, следом теряет брата, который погибает в боях с агрессором, и по требованию обезумевшего от горя отца также отправляется воевать с врагом в район боевых действий.

На месте последней дислокации он попадает в поле зрения азербайджанских военных спецслужб, ведущих работу по выявлению активной агентурной сети противника среди личного состава указанной военной части. Разузнав с подачи внедренного в районный госпиталь в качестве военвра-

ча сотрудницы Разведцентра старшего лейтенанта Саламовой об отношениях молодого человека с Джулией Манучаровой, дядя которой являлся криминальным авторитетом и сотрудничал с неким разведывательно-диверсионным подразделением армянских спецслужб, функционирующим с территории РФ, военные разведчики принимают решение привлечь его в свои разработки...

Потому Гусейнов – в книге он проходит также под прозвищем Длинный – неожиданно оказывается в гуще динамичных и запутанных историй. Его сначала арестовывают по подозрению в убийстве сослуживца, даже пытаются и оказывают моральное давление, а после выясняется, что все это инсценировка Военной разведки с целью проверки личностных качеств разрабатываемого, а также для усиления бдительности подозреваемой в сотрудничестве с противником руководства военной части, являющейся истинным автором преступления.

В ходе разворачиваемых событий перед читателем вырисовываются яркие образы персонажей. Честный и бескомпромиссный полковник Мусаев, большая умница Саламова, играющая в криминально-разведывательном сюжете не последнюю роль; беженец из Армении – грозный, но справедливый здоровяк Ганмурадбек, сексапильная журналистка Аталай, юркий и смысленый Бакинец, колкая на язык Гюлечка, смертельно оппозиционный ко всему правоохранительному Ветеран в тельняшке – бывший зек, простодуш-

ный и очень верующий исламист Хаджимурат Магомедказиев, превратившийся в руках заинтересованных внешних сил в опасное идеологическое оружие; всесильный чиновник, условно обозначенный в книге под прозвищем Прилизанный – позже выясняется, что он не такой уж чопорный и педантичный, как кажется, и ему присущи вполне человеческие и благородные черты; Расулов, Адылов... Даже главный антигерой Алигейдар Мансуров запоминается с сильным характером, харизмой, с трагической и сложной судьбой, которая буквально втолкнула его в объятия противника.

Гусейнов с трудом, но все-таки принимает предложение военных агентов, которые спешно подготавливают его к предстоящей задаче в Москве в среде бакинских армян, где проживает и дорогой ему человек, с которым он собирается связать свою жизнь – Джулия Манучарова.

А также ему предстоит опасное противостояние с Алигейдаром Мансуровым, являющимся ключевой фигурой в этой сложной, многовекторной сети противника, которого сами военные разведчики пока еще представляют себе довольно призрачно...

Национализм – это в сравнении доброкачественная опухоль в теле нации, при “благоприятных” условиях переходящая в злокачественную – это фашизм. А иногда и откровенный расизм, когда заявляют на уровне официального лица об этнической несовместимости

двух соседних народов. То есть, один из них должен исчезнуть...

Автор

Глава I

- Я плохой, – равнодушно ответил Длинный, неприлично зевая. – Поверьте, все хорошие люди -лицемеры. Чтобы сохранить планку хорошиста, они постоянно вынуждены лгать. Лицемерие провоцирует, в конце концов, подлость. Получается сплошная бутафория...

А с плохого чего взять? Он и так плохой. Потому, какой есть. Парадокс...

Москва встретила меня неласково. Стояла осень. День был пасмурный и дождливый. Я со спортивной сумкой на плече неторопливо шел вдоль Курского вокзала и думал о прожитом. Сердце угнетенно билось, и меня доканывало желание послать все к чертям собачьим, найти Джулию и укрыться с нею где-нибудь подальше.

К сожалению, не всегда можно потакать желаниям...

Еще в Баку я получил известие, что родители пытаются ее выдать замуж за какого-то перспективного хачика, но она упорно отказывается.

Мы иногда созванивались. Лишних слов не говорили – зачем... Я лишь просил, чтобы она ждала. Подожду, сколько понадобится, ответ всегда звучал лаконично. Почему так

долго, тоже не обсуждалось, ситуация была ясна, телефоны прослушивались.

Пока что меня должны были встретить перед кассами Ленинградского вокзала, куда я быстро добрался на метро с Курского, и помочь с обустройством. На вопрос, кто и как, в Конторе ответили уклончиво – сами найдут.

Кругом ходили, словно заведенные роботы, жители и гости столицы. Ощущение – всем на всех наплевать. Лишь угрюмый и пожилой милиционер, вяло жуя бутерброд, кажется, с сосисками – их продавали рядом, в маленькой не то в будке, не то в палатке – неодобрительно сверлил злым взглядом.

“Что ты буравишь меня, словно скважину? Наверно, годов 10 раньше у тебя не такое сердитое лицо было”, – вздохнув, подумал я, вспомнив свой первый приезд в Москву в составе группы детей нефтяников по линии профсоюза. Какие тогда были люди, господи! Улыбка на лицах, свет в глазах... Не у всех, конечно, – уродов всегда хватало. Но их как-то неопишимо меньше было. Милиционер терпеливо объяснял приезжему, перешедшему дорогу в неположенном месте о неправомерности его поступка, вежливо слушал стандартные оправдания, попутно подавая объяснение – куда и как пройти, что и где найти...

Я про себя улыбнулся и подошел к слуге закона с недобрым взглядом.

– Товарищ милиционер, подскажите, пожалуйста...

– Я те че, адресное бюро, мать твою? А ну, топуй отсю-
ду! – гаркнул он мне, брызжа томатным соусом и дожевывая
остатки бутерброда. И когда я шарахнулся, заорал вслед.

– Стой! Покажи документы! Че-та рожей не вышел.

– Ты свою-то видел? – я начал злиться.

– Что-о!.. – он моментально схватился за дубинку, вися-
щую сбоку. Я вздохнул и сосредоточился на оружии рабо-
владельцев всех времен и народов.

“Хреновый ты разведчик, Гусейнов,” – невольно поду-
мал. – “Что ты топчешь говно?”

– Суши весла, папаша! – чей-то звонкий голос за спиной
милиционера, словно волшебная палочка, остановил дубин-
ку на лету. Мент невольно обернулся.

– Он свой...

Я с удивлением посмотрел на возникшую, словно добрая
фея из ниоткуда, худенькую девушку. Впрочем, одета она
была не так, как фея, а как ее паж – в джинсах, кожаной кур-
точке и широкой модной кепке, скрывающей, вероятно, во-
лосы. Двое здоровых ребят в спортивках и кроссовках вну-
шительно стояли за ее спиной, играя желваками.

– Он наш. Мы должны были его встретить, опоздали. Ви-
дишь? – она пальцем указала на край моей тельняшки, “вы-
глядывающей” из-под рубашки.

– Да он черномазый, – возмутился мент, – какой он ваш?
Пусть документы...

– Ты че, не понял, урод? – один из “шкафов” вплотную

подошел, носом упираясь аж в его лоб. – Щас твоя морда потемнее будет. Его Игорь ждет. Пшел отсюда!

Тот побагровел от ярости, но, видимо, бессильной. И, уходя, плюясь и матерясь, все оглядывался, лицезря, как троица, взяв меня в кольцо, уводит в сторону от вокзала. Впереди шла девушка, держа руки в карманах, и что-то весело насвистывая.

“Однако...” – подумал я, мысленно почесав затылок. – “Или с кем-то спутали, или...”

Что-то знакомое мелькнуло в чертах незнакомки.

“Лицо в веснушках... Я бы запомнил...”

Меня отвезли к небольшому трехэтажному помещению с аккуратным квадратным двориком неподалеку от Комсомольской площади или, как она именуется в народе, – “Площадь трех вокзалов”. Снаружи это было обыкновенное совковое строение. Их было в Москве сотни, если не тысячи. Но внутри... Убранству и дизайну могли бы позавидовать лучшие торговые дома Европы.

Что тут не соответствовало обзору – это контингент. Повсюду шныряли крепкие ребята с криминальными физиономиями. Все в основном были в спортивках, как Павел и Толик Романовы, сопровождавшие меня по дорогим ковровым дорожкам на второй этаж к своему боссу. Я позже узнал имена этих фигурантов своего повествования – они являлись братьями. Мы к ним еще вернемся, так как эти персонажи примут в моей жизни, соответственно, и в истории, не

последнюю роль. А пока меня провели в просторную комнату, оказавшуюся прихожей. За столиком стучала на машинке, как дятел по березке, премиленькая секретарша в короткой юбчонке. Впрочем, длину ее юбки я определил внутренним взором, ножки ее частично укрывал указанный столик. У массивной дубовой двери же небрежно растянулся в кресле некий верзила с уродливым лицом и оттопыренными ушами. Ножевой порез вдоль фейса придавал ему скорее свирепый, чем отвратительный вид. И как-то странно выглядело, что он смог натянуть на свои горы мышц бордовый, мешкообразный костюм, который явно должен был его раздражать. Правая часть груди была чуть вздута, видимо, под мышкой висел ствол.

“Левша...”

Взгляд верзилы равнодушно скользнул по мне и на секунду сосредоточился на выглядывающей из-под воротничка сорочки тельняшке. После кивком освободил сопровождающую меня троицу. Парни хотели выйти, но девушка замешкалась.

– Я должна остаться. Это мой клиент.

– Позовут, когда понадобится, – коротко отрезал верзила.

Девушка заколебалась, неуверенно посмотрев вслед за вышедшими уже братками, но все равно осталась.

“Черт. Я же ее знаю...”

Попробовал нарисовать ее без кепки. Не успел. Дубовая

дверь распахнулась нараспашку. В проеме показался чуть полноватый тип в белом костюме, чем-то напоминающий мультяшных героев. Толстая сигара в его зубах моментально окунула нас в ароматный запах Гаваны. Верзила торопливо вытянулся при виде босса. Но тот небрежным взглядом остудил его.

– Так, посмотрим, что за птица... – босс внимательно оглядел меня оценивающим взглядом и... видимо, остался недоволен.

– И этот черножопый доходяга будет обучать моих орлов? Кого ты привела, сучка, хахаля своего? – гаркнул он девушке в кепке.

– Я!... – девушка остолбенела и в страхе прижалась к двери.

– Федя! – босс кивнул Верзиле.

Я не успел среагировать. Верзила с ходу замахнулся ладонью, и медвежья затрещина отправила меня в дальний угол. В ушах зазвенело. Не успел поднять отяжелевшую в один миг голову, как Верзила оказался рядом, схватил за шиворот, и в тот же миг вторая затрещина откинула меня обратно, прямоком к ногам босса. Он в своих лакированных туфлях, цвета слоновой кости, брезгливо отошел в сторону.

Кажется, я еще и оглох. Голова шла кругом, глаза искрились. Краешком глаза успел перехватить и подлую ухмылку секретарши, и полный ужаса взгляд девушки в кепке.

Верзила вновь поднял меня и вроде примерялся для тре-

тьей затрещины. Но, видимо, взглянув на мои болтающиеся ноги, замешкался, переведя взгляд на босса. Тот же потерял ко мне интерес и смотрел уже мимо на чуть потемневшие обои, явно подумывая, что пора их заменить...

И тут я раскрылся. Резкий прямой удар в лицо Верзилы, кажется, расплющил ему нос. Вскрикнув от боли, он пошатнулся. Рука моя молниеносно выхватила пистолет у него из-под мышки – точнее, из кобуры-порезки для быстрого доступа – а нога сильной подсечкой посадила Федьку буквально на жопу. В тот же миг короткий боковой свободной левой в челюсть отправил его в отключку.

– Стоять, падла! – заорал я и нацелился из “Вальтера” на неуклюже потянувшегося за оружием босса. Тот в испуге замер и уронил изо рта сигару. Держа его на прицеле, я бросился к двери и успел защелкнуть замок – и вовремя. С той стороны, видимо, навалились, но тщетно. Раньше вещи добротнo делались. Секретарша взвизгнула и вмиг уползла под стол, с шумом уронив телефон.

– Брось волыну! – заорал я боссу, ударом ноги в голову вновь отправив зашевелившегося Федьку в бессознankу. Босс нехотя снял, уронил и пушку, которая упала рядом с все еще дымящей сигарой.

– К моим ногам! – я вновь гаркнул. Он выполнил и эту команду, ногой протолкнув оружие в указанном направлении.

– За падлу ответишь, – тихо процедил.

– А ты за черножопца... – я быстро подобрал и засунул

второй ствол в карман. Странно, что это был обыкновенный “Макар”. – Хотя моя жопа чище и белее твоей морды, я ее каждый день мою...

Дверь всеми петлями заскрипела и начала поддаваться. С той стороны слышались проклятья и угрозы. Я быстро отошел к окну и примерился. Внизу никого не было, бандюги растерялись всерьез.

– Сними кепку! – крикнул я девушке с вокзала. Распахнув окно, я уже стоял на подоконнике, когда она выполнила команду.

– Ты?.. – успел удивиться уже в прыжке и уловил ее крик на азербайджанском, прежде чем приземлился.

– Встретимся у цыганки!

Не было времени обрабатывать информацию. По инерции кувыркнулся. Лежа плашмя, сходу выстрелил в сторону появившихся у парадного входа стрелков, заставив их ретироваться внутрь. Далее вскочил и со всех ног кинулся к воротам.

“Не успею...”

Скорее чутьем, чем мимолетным взглядом увидел прицеливающихся по мою душу бойцов, как у парадного входа, так и на окнах верхних этажей. Но, пронесло, фатальных выстрелов не последовало. Выскочив из-за ворот, я с ходу огрел рукояткой ствола молодого таксиста, стоявшего возле новенькой “копейки”. Он, видимо, был заинтригован выстрелом и вышел присмотреться.

Таксист, держась за голову, медленно присел. Я нырнул в кабину, и “шестерка”, взвизгнув всеми шинами, умчалась прочь от бандитского логова...

Длинный перевел дыхание, взглядом пройдясь по столу. Официанты успели поменять блюда, подали еще жаркое. Арзуман вновь наполнил пустующие рюмки, а Ветеран в тельняшке подложил рассказчику самые сочные куски мяса.

– Мне бы фрукты, – стеснительно попросил Длинный. – У меня авитаминоз.

– Ишь, какой грамотный... – заворчала Гюля. – С виду тихоня, а на самом деле... А таксиста почему... огрели? Могли попросить подвезти или отобрали бы машину. Ну, припугнули...

Длинный, откусив яблоко, вяло ответил:

– Таксисты – народ упертый. Они скорее с жизнью распростятся, чем с тачкой.

– А ты зачем страдаешь за таксиста? Мож, любишь кого? – заржал, как лошадь Пржевальского Ветеран в тельняшке.

– Да, люблю, – спокойно ответила Гюля. – Мой брат – таксист. И он при встрече обязательно долбанет твой чердак монтировкой. Все равно особого вреда не будет.

– Так, стоп! – вовремя вмешался Прилизанный, укладывая влажной салфеткой редкие волосы. – Давайте по теме.

– Да, действительно, – раскачалась и Аталай. – Вы, кажется, узнали девушку в кепке?

– Да. Хотя она была перекрашена в огненно-рыжий цвет, постриглась и почему-то покрыла себя дурацкими веснушками.

– Так кем же она являлась? – в нетерпении спросила Гюлечка и тотчас мстительно заворчала:

– Если бы у меня был муж с вашим характером, я сдохла бы от тоски через день после свадьбы!

Длинный сконфуженно посмотрел на Гюлечку, но не успел ответить. Опредил Бакинец.

– Не успела бы...

– Почему? – уже тихо спросила Гюля.

– После первой брачной ночи он застрелил бы тебя из своей снайперской винтовки.

Та фыркнула. Режиссер ухмыльнулся. Нагнувшись к Оператору, прошептал так, что все услышали.

– Ревнует...

Тот с пафосом ответил.

– Он в отличие от... некоторых, видимо, мужчина.

Прилизанный постучал вилкой по тарелке и обратился к рассказчику.

– Голубчик, вы выпили, закусили?

Тот кивнул, проглатывая последний ломтик апельсина.

– Тогда не томите. Публика в ожидании...

– Это была Саламова. Я имею в виду девушку в кепке. Наиля Саламова – та самая из Управления Военной Развед-

ки. Конечно, я этого не ожидал, и меня по понятным причинам обуяли самые противоречивые чувства...

– Во блин! – Аталай восхищенно хлопнула в ладоши. – Как в кино, ей-богу! Чувствую, вы будете моим героем.

– Очередным героем, – вновь подлю вставил Бакинец. – А старого куда отправишь? – он демонстративно развернулся к надувшемуся Ганмурату.

– На пастбище – тебя пасти... – отпарировала за покрасневшую подружку Гюля и после победоносной паузы обратилась к рассказчику. – Вы понимаете, товарищ, у вас все как-то не по жизни получается. Стрельба, там тарарам. Этого ударил, другого... Прямо вы героиня какой-то! Вылезли живым без единой царапины из бандитского логова. Разоружили босса. Связная – молодая девушка, непонятно как внедрившаяся в бандитское подполье. Что, в нашей доблестной разведке мужчин не нашлось, что отправили в среду бандитов это хрупкое создание, если верить вашим описаниям? Мы все это где-то видели. Наверное, уважаемые киношники со мной согласятся? – обратилась она по назначению.

Режиссер зевнул, прикрывая рот ладонью. Оператор авторитетно покивал.

Наступила неловкая пауза. Прилизанный пальцами нервно теребил стол. Все ждали.

– Протестую! – неожиданно взревел Бакинец. – Разве наши истории были менее удивительны? Меня тогда чудо спас-

ло, понимаете? Я-то думал, крышка люка танка будет последней, что я увижу перед смертью¹... А история Ганмурата²? А его? – указал он на Ветерана в тельняшке. – Он же собственного кореша чуть не грохнул! Лишь в самое последнее мгновение какой-то обшабившийся ангел дыхнул травкой на его гордыню³.

Да существуют сотни таких историй, где людей буквально спасало провидение. Один товарищ рассказывал, что как-то в Шуше в окоп упала вражеская граната. Оказалась “лимонка”. Прямохонько под копыта его командира взвода. Тот оцепенел. Если граната взорвалась, кишки не собрали бы. Чувак за эти несколько мгновений поседел, понимаете?.. А граната так и не взорвалась. Вот взяла и не взорвалась, назло смерти.

Вы, никчемные гражданские, настолько привыкли жить обыденной и серой жизнью, что все то, что не вмещается в ваше узкое книжное и киношное восприятие, кажется вам сказкой. Не надо человека обижать недоверием!..

Молчание. Длинный также молча пожал Бакинцу руку.

– Ишь, как разошелся, – смущенно проворчала Гюля. – Тоже мне, Демосфен...

– Я постараюсь объяснить, – немного стесненно ответил Длинный. – На самом деле все просто. Я в свое время то-

¹ см. Однажды в Карабахе, История вторая.

² там же, История первая.

³ там же, История четвертая.

же увлекался смешанными единоборствами вместе с покойным братом Искандером, он и меня заразил этим. Потому так ловко прыгаю со второго этажа, и не только.

Теперь, почему Саламова? По двум причинам. Во-первых, разработанная полковником Мусаевым операция была сугубо секретной. Новых людей старались в нее не привлекать. Во-вторых, Саламова как-то выдвинула очень оригинальную идею. Оказывается, бабушка у нее была русской. А те сопровождающие братки – Павел и Толик – приходились ей троюродными братьями. Павел увлекался самбо, а Толик был неплохим боксером и как-то даже завоевал первенство Москвы. На этом поприще и забрели в бандитскую бригаду. Товарищи, вращавшиеся в начале 90-х в Москве, должны помнить, что в то время у молодых, энергичных ребят, чтобы чего-то достигнуть, было два пути. Умные и предприимчивые уходили в бизнес, а сильные и ленивые – в ментуру или в бригаду. Судьба подтолкнула братьев по наклонной.

Они каждое лето гостили у бакинских родственников, отдыхали у моря, поддерживали самые теплые отношения с сестренкой, и потому та отлично владела информацией, где и чем промышляют братья. Саламова предложила внедрить меня в их бандитскую среду. Я подходил по всем параметрам. Воевал, рукопашник, да еще и с криминальным прошлым. Да, кстати, при освобождении я подписал подписку о невыезде. Когда покинул страну, Контора дело аккуратно передала ментам и посодействовала, чтобы меня объявили в

розыск. Теперь я полностью соответствовал легенде. Бригадам такие люди нужны были всегда.

Войти в армянскую среду через бандитскую бригаду выглядело бы более естественно. Во-первых, военное прошлое уходило в тень. Во-вторых, я не оказался бы в положении бедного родственника в семье Манучаровых. Они, конечно, будут возмущаться, мол, зачем не сразу к нам?.. Ну, вы поняли...

Все это звучало чересчур авантюрно, но Мусаев, поразмыслив, махнул рукой. Время поджимало, и, как он выразился, все это выглядело настолько несерьезно, что могло сработать.

Саламова сразу взялась за дело и однажды всплакнула братьям на невыносимые условия жизни в тогдашнем Баку. Мол, приличной работы нет, заработка нет, финансы поют романсы, а деревенский контингент, хлынувший из периферии в город, напрягает. Хорошо бы подзаработать между Баку и Москвой. Братья, естественно, прониклись к сестренке сочувствием и в унисон объявили, что всячески готовы поддержать ее стремления к обогащению. Но как? Саламова предложила несколько вариантов. Самая прибыльная показала торговля людьми.

Не смотрите на меня так. Она не имела в виду поставку проституток в Москву. У русских там своих хватает в избытке, и они гораздо квалифицированнее и привлекательнее наших...

– Это почему же? – возмутилась за державу Аталай и тут же покраснела, так как все подозрительно покосились на нее. – Я... я не это имела...

Оператор подло хихикнул. Прилизанный взревел.

– Не мешайте!.. Что она подразумевала? – обратился он с нетерпением к Длинному.

– Устройство в Москве призывников-дезертиров, которые не хотели рисковать шкурой в Карабахе и желали податься в Москву, к тому времени превратившуюся действительно в большую деревню с очень пестрым составом. Проясню...

В начале 90-ых в авиакассах, на железнодорожных вокзалах и в самом бакинском аэропорту орудовали дельцы, которые за определенную мзду содействовали невыездным гражданам призывного возраста пересечь границу. Здесь были замешаны многие. И пограничники, и милиция, и работники авиакасс – в общем, все, кому не лень и у кого были хоть какие связи или полномочия. Ведомство Мусаева знало об этом, периодически ловило “дельцов”, как говорится с поличным и, прощупывая по своей части, передавала особистам. Но через некоторое время, как в плохой сказке, на месте отрубленной головы вырастали три и все повторялось – новые люди брали прибыльное дело в руки. А к некоторым подонкам и приблизиться было невозможно, до того гладко их крышевали. Кстати, аналогичные процессы происходили и в Армении, я бы сказал даже еще в большем объеме.

Потому и пол Армении проживает в настоящем в России, так как за отпрысками следом отправлялась и родня, желающая освоить более благополучные пространства рядом с любимым чадом. Армяне в этом отношении более гибки, чем “тяжелые на подъем” азербайджанцы, которые до последнего держатся за привычный уклад и привычные места обитания, меняя их разве что в самых критичных ситуациях.

Тогда контора Мусаева сменила тактику и решила использовать это социальное зло в своих целях. То есть подбирать агентуру в среде дезертирующего контингента. Так и поступали некоторое время. План Саламовой же менял весь сложившийся тогда несложный расклад в этой оперативной ситуации и ставил ее на более серьезный уровень. Она предложила братьям Романовым устраивать молодых азербайджанцев-дезертиров в Москве под патронаж их бандитской бригады. Благо, за своих холеных отпрысков ментально заботливые папки и мамки готовы были выложить последнее. По сути, это означало контролировать процесс переезда и обустройства азербайджанских дезертиров в Москву и в область, а также в другие регионы компактного присутствия лиц армянской национальности, соответственно, и активных действий спецслужб противника. В этом случае наши непутевые юнцы оказались бы полезными хотя бы в оперативном плане, притом за счет своей родни. Далее, усовершенствуя начатое, мы могли бы размещать в Москве нашу целевую, специально подготовленную агентуру, выполняющую задачи

военной разведки по России и против Армении. Вот и весь расклад...

– Умно, – не удержавшись, довольно чавкнул губами Прилизанный.

– Как братья среагировали? – спросил Арзуман.

– Почувяв бабло, были в восторге. Обещали все обсудить с боссом, то есть с Игорьком или Игорем Аркадьевичем, ну, с тем самым, от которого я деру дал. И были убеждены, тот заинтересуется и даст добро на организацию этого, в общем-то неизбежного проекта. Наиле обещали самые активные бонусы.

– Но ты-то в дезертиры не вписываешься? – поразмыслив, я спросил. – Как же тебя собирались внедрить в бригаду?

– Это уже Саламова в Москве провернула, пока меня готовила Контора. Когда первая партия отечественных дезертиров устроилась в столице – кто на рынке, кого женили на местной гражданочке, в общем, когда появились пусть сначала небольшие, но реальные финансы из Баку, Наила получила допуск к боссу. Для нее сняли хату, определили процент от “товара”, задействовали и в других направлениях – ну, шмотки, конфетки, прочее – и дали ей задание прощупать другие регионы, в которых имелись горячие точки.

Короче, выждав время и хорошее настроение у босса, она рассказала о соседнем парне, еле откупившемся от ментов по мокрой статье. За его трудоустройство в Москве якобы

просят родители, так как не уверены, что их сыночка звери-менты в покое оставят. Парень гол как сокол, все деньги на выкуп пошли. Но он, по словам очевидцев, прекрасно зарекомендовал себя в боевых действиях, искусен в военной технике – снайпер, взрывник и, кажется, рукопашник. Такие люди вам не нужны?

Босс, подумав, дал добро. Мол, почему нет, мне нужны вояки. А то набрались тут качки необстрелянные. Что плохо, Кавказ... Но ничего, бабу найдет, обрусее.

Наиля – оперативно в Баку, якобы за очередной партией дезертиров. Контора через подставных лиц организывает ей встречу с моим отцом. Тот действительно просит за сына, надеясь, что Наиля устроит меня в Москве. Деньги предлагает из тех крох, что остались после продажи дачи...

Я не вмешивался, понимая, что все до нужной точки доведет ведомство Мусаева. Но не знал, что эта таинственная и, по словам отца, очень деловая незнакомка, на самом деле подставившая меня, старший лейтенант Саламова...

– А не проще было посвятить вас в детали? Ведь рискованно вести игру в темную, – спросила Гюлечка.

– Ну, не знаю... – нервно начал массировать виски Длинный. – Может, опасались моей реакции. Как-то Адылов проговорился, что на этом настояла сама Саламова. Ведь, по сути, она действительно подставила меня тогда. Я-то ей как последний лох рассказал про Джулию... Служба службой, а на

душе у нее гадко было... Наверное.

– Да нет у нее никакой души! – воскликнул Ветеран в тельняшке. – Опер даже маму родную продаст ради службы. Мол, купил не два кг. картошки, а три. Еще и справку напишет... Ты прибил бы ее при первой возможности, братан, одной сукой меньше стало бы...

Длинный как-то странно посмотрел на него, явно собираясь нагругить, но, видимо, сдержался, продолжил рассказ...

Глава II

– Я легко вычислил цыганку на Рижском. Маринка – красивая и немного в теле брюнетка с хорошо подвешенным языком была достаточно известна на рынке и имела определенный авторитет не только у цыган, но и среди чехов, контролирующих тогда Вещевой рынок. Она конкретно сидела на сигаретах. Торговала не только оптом, но и рознично. Розничная торговля позволяла определять изменения вкусов потребителей, а главное, быть в курсе дел по всему рынку.

Только после я узнал, что табачный бизнес являлся ширмой у цыган. Основную прибыль они имели от продажи наркоты, в том числе промышляли героин. Ну, героином...

В конце восьмидесятых между чеченцами и азербайджанцами произошел конфликт на Рижском рынке. В результате чехи взяли под контроль Вещевой рынок, а азербайджанцы потеснились в традиционный для них Фруктовый и Цветочный. У чехов тогда в Москве, да и по всей России позиции сильнее были, и они отличались сплоченностью, чего не хватало тогда, да и сейчас, что греха таить, нашему брату. С цыганами хоть церемонились, но считалось, что они данники чехов – платят им за так называемую “защиту”.

Что из себя представлял в начале и в середине 90-х Рижский рынок, теперь, наверно, помнят немногие. Коротко и

образно: здесь в то время и при желании можно было приобрести от самых нежных причудливых цветов до самого разнообразного металла – можно иметь в виду и танк...

Так вот, цыгане свободно промышляли не только в чеченской зоне, но и в азербайджанской, хоть и платили только чехам...

– Нас не интересуют разборки и войны этно-преступных групп, – проворчал Прилизанный – давайте, по существу.

– Вы понимаете... товарищ, – неторопливо ответил Длинный, – после конца советской эпохи простые обыватели вдруг проснулись и осознали, что их окружает совершенно другой мир с новыми причудами и правилами. В Москве в начале 90-х невозможно было определить, где пересекается закон с криминалом, где справедливость, а где беспредел. Вам, конечно, из окон ваших нашпигованных кондиционерами кабинетов, тем более 20-30 лет спустя, трудно все это понять и представить. Потому давайте договоримся, если я рассказываю что-то, по-вашему, не совсем по теме, значит, это имеет самое непосредственное отношение к этой самой теме, в чем вы чуть позже убедитесь.

Чинуша слегка покраснел и промолчал. Длинный продолжил...

Когда я купил у Маринки пачку “Родопи” и неуклюже передал привет ей от Алика из Баку, она, перестав крыть матом

какого-то вороватого вида субъекта, тотчас переключилась на меня, махнув тому, как назойливой мухе.

– Слава богу! – заметно волнуясь, она впиалась в меня настороженным взглядом. – Так он жив?

Я кивнул.

– Подожди...

Она с неожиданной проворностью юркнула в палатку и вышла уже в сопровождении двух худощавых и мускулистых цыган, которые встали за ее спиной и с интересом начали меня рассматривать. Один был в какой-то смешной шляпе, не гармонирующей с его злой, угрюмой физиономией. А у второго – кучерявого в ухе сверкало золотое колечко. В нашем рассказе они будут фигурировать под прозвищами Угрюмый и Кучерявый. Который в шляпе развернулся и быстрыми шагами пошел прочь. Маринка что-то следом крикнула на цыганском и обратилась ко мне:

– Ты принес хорошую весть. Где он и, вообще, куда пропал?

– Сидит. Мы были в одной камере, я раньше вышел. Думаю, и он не задержится. За что и как – сам расскажет.

– Давно сидит?

– Месяц был со мной. После прошло еще два.

– Уфф... – облегченно вздохнула она, – главное жив, остальное неважно. Ходили слухи, что его кокнули на войне, да никто не поверил. Мансор не идиот, чтобы париться в этой мясорубке. Да и с хачиками он здесь чуть ли не взасос

целуется. Тьфу!.. – харкнула она в проходящую часть поверх моих кроссовок с точностью снайпера. – Вот, кореш его армянский на рынке – Мишель или Мушег, обувщик – говорят, даже панихиду по его душу заказывал... Никол, – обратилась она к оставшемуся кучерявому цыгану с серьгой, – сообщи и заодно подбери себе туфли за весточку – эти разносились...

У того аж рот растянулся до ушей. Маринка зажгла сигарету, затаилась и вновь переключилась на меня.

– Вид у тебя озабоченный.

Я вздохнул:

– В Москву только прибыл. И сразу вляпался в историю.

– Что такое? – она нахмурилась.

– Неважно. Меня будут искать. Если что, буду здесь послезавтра в это же время...

День я провел на Киевском вокзале. На Курский не лез по понятной причине. Когда вновь прибыл к Маринке, Саламова уже ждала. Через несколько палаток, где торговали, кажется, вьетнамцы, я заметил Павла и Толика. У каждого в руке пивная бутылка, о чем-то болтали с веселенькой, узкоглазой хозяйкой палатки, но взглядом держали нас на прицеле.

Маринка мне кивнула, молча забрала небольшой мешок с сигаретами с прилавка и засемила на рынок. Тотчас из окошка лавки выглянул уже знакомый нам цыган Николай с “брендовым” колечком в ухе.

– Ну, здравствуй, – с заметным смущением поздоровалась Наиля. Она сидела на чурке перед палаткой и, перекинув ножку на другую, курила. Без кепки и с короткой стрижкой она выглядела великолепно. Верхняя пуговица ее темной блузки была расстегнута, обнажая белоснежную шею и чуточку грудь. Кожаные светло-коричневые сапожки изящно смотрелись на стройненьких, длинных ножках.

Заметив, что братья расплачиваются с продавщицей, она быстро заговорила на азербайджанском.

– Я выполняла задание. Надеюсь, ты понял. Это дело серьезное, и потому мы чуть ли не каждого человека в вашей части воспринимали как потенциального предателя, тем более военнослужащего, питавшего нежные чувства к армянке. Теоретически могли тебя вербануть.

– А практически ты меня сдала!..

Все-таки не смог скрыть раздражения. Оно просачивалось через каждую мою клеточку. Много раз представлял себе эту встречу, готовил соответствующую речь...

– Допустим... – она лучше владела собой, что меня еще больше разозлило. Даже улыбнулась, когда пустила дым колечками из нежно округлившегося ротика. – Ну, кокнут тебя. Невелика беда, пусть Родина живет... Ладно, не дрейфь, женишься на своей ненаглядной, Ромео.

Я с усилием взял себя в руки:

– Там, в госпитале, ты была другая. Вся воздушная.

– А я разная... – отрезала она, вставая. – Короче, к делу.

Тебя требует Игорь. Не бойся. Работу предложит. На мокрую не соглашайся, когда-нибудь вылезет. Берись за обучение новобранцев.

– А потом?

– Суп с котом. К будущим родственникам потопаешь... я скажу, когда. Все, свободен...

– Пошли что ли, – просто предложил Павлик, добродушно улыбаясь. Кажется, он был более коммуникабелен. Толик молча снял черные очки, прятавшие колючие глаза, и нагло впился в меня. Под его рыжей щетиной начали перекатываться хорошо развитые желваки.

“Еще один нервный тип с повышенной самооценкой...” – я вздохнул...

К Игорю меня пропустили уже более внимательно. Обыскали на предмет оружия. Под окнами босса расхаживали несколько братков, недовольно покосившихся на меня.

Федька по-прежнему растянулся в кресле, раскинув в стороны ноги в фирменных туфлях. На нос был прилеплен пластырь, под правым глазом темнело пятно. Секретарша, привычно-монотонно стучащая по клавишам машинки, метнула на меня испуганный взгляд.

Федька кивнул как ни в чем не бывало, встал и распахнул двери к Игорю. У него ни сейчас, ни после, когда мы стлкнувались у босса, я ни разу злобы к себе не чувствовал. Он

меня просто созерцал по мере необходимости.

Мне тогда так казалось...

Игорь также принял меня без лишних слов. За столом сидели еще несколько субъектов с харизматичными фейсами – все дружно изучали меня взглядами. Вопросы задали ожидаемые. Где жил? Где воевал? Почему? Как обучался военному делу? Что конкретно умею? Как отношусь к русским, дагам, чехам, армянам? Да, и про татар спрашивали.

Я спокойно отвечал. К армянам отношусь в целом недоброжелательно – воюем, хотя учитываю человеческий фактор. К остальным... терпимо, лишь бы людьми были. Разбираюсь во всех традиционных стрелковых оружиях постсоветского пространства. Имею рукопашные навыки. Могу собрать СВУ⁴ разной мощности и компонентов. Саперное дело – специалист по минированию. Кто учил? Понятно – инструкторы. В спецназе воевал с “афганцами”, в том числе из России и Украины, они и обучали. Их фамилии? Пожалуйста: Клодницкий, Шкиченко, Нестеренко с Украины, Федотов – питерский, с Казани – Рустам... Валиулин. Кажется, точно не помню. Рахимзянов, братья Орловы...

Еще назвать?

Фамилии и места рождений аккуратно записывались...

Видимо, остались довольны. Меня прикрепили к знаковой тройке – Павлу, Толику, Саламовой. Я поселился в их

⁴ СВУ – самодельное взрывное устройство

совковой трехкомнатной квартире рядом с метро Новогирево и начал разделять их в меру скромный быт. Меня побрили, одели, обули так, что я не особенно отличался от москвичей, и вообще, от русичей. Благо, я светлый от рождения и, как видите, больше похож на татарина, чем на кавказца. Посоветовали со временем перейти на московский акцент, чтобы от моего нацменьшинства не осталось и следа. Выделили пока убитую “копейку”, которую я сам должен был поставить на колеса.

Вопрос с легализацией решили просто. Выдали мне паспорт на имя Ксенофонта Олега Малаховича, 1968 года рождения, уроженца одного труднопроизносимого населенного пункта Алтайского края. Самое странное, что этот субъект действительно был похож на меня, вернее, наоборот. Так как за день до этого Толик повел меня в захудалый женский салон, видимо, работающий больше по заказу, так как открыла его уже при нас какая-то жутко намазюканная деваха. Посмотрев на фотку в ксиве, она прическу мою немного укоротила, на лбу оставила небольшой чубчик и удлинила баки – как у настоящего хозяина паспорта.

В общем, новой физиономией я остался доволен. Уже в квартире на вопрос, где настоящий хозяин паспорта, Толик огрызнулся, что я не в Угро работаю. А Павлик со своей добродушной улыбкой все-таки объяснил – от хозяина спроса не будет, мол, за все уплачено. “Панихидой” – мрачно добавил Толик, и на этом я счел вопрос исчерпанным...

Через несколько дней меня вывезли в местность под Старой Рузой. Огромная площадь лесного пространства была огорожена высоким деревянным забором аж до трех метров. Помню металлические таблички на окрашенном в зеленый цвет заборе – “Частная собственность”. Не знаю, чья это была собственность, но охранялась она профессионально и, наверняка, серьезно крышевалась. По всему периметру забора ездили внедорожники с вооруженной охраной и злобно лающими собаками.

Подмосковные леса раскинулись на огромной площади и скрывают в себе много тайн...

Внутри участка были рассыпаны деревянные домики. Повсюду шныряли спортивного вида ребята, в основном в адидасовских и полевых формах, под которыми зебрились сине-белые полосы тельняшек. Я понял, что нахожусь в учебно-тренировочном лагере Бригады. Иногда слышались короткие очереди или одиночные выстрелы. Стрельбище находилось пока вне нашего обзора. На ближайшем плацу, рядом с которым проехала наша машина, проводились уроки рукопашного боя. Я невольно засмотрелся. Это был чисто русский рукопашный бой с характерным мордобоем. Ребята бились под руководством инструкторов яростно и почти молча, выкрикивая изредка боевые кличи или мат. Одним из этих инструкторов предстояло стать мне.

Что поразило – это абсолютный порядок в кажущемся

хаосе. Лагерь напомнил мне человеческий муравейник, где каждый индивидуум знал и делал свое дело. За порядком следила “администрация” лагеря, разъезжающая на внедорожниках – тот же контингент, но, видимо, выполняющий постоянные обязанности.

Мне определили избу, во дворе которой маячил компактный турник и несколько несложных тренажеров. На земле валялась небольшая самодельная штанга и такие же гантели. Да, еще из П-образного трубочного строения висел почти восьмиметровый канат. Дали день для тренировки нервов и мышц. Показали столовую и прочие хозяйственные точки.

Тут я пробыл безвыездно почти два месяца, пока не утвердил статус и заслужил признание. Народ здесь обитал суровый, и утвердиться здесь потребовало от меня выложиться полностью – физически и морально. Расскажу коротко, акцентируя на основных для нашей истории событиях, поскольку при ином раскладе повествование удлинится. А ведь это только вступление...

Рукопашному бою покойного брата Искандера научил в рядах СА некий каракалпак из Намангана -это Узбекистан. А тот приобрел учение у буддийского монаха из Бурятии. Это сейчас пошла мода на восточные единоборства. Почти треть молодежи после полугодовой качки, анаболиков и нескольких утрированных приемов считают себя гениями кунг-фу или, допустим, джиу-джитсу. Это смешно. Нельзя

заниматься строительством или торговлей, а после трудового дня, вися полчаса на турнике или на брусьях, стать бойцом.

Искандер после армии три года не выходил из зала. Тренировался в лесу, в горах, на скалах на берегу моря, гоняя и меня перед собой. Каждый прием у него был начертан в тетрадке и отрабатывал он его сотни раз, доводя до автоматизма. Медитировал часами. Несколько раз выезжал на продолжительное время к своему другу в Узбекистан, приезжал оттуда еще сильнее и выносливее. Было советское время. Приличный заработок отца вполне мог оплачивать его увлечение. В дальнейшем он хотел открыть школу рукопашного боя и вернуть все вложенное родителям. Не суждено было. Почему я это рассказываю, чтобы поняли – у меня было с чем выходить к этой публике, так как кое-что Искандер успел и мне передать. А остальное добавила война.

Их быстро увлекло мое преподавание. Я успешно комбинировал тяжелую ОФП с рукопашной техникой. Помогали Романовы. Мы и сами тренировались, обогащали друг друга бойцовскими навыками. В дальнейшем эти ребята мне очень помогли, со временем мы стали единой командой. Об этом позже...

Помимо рукопашного боя я “бандитам” преподавал и военное искусство, естественно, в той мере, коей сам владел. Это и обучение стрельбы из различных видов стрелкового оружия, изготовление самодельных легковоспламеняющихся-

ся ВУ – взрывных устройств, дымовых шашек; секреты переделки сигнальных, пневматических пистолетов на боевые, изготовление самодельных стволов для разового применения, минирование автомашин и объектов – это на базе тротильных шашек и противопехотных мин. Мне нравилось особенно с МОН-ами⁵ экспериментировать... Далее навыки саперного дела, в том числе разминирование, пользование средствами связи, методы наружки и т. д...

То есть члены Бригады стремились владеть теми необходимыми военными навыками, которые помогли бы им выжить или выполнять поставленные задачи в ограниченных боевых действиях в городских условиях, а также в стрелках с конкурентами в лесных. Так как обычно разборки между представителями конкурирующих банд проводились в подмосковных лесных массивах. Потому я их также обучал растяжке противопехотных мин, что при грамотном расположении почти не оставляют шанса противнику. Имеется в виду использование до сих пор оставшихся на военных складах СНГ мин ПОМЗ-2 и ее модернизированная модификация ПОМЗ-2М – они широко использовались во всех локальных войнах постсоветского пространства. Их так и называют – мины-растяжки. Впрочем, их легко можно было заменить и

⁵ МОН-ы – противопехотные осколочные мины направленного поражения. Предназначены для поражения живой силы противника, в том числе в различных видах транспорта.

более доступными эргешками⁶, в основном лимонками⁷. С этой целью мы уходили глубоко в леса.

Мы также отработывали различные виды засад. Проводили маскировочные занятия, учились выбирать позиции для снайпера, оборудовать их, обнаруживать стрелков противника...

Помню, как-то пригнали к нам на “Газели” несколько ручных противотанковых гранат РПГ-7 с кучей снарядов на них, а также несколько десятков РПГ-18, именуемых в народе проще – “Муха”. Я тогда засмеялся и спросил у бойца: вы что, штурмовать Кремль собираетесь? Ответ поразил: дадут команду, возьмем и Кремль. Давно пора...

– И всему этому вы обучали этих подонков? – воскликнула пораженная Гюля. – Ведь они же бандиты и приобретенные навыки будут использовать против мирных граждан! Вы!.. Я не знаю, как назвать ваш поступок!..

Длинный уставился на Гюлю, как сытый удав на мартышку. Но после, с привычным для него спокойствием и некоей долей снисходительности, ответил:

– Быть бандитом не обязывает человека стать и подонком. Они просто находились по ту сторону баррикады. Поверьте, среди так называемых правоохранительных органов подон-

⁶ эргешка – РГ, ручная граната, военный жаргон.

⁷ Лимонка – или “эфка”, ручная противопехотная оборонительная граната – Ф-1, военный жаргон.

ков может больше. Особенно в ту пору. Вспомните историю Мансурова.

– Но это не освобождает вас от ответственности, – мрачно произнес Прилизанный.

– Перед кем и за что? – после небольшой паузы спросил озадаченный рассказчик.

– Я понимаю, что вы нарушали законы другой страны, но это не освобождает вас хотя бы от моральной ответственности, для которой нет границ. По существу, вы обучали, возможно, будущих убийц смертоносным навыкам. Вы это осознаете?

– А-а, бросьте... – устало махнул рукой Длинный. – Среди них было немало отставных военнослужащих и контрактников, прошедшие Чечню и другие горячие точки, и они разбились в военном деле не хуже меня. Парни просто скромно молчали, участвуя в процессе – я это чувствовал. Если не я, то кто-то другой занял бы это место. Эти мальчиши-плохиши были детьми своего времени, и породили их такие важные политики, как вы, например...

– Я?! – искренне удивился Прилизанный. – Да что вы мелете? Я вообще против какого-либо насилия. Бред какой-то!.. – нервно усмехнулся он. – Я законопослушный гражданин и всегда боролся во имя торжества этого закона.

– На самом деле вы универсальный чиновник. Такие, как вы, повсюду: в России, в Китае, во Франции, в Уганде... Во всем мире, где существует присутствие хоть какой власти и

управляемой ею толпы.

Вы молчаливо и беспрекословно выполняете любую команду от вышестоящей инстанции, не задумываясь о причинах и последствиях. Вы, как хорошо вымуштрованная овчарка, способны по команде фас бросаться на любого индивидуума, чем-то не вписывающегося в систему. Вы малый кукловод, управляемый чуть большим, а тот другим и черт знает, куда упирается вершина этой пирамиды. Я не удивлюсь, если к самому Богу или Дьяволу. Поди разберись, кто из них чем занимается.

Когда вы наглеее, упиваясь безмерной властью или же, наоборот, атрофируетесь от вседозволенности, происходят революции, разрушаются системы, развязываются войны. Все устоявшееся, положительное для таких маленьких людей, как я или этот несчастный Мансуров, летит в тартарары. Вот тогда и появляются эти, так называемые, бандиты, бригады, гангстеры – в общем, пассионарии, которые не желают ходить по чьим-то стрункам. Большинство погибают. А выжившие незаметно для себя нередко и сами превращаются в кукловодов, поступая на службу к Матрице...

Прилизанный взорвался:

– Бред несете! Насмотрелись фильмов... – он с гневом стукнул карандашом по столу и, кажется, сломал. – Я никогда против совести не выступал, понятно? Никто не сможет утверждать, что я когда-либо совершал недостойный поступок или поддержал неправоное дело.

– Да, конечно... – вяло согласился Длинный. – Никому это и не нужно. Людям не до вашей морали, у них свои разборки с Матрицей... А вашу совесть просто отформатировали. Система, которой вы служите, давно внушила вам, что все, что делается от имени этих чертовых “законов,” – свято, верно...

– А разве не так? – воскликнул обескураженный Прилизанный. – Если нет закона, начнется анархия, возникнет беспредел! Считаете, тогда обществу... маленьким людям, вроде вас, будет лучше? Вы что, предлагаете Антиматрицу?

– Нет, я ничего не предлагаю... – чувствовалось, что рассказчик устает. Он произвольно взгляделся в пустую рюмку. – Я хочу, чтобы такие, как вы, хоть однажды задумались – почему во все времена законы служат прежде всего сильным мира сего и обслуживают их интересы? Почему палач, исполняющий смертную казнь, по вашей морали освобождается от ответственности, если даже был вынесен несправедливый приговор? Потому что он слуга, исполнитель закона? Но разве в этом случае он не является орудием убийства и не разделяет ответственность пусть даже не перед совестью, то перед Богом?

– Где он, покажите мне его, черт возьми... – тихо огрызнулся в сторону Ветеран в тельняшке.

– Кто мешал этому палачу анализировать приговор, апеллировать здравой логикой и вынести свой вердикт для обвиняемого? И в конце концов, кто дал ему право быть испол-

нителем чужой воли, именуемой Законом, являющимся, в общем-то, бездушной субстанцией и лишить человека свободы или жизни?

– Но это демагогия! – вновь воскликнул Прилизанный. – Если не работает закон, не будет работать карательная машина этого закона, наступит апокалипсис! Люди будут безнаказанно совершать тяжкие преступления, разные мерзкие поступки, общество деградирует до первобытного! Пусть законы несовершенны, бездушны, порой абсурдны и безобразны, но они регулируют человеческую цивилизацию и поддерживают определенный порядок. А разные ваши пассионарии пытаются нарушить этот условный баланс и приносят в итоге хаос человечеству. Вот тогда и Система, которую вы называете Матрицей, их раздавливает.

– В этом-то вес абсурд Бытия, – устало произнес Длинный. – Пассионарии своими амбициями, революционным мышлением, сомнительными подвигами, согласен, приносят в итоге беды человечеству. Но и через все эти потрясения обуславливают его дальнейшее развитие.

Дальше не понимаю. Хочу просто подчеркнуть, что в этом управляемом хаосе каждый сам выбирает себе дорогу. Кто-то становится штатным палачом этого правосудия или чиновником, выносившим таким же двуногим существам, как и он сам, обвинительные приговоры, а кто восстает против кабалы этих кукловодов, борется, сеет, как вы выразились, хаос и разруху, и этим разрушает привычный, но серый

и несправедливый уклад жизни в обществе, навязываемой Матрицей.

Хотя это порочный круг. Все через века повторяется...

– Вы что, товарищи, решили до конца дней своих стучаться лбами, споря кто первый родился – яйцо или курица? – проворчал Бакинец.

– Какая разница? – вгрызся пожелтевшими зубами в очередную окорочок Ветеран в тельняшке. – Я последний раз икру жрал перед первой походкой – в конце восьмидесятых, – оторвав внушительный кусок, он довольно чавкнул. – Я готов и дальше потчевать в таких условиях.

– Да-а, пусти козла в огород, – с отвращением бросила Гюля. – Тебе икра не подходит. Твой удел – килечка да водочка.

Ветеран в тельняшке начал зеленеть. Чувствуя приближение очередной потасовки, я торопливо предложил:

– Действительно, давайте водочку.

– Можно с прицепом, – залыбился Арзуман.

Цвет кожи хозяина тельняшки обратно посерел в натуральный. Они одновременно с Арзуманом потянулись за бутылкой, которую в итоге перехватил юркий Бакинец.

– За правильных пацанов! – с досадой предложил провокационный тост Ветеран в тельняшке, ревниво следя по жизни вытарашенными глазами за справедливым разлив спиртного.

– Да, и чтоб их побольше было, – промяукал Оператор из своего столика, “стыдливо” продувая мелированную челку.

– Что, конкуренции боишься, сучка? – загоготал Ветеран в тельняшке.

Оператор даже бровью не повел.

– Считаю ваше обращение комплиментом, мальчик мой.

– Что-о!.. – Ветеран в тельняшке оторопел и опять начал меняться в цвете.

– У тебя интересная перспектива, братан, – захихикал Бакинец.

– Тихо-тихо... – придержав за плечо, почти с силой посадил возмущенного коллегу обратно, Арзуман. – Товарищи твои шутят. Товарищи, – обратился он по назначению, – хватит провоцировать криминал.

– Да, лучше не рисковать, – задумчиво произнес Прилизанный, видимо, еще не отошедший от прения с рассказчиком. – Только анархистов-максималистов не хватает нам в перспективе.

– На фронт бы обоих... – процедил сквозь зубы Ветеран в тельняшке. – А лучше на зону... Вас всех надо на зону! – вдруг выпалил он и зло уставился на Прилизанного.

– Что ты несешь, алкаш? – храбро пролаял в сторону “Тельняшки” Зопаев. – Если война начнется, я лично возьму в руки оружие и пойду воевать. Мы покажем им! За все ответят!..

Все замолчали и удивленно уставились на него. Зопаев от выпитого и высказанного покраснел как рак и, гордо вскинув голову, казался образцом патриотичности.

– Зопаев, если ты пойдешь воевать, мамой клянусь, мы сами непременно окажемся в глубокой армянской жопе. Хачики будут думать, что все нормальные пацаны у нас изжились и потому таких уродов, как ты, в армию забирают, – изрек, икая Бакинец.

– Лучше Карабах армянам отдать, чем с Зопаевым в одной камере... тьфу... в окопе сидеть! – заревел Ветеран в тельняшке и иступленно начал стучать по груди. – Падлой буду, если с ним в одной сралке сяду!..

– Молчать!.. – тут взревел Прилизанный. Оставшиеся у него на голове редкие волосы вздыбились как у плешивого ежика и стали торчать во все стороны. Нотка отчаяния в голосе заставила публику действительно замолчать.

– ...Вы, жалкие обыватели, неудачники и слизняки, доставили меня до невозможности! Вы можете заткнуться, просто жрать шашлык, жрать водку и слушать этот рассказ? – глаза его ненормально светились и, казалось, вот-вот вылезут. – У меня полно дел, государственных забот, в конце концов, семья, а я тут торчу и вынужден слушать всю эту тупую болтовню!..

Наступила чуть ли не оглушающая тишина. И в этом слуховом вакууме вдруг послышались какие-то крики бравады в соседнем зале. Кто-то мерзким, пьяным голосом пытался спеть мугам, а остальные пытались аплодировать.

Звук вилки, скрипящей по чьей-то тарелке, прошелся и по нашим нервам. Все невольно посмотрели на Арзумана.

Бросив вилку на стол, он отрывисто ответил.

– Вас тут никто не держит. А за ресторан мы сами заплатим.

– Скинемся, – поддержал я.

– Мы вас угощаем, – съязвила и Аталай.

– Упрекать гостей куском хлеба! – покачал головой Ганмурат. – Где мои горы...

Прилизанный схватился руками за голову, так и застыл. Обратился он к нам уже сдержанно и заметно покрасневший.

– Извините, ради бога. Я... не хотел... Но поймите, я не могу без конца слушать о какой-то сралке или жопе. Неужели нельзя по-иному высказываться, чтобы слух не резало. Поймите же, я не привык к такому лексикону, у меня другой мир, другое восприятие...

– Слушай, ты, урод! Когда научишься культурно быздеть в приличном обществе? – обрушился на Ветерана в тельняшке Бакинец. – Зачем жопа, если есть задница, чемодан, сиделен или пердак? Чему тебя в школе учили? Зачем сралка, если можно унитаза? Я не сяду с ним на один унитаза. Или в одном поле – это вообще поэтично.

– По-ле, русское поо-ле!.. – запел мерзким фальцетом режиссер.

– А я не хочу унитаза! – вновь заорал Ветеран в тельняшке. – У меня его никогда и не было... – от возмущения синие жилки выступили у него на шее под цвет тельняшки, а глаза прослезились. – Я и в тюрьме нюхал парашу под собой,

и в своей клетушке на Советской улице. И всю жизнь был в жопе, неважно в армянской или в азербайджанской, куда такие, как они... – он вскинул палец чуть ли не в глаз Прилизанному, – меня определили. Он меня пригласил сюда, и, если ему не нравится, как такой неудачник как я... бзззз, пусть катится к своим таким же удачливым подонкам, как он сам! Пусть ставит свой пухлый срандел на свой фарфоровый унитаз и оставит мою костлявую жопу в покое!

– Ну ты... братан!.. – наступившую очередную паузу нарушил восхищенный голос Арзумана. – Дай-ка пожму твою руку... – потянулся он к нему через противоположную сторону стола. – Помню, на войне немало зеков воевали и показывали чудеса храбрости. Был у нас один – Автандил Баладжарский. Однажды так обшабился, что во время атаки не только обогнал своих, но и улепетывающих хачиков. А когда понял, в какое дерьмо вляпался и сейчас армяне коллективно отомстят ему за исторический позор, чекнул гранату и взорвал себя, забрав на суд Всевышнего всех носастых противников, которые были рядом.

– Образец классового противоречия в обществе... – задумчиво произнес Бакинец, наблюдая за зардевшимся от похвалы Ветераном в тельняшке. – Да с него статую Революции можно слепить и поставить рядом со статуей Свободы...

– Лучше перед входом в зону, – подло предложил Оператор. – По назначению.

– Ага, в кепке, в тельняшке и в галстукe, – ехидно доба-

вила и Гюля.

– Хорошо, я учту ваше предложение и в следующий раз подберу себе общество по положению, – устало произнес Прилизанный. – А теперь, умоляю вас, давайте все-таки послушаем продолжение рассказа, тем более он обещает перейти в интересную фазу.

– Да, расскажите, пожалуйста, как вы встретились с Джулией, – вновь похлопала в ладоши Аталай. – Я так жду этого момента...

Глава III

– Нормально встретились... – смущенно промямлил Длинный. – Я давно установил ее адрес и несколько раз следил за ней. Наверное, нет смысла описывать свое состояние в эти минуты.

Короче, грянул я на их головы как гром среди ясного неба. А день действительно был солнечный, когда я рано утром, наконец, постучался в двери роскошной московской квартиры Манучаровых.

Мне повезло. Дверь открыла Джулия, которая, уже одетая, собиралась на работу. В следующий миг она молча повисла на моей шее...

– Как клево!.. – опять не сдержалась и в восторге пропищала Аталай. – Господи, пошли мне дворянина! – перефразировала она известную фразу из любимого кинофильма.

– Уже послал... – моментально отреагировала Гюля. – Вот, сидит рядом и пахнет природой, – указала она на нахмурившегося Ганмурада. – Быстро ты забыла вчерашний поход с ним по бутикам.

– Одно другому не мешает, – Бакинец опять представился в роли глиста. – Дворянин женится, стихи будет сочинять на брачном ложе, а Ганмурат им шашлыки будет делать на свечах. Идиллия!..

На этот раз звонкая затрещина разозленного Огуза успела дойти до назначения. Вскочив как ошпаренный, Бакинец нервно начал массировать покрасневшую шею.

– Кто их пустил в город, я его... Ах, какая его мама хорошая, ай, какая красивая!..

– Прекратить! – к всеобщему удовольствию повторился привычный сценарий. Прилизанный, впрочем, уже без особой злости, больше со смирением, несильно стукнул ладонью по столу. – Продолжайте... – почти жалостливо обратился он к Длинному...

– Не знаю, сколько продолжалась эта немая сцена. Мы просто замерли в оцепенении. Время перестало для нас существовать. Джулия беззвучно плакала в моих объятиях.

Из открытой входной двери выпрыгнул белый пушистый котенок и храбро расселся на брошенную на пол сумочку из дорогой крокодиловой кожи.

– Джулия, матах⁸, у тебя когда-нибудь ручки дойдут до... – произнеслось неприличное определение, – Кики опять убежала.

Трескучий голос Джулиной бабушки оторвал нас от сладостного забвения. Мы невольно рассмеялись.

Старушка появилась на пороге. Увидев любимую внучку в объятиях мужчины, она сначала оторопела. После, прищурив глаза, внимательно присмотрелась.

⁸ матах – на армянском, дорогая.

– Мой Рафаэль!.. – прошептала она с бесконечной нежностью в голосе. – Я знала, что ты придешь...

– Здравствуйте, дорогая тетя Инна, – я осторожно сжал хрупкую старушку в объятиях. – Как я рад, что застал вас в добром здравии.

Она же, всхлипывая, продолжала причитать.

– Моя бала⁹ приехал, какое счастье!.. Роза, Самвел, Мануля, идите сюда, смотрите, кто пришел!

Тетя Инна, или Инесса Андреевна, как она чинно любила представляться, любила меня, наверно, больше всех моих поселковых соседей, потому еще и заплакала от радости.

– Мой Рафаэльчик пришел. Мой внучек пришел...

Я гладил ее уже сильно поседевшие волосы. Другую руку обнимала Джулия, прижавшаяся и не отрывая от меня счастливого взгляда.

– Постарела твоя тетя Инна на чужбине... Вай, Баку! Вай, мой дворик! Кто живет теперь там? Кто поливает мои лозы?

– Здравствуй, сынок...

Я повернулся к двери. Это был Самвел Манучаров, отец Джулии. За его спиной с испуганными глазами смотрела тетя Роза – мама Джулии – и еще какой-то худой и длинный субъект с ярко выраженными чертами – нос с большой горбинкой и оттопыренные уши. Джулия, схватив сумочку, молча нырнула обратно в квартиру.

⁹ моя бала – смешанное, русско-азербайджанское, дословно – мой малыш, ласкательное обращение к ребенку у бакинцев, в том числе у армян.

– Здравствуйте, дядя Самвел. Здравствуйте, тетя Роза.

– Заходи в дом... – растерянно прокашлял папа Джулии. –

Что стоишь у двери как бедный родственник?

– Заходи, сынок, заходи... – потянула меня за руку тетя Инна. – Ты разве в Баку у нас на пороге стоял? Это твой дом... Роза, не стой как королева в борделе, иди, расстели скатерть...

– Что вам рассказывать? Манучаровы меня как родного приняли. Они, конечно, радовались, хотя в их глазах я то и дело улавливал тревогу, а то и печаль. Они прекрасно понимали, зачем я приехал.

Мы сидели за круглым столом в гостиной и сладко пили ароматный чай, поданный Джулией в грушевидных, с узорами на нежном хрустале, стаканах, известными в Азербайджане как “армуды”, и все вспоминали и вспоминали. Познакомили меня и с худощавым типом с оттопыренными ушами и с очень интеллигентным взглядом.

– Эммануил Акопян... – тот солидно представился. Он являлся Манучаровым дальним родственником и помогал отцу Джулии по работе. И, кстати, являлся претендентом на ее руку и сердце. Это я позже узнал, когда он в скором тихо исчез из нашей жизни, оставив работу у Самвела Манучарова.

– Из Баку заказали, – нежно держа стакан, сказал дядя Самвел. – Из других и не хотим пить, вкус чая не чувствуем.

– Они с отцом твоим и дома так капризничали, – улыбаясь, вспомнила тетя Роза. – Помню, как отправляли обратно чай, налитый в другие стаканы, кровопийцы...

Я невольно задумался. Сколько времени прошло, столько горя и несчастий, а бакинские армяне до сих пор называют Баку домом, где они так много радостей делили со своими соседями – азербайджанцами, русскими, евреями... Господи, как это случилось? Как ты мог позволить?..

– Мы наслышаны о горе, постигшем вашу семью, – вновь деликатно откашлялся дядя Самвел. – Пусть земля будет пухом для Исика (так они называли брата Искандера), ведь такой золотой мальчик был... И как он мог сунуться в эту мясорубку? – вдруг психанул он. – Твой отец мудрый, рассудительный человек. Как он мог позволить ему... вам, – он с укором посмотрел, – залезть в эту бойню? Вот ты... Что ты потерял там? – пытливо уставился он на меня. – Ведь мы знаем, и ты воевал...

– Самик... – Роза осторожно дернула его за рукав.

– Нет, мне просто интересно, Роза. Он же не чужой? Я просто хочу понять.

– Так получилось, дядь Самик.

– Почему так получилось?

– Наверно, защищали родину... – я невольно посмотрел на Эммануила, который, потупив глаза, молча слушал. Джулия, вся на взводе, тоже не поднимала глаза.

– А-а, брось! Что ты ерунду мелешь?! – почти закричал

Самвел Манучаров. – Родина!.. Не смей! Твоя родина Баку, поселок Кирова, наш двор! Ты до этого и дня не был в этом гребаном Карабахе! Что у тебя общего с ними? Ты думаешь, нам этот Карабах нужен был? Мы все потеряли из-за него! У меня несколько поколений жили в Баку, на Завокзальной, в Кировском. Я каждый дом, каждую семью знал в этих районах, будь хоть армяне, хоть азербайджанцы. В любой двор, в любую дверь мог зайти без стука. Вот где была моя Родина!.. А теперь? Разве мы живем? Мы существуем просто, понимаешь? Каждый день, сталкиваясь с этими чужими харями, везде: на улице, на работе, в транспорте, в гостях – я в их взглядах читаю только одно: понаехали! А то, что, “понаехав”, я за пару лет своими армянскими мозгами создал рабочие места, кормлю и пою их, им, конечно, неинтересно. Я, Самвел Манучаров, имеющий два высших образования, который в Баку с секретарями райкомов разговаривал на “ты”, здесь лицо кавказской национальности, человек второго сорта!

Ты их хоть на шее вози, хоть душу отдай, Кавказ для них всегда будет бельмом в глазу! А то, что кавказец Сталин для них империю создал, которую они пропили, быстро забыли!..

– Самик, успокойся... – тревожно промолвила тетя Роза, нежно глядя его по плечу. – Тебе нельзя нервничать, сахар поднимется.

– А пусть... – он махнул рукой. – Хоть одним разом. Все

надоело.

– Сдурел на старости? – разозлилась жена. – А нас на кого оставишь?

– Не все такие, – примиряюще высказалась тетя Инна, – не бери грех на душу, Самик, разве наши соседи плохие? Нас везде уважают. В магазине меня всегда без очереди пропускают. Даже этот пьяница... Как его? Который в подъезде в полосатой майке спит. Порох...

– Прохор, – подсказал Эммануил.

– Да, он меня графиней называет и всегда галантно кланяется, – хихикнула она, подкашливая. – Он мне напоминает спившегося аристократа.

– Твоему спившемуся аристократу в заштопанной тельняшке Мануля каждое утро исправно выдает на пойло, и если он по какой-то причине этого не сделает, то тот способен от злости блевануть у нашей двери или, извини, мама, вообще написать на площадке, как он однажды это сделал. Вот потому и кланяется, что пьет на наши деньги.

– Вай, что ты говоришь, Самик, – тихо захохла тетя Инна. – Вай, чтобы он сдох, негодник...

– Соседи тоже свое получают. Нет-нет, я к каждой двери подкидываю то мешок муки, то мешок картошки. И все ради того, чтобы моя бала... – погладил он с нежностью волосы рядом сидевшей Джулии, – не читала в их глазах это омерзительное “понаехали”, мама. А в магазин я тоже выгодно для них поставляю продукцию, за которую расплачиваются,

когда удобно. Так что причина их уважения не твои седые волосы и зрелые года. Тут тебе не Баку.

– Вай Баку, мой несчастный Баку... – опять всплакнула Инесса Андреевна, поднеся свой белоснежный платок к старческим глазам. – Какой ты жестокий стал, Самик. Ты раньше такой хороший мальчик был...

– Аа-а... – раздраженно махнул Самвел Манучаров. – С этой сумасшедшей жизнью я скоро сам превращусь в Прохора... Пойду, часок вздремну перед работой, Роза... – устало произнес он, вставая, – что-то нездоровится. А ты, будь как дома, сынок, поговорим еще...

Да, конечно, поговорили, после еще и еще раз говорили. Они хотели узнать про все и про всех после того злополучного дня, когда их провожали у парома. И ловили каждое слово, когда речь шла о родном Баку – где что построили, где снесли. Особенно интересовались соседями, с которыми прожили рядом не один десяток лет. Дружили, вечерами в нарды стучали во дворе, где дети допоздна играли в прятки, а женщины беспечно грызли семечки, обсуждая, самые, что на их взгляд, интересные новости: кто за кого вышла замуж, кого женили или кто куда поступил.

Мы тогда жили, наслаждаясь каждым днем и настраиваясь на самое светлое будущее, которое если даже не мы, то наши дети обязательно должны были узреть. Кто бы нам объяснил, что проживаем мы уже в этом “будущем” и что ско-

ро все это исчезнет как мираж в пустыне, словно землю заполняют самые темные силы, что могло придумать большое воображение. Что потомки наши уже не будут танцевать на комсомольских и интернациональных свадьбах, а как пушечное мясо будут загнаны на фронтовые позиции с целью уничтожения друг друга. Они уже будут не только нашими детьми, но и детьми войны, беспредельного мира, находившегося под властью сильных мира сего...

Родня очень беспокоилась за Джулию, своей добротой и обаянием заслужившую всеобщую любовь многочисленного клана Манучаровых. Она стойко сопротивлялась бесконечным попыткам родителей устроить ее жизнь. Многие сватались. И некий осетин был из клиники, где она работала, который, получив решительный отказ, тут же уволился. Достойный поступок... Джулия все предложения отметала, сильно злясь и нервничая. И у родителей опустились руки.

– Скажу тебе честно, – как-то расстроено произнес дядя Самвел. – Я и все мы против этого брака и ты, конечно, понимаешь почему. Ты хороший мальчик, Рафаэль, ты вырос на наших глазах. Мы знаем твою семью, знаем, какое воспитание ты получил. Не было бы этих событий, мы счастливы были, если наша кровинка связала бы судьбу с тобой. Но сейчас... – который раз вздохнул он. – Я не представляю ваше будущее! Слишком много крови между нашими народами. Что плохо, она проливалась в прошлом и нет гарантии, что

не прольется и в будущем. Идиотов всегда будет хватать... А о детях, которые еще не родились, вы подумали? Какое будущее вы им готовите? Быть изгоями в обеих общинах! Сейчас распадаются даже устоявшиеся браки на этой почве, а вы решили заключить новый. Вы сумасшедшие. И мы сумасшедшие, что не можем отговорить вас... Вот, ответь мне, сынок, положив руку на сердце, ты уверен, что сможешь сделать ее счастливой? – спросил он с какой-то надеждой, пытливо всматриваясь не в лицо, а, кажется, в мою душу.

Мне трудно было ответить. Отвел глаза. Знали бы, в какое дерьмо вляпался, за порог не пустили бы. И мне было ужасно стыдно, что обманываю хоть в чем-то столь родных мне людей, мою преданную Джулию.

Но, я вспомнил погибших, искалеченных на минах молодых ребят, аккуратно зияющие снайперские точки на их висках, лбах. Вспомнил информацию о зажавшихся на солдатских судьбах предателях-военачальниках. Погибшего брата, потерявшую разум от горя мать, надежду в глазах полковника Мусаева...

Семья Джулии, как и тысячи бакинских армян, не виновны были в этих трагедиях. Более того, они сами являлись жертвами этой ужасающей подставы со стороны некоторой части фашиствующих сородичей, управляемых мировыми силами. Парадокс заключался в том, что в этой ситуации я не смог бы исполнить долг перед родиной, не впутывая в это дело Манучаровых. И не смог бы быть счастливым и с Джу-

лией, устранив от предложенной мне роли, осознавая, что мог бы приостановить цепь предательств и подстав, из-за которого возможно погиб и мой брат, но не сделал этого.

Уже поздно было о чем-то размышлять, я сделал выбор. В глубине души тлея надежда, что, все-таки выполняя поставленную задачу, я смогу сберечь свое личное счастье с Джулией. В том числе оградить ее близких от возможных последствий, которые, вероятно, ожидалось в скором будущем...

– Слушай, братан, ты своими душевными терзаниями скоро затмишь славу Спасителя, – тут недовольно пробурчал Бакинец. – Что ты оправдываешься без конца, терзая и наши души? Ясно, что как разумный человек ты хотел и рыбку поймать, и ножки не замочить...

– Ара, другими словами, он хотел жениться на красивой и богатой армянке, поимев при этом Армению, как вражеское государство, – заржал и Ветеран в тельняшке. – Чувак, ты герой, если это сделал. Штирлиц перед тобой носки должен снимать.

– Заткнись. А то заткну. – Спокойно и коротко предупредил Длинный.

– Что я сказал!.. – обиделся тот.

– Опять словесный понос, – разозлился Прилизанный. – Дайте выслушать!

– Предлагаю воспользоваться паузой и промочить наши

просохшие горлышки, – деловито предложил Арзуман, хватаясь за очередную непечатую бутылку.

Все молча протянули рюмки, выпили и закусили.

Прилизанный, дожевывая, предложил.

– Хотя вы прекрасный рассказчик, не тяните, сами знаете кого и за что. Постарайтесь выкладывать суть, не вдаваясь в подробности, особенно психологические. Все это интересно, но наше время небезгранично.

– Я готова слушать эту историю, как сказку из “1000 и одной ночи”, – воскликнула Аталай. – Это лучше, чем брать интервью у разных поглупевших от безделья домохозяек или обсуждать макияж героини из тупого сериала.

– Пусть расскажет, как хочет, – решительно поддержала Аталай, и Гюлечка. – Если помешаем, он собьется и будет блуждать. Оторвитесь же вы хоть денек от ваших государственных дел, – храбро наехала она на вышестоящую инстанцию, – уверяю, они от этого не пострадают.

– Точно! – мстительно буркнул Ветеран в тельняшке. – Чем больше они работают, тем хуже народу. Все делают для того, чтобы самим было хорошо, а нам плохо.

– Да я в следующий раз лучше в Эфиопии повоюю, чем в Карабахе! – возмутился и Бакинец.

– Все, тихо... – постучал вилкой Прилизанный. – Опять начали за здоровье, кончили за упокой. Там... – показал он этой же вилкой на потолок, – люди намного умнее сидят, чем вы, раз они там, а вы здесь. Все равно вашему брату не уго-

дишь.

А вы, голубчик, если захотите в Эфиопию или хоть на Берег Слоновой Кости, пожалуйста, я помогу с визой. Там со своими животноводческими талантами вы будете как раз нарасхват.

– Сам иди туда... – недовольно пробурчал Бакинец, оскорбленный путевкой в Африку.

– Расскажите уже как можете, – махнув на него, чинуша обратился к Длинному. – Лучше слушать вас, чем их.

– Я постараюсь, – с досадой ответил рассказчик. – Не думайте, мне приятно выслушивать одолжение...

Глава IV

Итак, Манучаровы собрались решать нашу судьбу с Джулией. Как вы знаете, у армян родственные отношения такие же крепкие, как и у нас. Когда зашел в дом, все уже были в сборе – вся честная братия Манучаровых. И как они разместились в общем-то широком зале квартиры (убрав стену между комнатами, они превратили образовавшееся пространство в зал), ума не приложу.

Пожилые, молодые, армия двоюродных, троюродных братьев и сестер...

Как я понял, меня намеренно поздно пригласили, чтобы самым спокойно утрясти нестандартную ситуацию. Джулия радостно меня встретила, провела в соседнюю комнату и воодушевленно начала рассказывать про гостей.

Когда я услышал из ее уст имя Спартака Манучарова, сердце невольно забилося. Он прибыл с сыном Артуром – молодым человеком с открытым взглядом и приятной внешностью, и невесткой – тормаховой шатенкой, которая без устали пересаживалась то к одной, то к другой родственнице, всюду сея смех и веселье. Я смог разглядеть их из щели чуть открытой двери. Сам Спартак – грузный, седовласый мужчина с жесткими чертами лица – сидел мрачнее тучи. Еще бы...

Из других важных гостей Джулия показала мне дедушку

Размика, как она, смеясь, назвала его – Размика Аллахвердяна, такого живчика-старичка с острым с горбинкой носом и живым взглядом. Несмотря на преклонный возраст, он умудрялся содержать любовницу – молодую девчонку, чего абсолютно не скрывал и даже очень гордился, любовно называя ее Люсечкой, – нашептала мне Джулия. Она все улыбалась и, видимо, поддерживала молодцеватый пыл старикашки. Размик являлся Джулии не родным, но, как я понял, был всеобщим любимцем, вроде аксакала у нас. Старик был чем-то недоволен, все время огрызался на молодую публику, которая, кажется, подтрунивала над ним.

“– Это Люську в дом не пустили,” – заливаясь смехом, сообщила Джулия.

“Или же впустили меня...”

Во всяком случае я заметил, как старик своей тросточкой несколько раз указал в мою сторону.

Наконец меня позвали. Вспыхнув, я, следом за Джулией, вышел в зал и сел с ней рядом.

После затянувшейся паузы отец Джулии немного сконфуженно начал:

– Вот Рафаэль... В общем, вы знаете...

Тишина. Даже дети замолкли, уловив волны напряжения у старших.

– А он краснеть умеет...

Эта сказала тихим голосом пожилая женщина, сидевшая рядом с тетей Инной. Я после узнал – она являлась прия-

тельницей Джулиной бабушки. Когда-то одну школу заканчивали.

– Мадонна, он же свой, бакинец, – чуть надменно поддержала ее Инесса Андреевна, нарядившаяся для такого торжественного случая в темно-сиреневое вечернее платье с черными кружевами на воротничке. Семейные бриллианты сверкали на груди и на пальцах, придавая ей схожесть действительно с графиней. – Конечно, будет краснеть. Какой он воспитанный и умница, это я знаю. Он вырос на наших глазах...

– Пардон, Инночка, позволь не согласиться, – тут встрянул в диспут Размик Аллахвердян, гневно сверкая своими вовсе не старческими глазами. – Подумаешь, краснеет! Может, у него свинка. Или он краснокожий индеец... Будь он хоть сто раз бакинцем, он турк. Следовательно, враг!.. – гневно помахал он тросточкой вновь в мою сторону. – И я не понимаю, что за необходимость выдавать нашу девочку, нашу жемчужину... – взгляд, прошедший по Джулии на миг смягчился, – за этого... – взгляд опять посуровел, – дикого азербайджанца, который, как я слышал, еще и воевал против наших доблестных армянских войск! И у него после этого еще хватает наглости свататься к нашей девочке? Вы что, с ума сошли?

– Дедушка! – воскликнула Джулия, сжав мою руку. Глаза ее в один миг наполнились слезами.

– А ты молчи! – закричал на нее старик. – Ты еще ребе-

нок, не понимаешь какой роковой шаг пытаешься сделать! К сожалению, твои родители тоже... – вновь махнул он тростью уже в Самвела Манучарова. – Наш долг – убереечь тебя от самой себя. Потом спасибо скажешь...

Несколько мужчин в возрасте, сидевших рядом со Спартакoм, одобряюще закивали, женщины их тоже недовольно зашушукались. Сам Спартак сидел с каменным лицом и не реагировал, глотая иногда чай. Джулия, прикрыв заплаканное лицо руками, убежала обратно в комнату и захлопнула дверь.

Наступило неловкое молчание. Я нервно теребил пальцами бахрому скатерти и не решался поднять глаза. Сердце бешено колотилось.

“Все. Ничего не получилось. Вернусь в Баку... Нет, лучше в Сибирь. Подальше...”

Но я рано подвел итог.

– Ты что так раскричался? – услышал я вдруг гневный окрик тети Инны. – У нее, слава Богу, родители есть! Какой он воевал, он курицу не мог зарезать в Баку, все смеялись. Его с улицы схватили и затащили на эту проклятую бойню, а он убежал. К нам приехал, моя бала... Не знаешь, как это делают? И если тебя позвали на совет, это не значит, что должен командовать, старый хрыч!

– Инночка, ты не понимаешь... – спустил голос на тон ниже армянский аксакал. Чем-то он напоминал мною любимого актера Армена Джигарханяна. Внешнее сходство. Тот же

лукавый, но волевой взгляд из-под бровей. Даже тросточка, видимо, с рукояткой из слоновой кости вписывалась в образ.

– Я-то хорошо понимаю... – не успокаивалась “Инночка”. – Размик, не открывай мой рот! Догадываюсь, почему ты против этого брака. Не открывай мой рот! – опять повторилась она, грозя указательным пальцем.

– Дорогая, вовсе не обязательно, чтоб ты открывала свой прекрасный рот, – засуетился вдруг Размик Аллахвердян. – Ты когда молчишь, еще прекраснее выглядишь, – он примиряюще-заискивающе залил. – Артурчик джан, налей нашей Инночке то красное вино, которое перед тобой. И, конечно, там, где ты скажешь слово, я буду молчать. Считай, сто лет прошло, и я в гробу.

– Вот и молчи, – вновь недовольно заворчала тетя Инна, – дай и другим высказаться...

Мне, конечно, стало интересно тогда, чем это тетя Инна заткнула этого вроде крутого старичка. После, как-то под большим секретом, она открыла эту тайну Джулии, а та, от души хохоча, мне.

Оказывается, первой любовью Размика Аллахвердяна была азербайджанка, дочь второго секретаря одного из районов послевоенной Советской Армении. И та вроде тоже отвечала ему взаимностью. Но когда дело дошло до старейшин рода, те после долгих уговоров поставили сватам условие: мол, парень должен стать мусульманином и, соответственно, сде-

лать обрезание.

Хотя в советское время устои традиционных религий были основательно расшатаны, люди на подсознательном уровне следовали этим традициям, столетиями укоренившимися в их ментальности чуть ли не на генетическом уровне. Большое значение имело место в решении этих и других схожих вопросов “институт аксакальства”, с которым вынуждены были считаться даже партийные боссы.

Родня Размика сначала в гневе отказалась от предложенного, сочтя себя оскорбленной, хотя молодой Размик, чтобы добиться цели, согласен был даже на обрезание, хоть и холодел при мысли о предстоящей экзекуции. И орал во всеуслышание, что не то, что принять магометанство, хоть черту готов челом бить, лишь бы его женили на красавице Сурайе.

Видя одержимость единственного отпрыска, да и учитывая предприимчивыми армянскими мозгами выгодную брачную партию с дочкой партийного босса, родители его обратились не то к попам, не то к католику, что, может, во имя достижения цели, церковь даст свое благословение к требуемому “предательскому” обряду? Мол, пусть примет магометанство, женится, потом опять сделаем его добрым христианином, а заодно оставим конкурирующую религию с носом. Те вроде за чаркой доброго вина ехидно согласились. Но когда какой-то продвинутый поп поразмыслил, что религию поменять и опять принять обратно в общем-то фигня, учитывая, что Бог един, но как быть с отрезанной плотью?

Ведь ее-то обратно в заводском качестве уже не прилепишь?

И переговоры “резонно” уперлись в тупик.

Убедившись в бесперспективности затеи и боясь огласки и, соответственно, коммунистической порки “сверху”, секретарь, наконец, выгнал армянских сватов прочь и переправил дочь к бакинской родне, а там спешно выдал за какого-то бедного родственника. Все утряслось. Остались довольны и аксакалы, и муллы, и попы. Только Размик получил душевную рану, преследующую его, наверное, всю оставшуюся жизнь...

Ясно, почему бравый старик так в спешке ретировался. Мало кто помнил эту историю, но, к его сожалению, не Джулина бабушка. И, конечно, то и дело разглагольствующему о величии и исключительности “армянской расы” Размику Аллахвердянцу было накладно признаться, что когда-то он и сам мечтал породниться с представительницей этой “дикой” нации, как ранее выразился...

Как бы то ни было, когда старик заткнулся, среди оппозиционно настроенной части родственников Джулии больше не нашлось столь харизматичного лидера. Спартак Манучаров упорно молчал и не вмешивался. Зато Артур и его жена Гаянэ активно выступили в пользу нашего с Джулией брака и других зарядили. Мол, хватит, все мы люди в конце концов, знаем, что есть Баку и кто есть бакинцы. После некоторого обсуждения – притом являющиеся в большинстве ба-

кинские армяне перетирали тему на “родном” русском – все обратили взоры к непосредственным предкам Джулии и постепенно замолкли.

Самвел Манучаров еще долго молчал, уставившись в пустоту. Казалось, он эти разговоры и не слышал. Наконец Роза локтем осторожно коснулась его руки, выводя из оцепенения. Он глубоко вздохнул, чуть ли не по очереди рассмотрел сидевшую за столом родню и заговорил:

– Почти все мы, дорогие мои родственники, собраны в этом чужом городе по злой воле старушки-судьбы и объединены не только кровными узами, но и общей бедой, сплотившей нас еще крепче. Сегодня перед нами тяжелая дилемма – принять этого молодого человека в лоно нашей семьи или нет? Парадокс заключается в том, что душа наша радуется и ликует, человек этот из родной нам бакинской среды, вырос перед нашими глазами и является дорогим намного раньше этого дня. А разум отвергает даже самую мысль об этом, как кощунственную. И вы знаете, почему.

Мы с его отцом были большими друзьями. Наши жены были ближе родных сестер. Я не помню ни одного вкусно-го обеда, которым не делились. Всегда один и тот же казан возвращался то к нам, то к ним, обязательно наполненный вкусным, ароматным блюдом. И мы даже не помнили, чей этот казан.

Сегодня я не общаюсь с его отцом. Моя жена не общается с его женой. И мы не делим больше хлеб-соль. Наши народы

воюют. Нас выгнали из родных домов, из нашего прекрасного города. Сотни тысяч азербайджанцев столкнулись с такой же участью. Если на небе есть Бог, а я верю, что он есть, то те слуги Дьявола, придумавшие эту муть, ответят за свои проступки. До седьмого колена будут прокляты их потомки, настолько велик грех их деяний!

Но вот теперь сын этого моего бывшего друга, теперешнего... “врага”, пришел свататься к моей дочери. Без благословения родителей, без родственников, без соблюдения наших обычаев. Как бездомный, безродный юнец... Бог свидетель, не такого счастья я желал своему единственному чаду...

Но моя дочь любит его! Как не страшно осознать, и мы относимся к нему как к родному... Что делать? Как быть? Я у вас спрашиваю, люди добрые, ответьте мне. Не хочу один нести на плечах это тяжелое бремя ответственности...

Наступившее долгое молчание было красноречивым ответом неопределенности в душах этих людей. Сжимая кулаки, я в душе проклинал судьбу, сыгравшую со всеми нами такую злую шутку. Подняв глаза, я внимательно рассмотрел полные тревоги лица Джулиных родителей...

– Раз ты нас собрал, Самик, значит, уже сделал выбор, – это сказала печальным голосом школьная подруга тети Инны, – зачем себя обманывать? От того, что мы примем Рафаэля в нашу семью или нет, он не перестанет быть азербайджанцем. Так пусть помнит, что он и бакинец. А главное,

всегда, при любых обстоятельствах пусть постарается оставаться человеком. Ведь там, куда для всех нас приготовлен билет в один конец, неважно кто ты будешь – азербайджанец или армянин...

Сынок, сегодня мы где-то с радостью, где-то с тревогой и печалью в душе доверяем судьбу нашей кровинки Джулии в твои руки. Вопреки всем предрассудкам, обстоятельствам, перешагнув через пролитую безумцами кровь... Береги ее. Не обижай. Пусть святая Дева Мария сама хранит вас от невзгод... – она, не торопясь, перекрестила нас с места. – Инна, Самик, Роза, благословите детей! Не сидите, как на похоронах...

– Джулия, джана, иди к нам, – с радостью в глазах проворковала тетя Инна в сторону спальни комнаты. – Сядь рядом с женихом. Гаянка, подай сладкий чай... Благословляю... – она перекрестила Джулию – та тихо пришла и села рядом. По инерции старушка хотела и меня перекрестить, но рука ее замерла в воздухе и медленно опустилась.

– Благословляю, – сидя, прошептал дядя Самвел, не поднимая глаз. – Будьте счастливы...

Роза разрыдалась и обняла нас.

– Откройте шампанское, какой чай? Вах!.. – это шумно заявил Размик Аллахвердян. – Артур, сынок, включи музыку! Я хоть по принципиальным позициям против, но тоже благословляю, раз ничего не поделаешь... А он, ей-богу, мне нравится, – старик обратился к рядом сидящим. – Клянусь Аст-

вацом, у него ничего турецкого нету, настоящий ариец-армянин. Даже нос наций. Ну, почти... – тут, встретившись с моим мрачным взглядом, он гладко ушел от скользкой темы. – Теперь-таки я могу пригласить Люсечку? Такая радость, а она сидит в холодной машине и вспоминает мою маму. Где наша армянская гостеприимность?..

Выпили сладкий чай и шампанское открыли. Под родные всем бакинцам песни Боки поднялись бокалы и полились поздравительные речи. Люди в один миг переменялись. Сбросив с плеч груз раздумий, все присутствующие – и стар, и млад – предались веселью. словно лента времени прокрутилась назад в прошлое. Будто не было войны и последствий. И находились мы не в холодной и чужой Москве, а в Баку, в нашем теплом дворике в поселке Кирова...

Какие черные
Глаза у ней,
Какие нежные
Глаза у ней,

Какие чистые,
И лучистые,
И прекрасные,
Глаза у ней!

Какие чистые,

И лучистые,
И прекрасные,
Глаза у ней...

“Господи, как мало надо людям для счастья...”, – задумался я, одевая кольцо невесте, у которой и так лучистые глаза засияли ярче, чем камушки на обручальном. – “Крыша над головой, хлеб насущный и вера в светлое будущее, насколько призрачным оно не казалось бы...”

Я розы алые
Дарю тебе,
И свет, и солнышко,
Дарю тебе,

И эту радугу,
На небе звездочку,
И эту песенку,
Дарю тебе.

И розы алые,
И в небе звездочку,
И эту песенку,
Дарю тебе...

“Господи, дай мне силы...” – попросил я мысленно Вер-

ховного, когда Джулия надела и на мой палец кольцо и вновь засверкала прослезившимися от счастья глазами. Этот миг, этот ее взгляд я уже никогда не забуду. Он запечатлелся в моем сознании навеки и, наверное, последнее, что промелькнет, когда оно навеки погаснет...

Длинный замолчал. После, бесцеремонно отобрал бутылку у Арзумана – тот намеревался наполнить его рюмку – и приложился к ней через горлышко. Беспомощно наблюдая, как емкость стремительно теряет содержимое, мы начали просыпаться от гипнотического воздействия, вызванного текстом рассказчика.

– Что ты делаешь, придурок?

Это мрачно спросил Арзуман у Бакинца, который стал за спиной Длинного и начал чего-то выискивать.

– Ищу следы крыльев. По моему расчету, они давно должны были прорезаться.

Гюля хихикнула, покрутив указательным пальцем у виска.

– Какой рассказ!.. – мечтательно пропела Аталай, положив голову на плечо Ганмуратбека. – Неужели действительно где-то есть любовь? Если бы сняли кино, я с удовольствием сыграла бы Джулию.

– Только кавалера другого найди, – съязвил Оператор. – Этот с усами годится исключительно в качестве мавра.

– Небось, сам мечтаешь о роли невесты? – тут же съязвила Гюлечка.

– О чем я мечтаю, тебе даже не снится, – профыркал Оператор, демонстративно поворачиваясь к Режиссеру. У того тоже двигался кадык из-под рюмки. – Фу, опять двадцать пять...

– Слушай, кто эту парочку к нам подсадил? – вдруг возмутился Ветеран в тельняшке. – В тюрьме такие экземпляры под нарами спят или парашу чистят.

– Что теперь нам предлагаешь, бандит, под стол лезть или в туалет перебраться? – разозлился и Оператор.

– Да куда хочешь, только не за мой стол, – категорически предупредил Ветеран в тельняшке. – А то убить могу.

– На! – показал ему кукиш Оператор. – Знаешь, какие люди за нами стоят? Вмиг определяют тебя обратно на нары.

– Лучше на нарах, чем рядом с тобой, ублюдох, – с отвращением ответил Ветеран в тельняшке.

– Кто там тьякает? – наконец подал голос, расхрабренный от градусов Режиссер.

– Щас ты у меня потьякаешь... – медленно начал вставать с места Ветеран в тельняшке. – И промяукаешь, и прокукарекаешь, и прокудахтаешь...

– Оставьте, – раздраженно встрянул в тему Прилизанный, – они и так отдельно сидят, делают свою работу. Они вас не трогают, и вы их... не топчите. – После обратился к Длинному:

– Голубчик, искренне говорю, очень захватывающий рассказ. Но меня интересуют больше ваши профессиональные

действия, хотя вас и профессионалом-то и не назовешь... Честно говоря, мне не приходилось сталкиваться с работой наших специальных служб за бугром. Тем более в то мутное время, когда у нас даже нормальной армии не было. Мне интересно, как вы тогда работали?

– Как могли, так и работали, – невозмутимо ответил Длинный, вяло жуя кусочек ржаного хлеба в качестве закуски. – Не забывайте, сколько кадровых офицеров остались у нас тогда от советского наследия, они нас и обучали. Я по себе сужу. Меня за пару месяцев так натаскала парочка отставных гэбешных полковников, что после, в Москве себя чувствовал, как рыба в воде.

Кроме того, не сравнивайте ельцинскую Россию с путинской. Начало 90-ых было катастрофой для бывшей империи. Она напоминала больного на голову огромного медведя, в том числе и в оперативном плане. Это было время, когда, как образно пел Розенбаум, “страна кишмя кишела иностранцами, а в чертежи бабы селедку завертывали...”

Помню забавный случай. Вы не против на небольшой экскурс в сторону, – нарочито вежливо обратился он к Прилизанному.

– Валяйте... – тот вздохнул. – Чувствую, я встречу здесь старость...

Глава V

– Как-то Наиля привезла мне из Баку камуфлированную полевую форму старого образца, то есть темного оттенка, крепко и ладно сшитую. Кто разбирается, знает, что эти спецовки отличались. Формы же у бандитов были какие-то выцветшие – “рабоче-крестьянские”...

– Вы имеете в виду камуфляжи, сшитые для высшего военного руководства? – надменно спросил Прилизанный.

– Равноправие являлось утопией даже при социализме, – неопределенно буркнул в ответ Длинный. – Но на погонах Наилькиной формы красовались всего лишь защитного цвета звездочки капитана...

– Звездочки меняй на российские, – вяло жуя жвачку, бросила Саламова. – В Баку теперь таких раритетов нет. Или вообще ходи без знаков отличия, еще нарвешься на патруль...

Ведь сказала, как в воду глянула. Для уточнения: наши национальные звездочки, хоть и назывались так по старинке, на самом деле являются восьмиконечными. В остальном же эти формы были идентичны хоть у нас, хоть у русских, хоть у армян, так как производились когда-то в едином инкубаторе под названием “Soviet Union”.

Я кивнул, хотя бес меня попутал, и я подумал:

“Кто будет считать щупальца этих осьминожек и где я сейчас российские звездочки достану?”

Ходить в военной форме в России было удобно, так как население, в отличие от ментов, к военным традиционно благосклонно относилось. Да и сами менты предпочитали с военным людом не связываться без особой надобности. Грабежу они не подлежали, а нарваться на неприятности от защитников отечества всегда было актуально.

В тот вечер Романовы пригласили меня на одно увеселительное мероприятие... – здесь Длинный запнулся и заметно покраснел...

– Так-так... – вмиг оживилась Аталай. – Отсюда поподробнее. Как я поняла, вы хотели погарцевать в этой форме отнюдь не перед коллегами-бандитами.

– А как же ваши принципы? Ваша любовь? – ехидно улыбнулась и Гюлечка.

– Все мужчины одинаковы, – томно резюмировал Оператор, тяжело вздыхая.

– Не все, к сожалению... – брезгливо покосился на него Бакинец.

– Кыш, курицы! – обрушился на дам Ветеран в тельняшке. – Раскудахтались. Каждый нормальный пацан имеет право разок в жизни иметь...

– Мероприятие... – вовремя закончил мысль коллеги Ба-

кинец, одновременно опустив его непроизвольно поднятую вверх руку с сомкнутым кулаком. – Братан, ты, главное, не рассуждай. Это вредно и тебе, и обществу.

– Пряма поносит их, ей-богу, только не с того конца, – устало проворчал Прилизанный. – Может, мне пробки заказать для ваших ртов? Уже сил нет для возмущения. Балабеков, наведите порядок в своей кухне.

Я пожал плечами. Роль домработницы, типа Фрекен Бок, меня не прельщала. В мыслях же уже разворачивались сюжет и образы странной книги.

Длинный, окрасившись в бордовый цвет, ответил.

– Как вам объяснить? В той суровой среде, где я обитал, не принято было избегать слабый пол. К такому человеку могли отнестись, мягко говоря, с подозрением.

– А что тут такого? – возмутился Оператор. – Что такого, если молодой, интересный человек не интересуется женщинами. Фу!.. – брезгливо посмотрел он в сторону Гюли и Аталай. – Может у него иные интересы? Вот у меня...

– Заткнись, падла, – процедил сквозь зубы Ветеран в тельняшке. – Щас порву твои интересы с треском.

– Вы только грозите, как в известном анекдоте... – с досадой проворчал Оператор. – Все грозят! Все только и грозят!..

– Все! – с ревом заглушил крик души Оператора Прилизанный. – Все заткнитесь, кроме него! – ткнул он пальцем в Длинного...

– У меня просто не оказалось тогда подходящей одежды, а военная форма была выходом, – пробормотал рассказчик. – Подумал, тому окружению, которое будет рядом, до лампочки будет, сколько конечностей у моих звездочек.

И рано утром, когда я кое-как смог оставить в дупель пьяную компанию и вырвался из сауны...

– Ах, из сауны!.. – вновь промяукала Аталай, но тут нервы даже у непробиваемого Ганмуратбека не выдержали, и он закрыл ее губастый рот ладонью...

– ...И повернул из переулка высотки в сторону метро Новогиреева, замер, как вкопанный. На меня в упор смотрели человек 12-15 автоматчиков. Как оказалось, десантники совместно с омовцами проводили рейды по столице. Был самый разгар противостояния с Чечней и такими “ужасными” действиями власти то ли успокаивали граждан, мол, все под контролем, то ли себя. Так или иначе я был под их зрительным, и что особенно было неприятно, автоматическим прицелом, так как больше не в кого было прицеливаться в столь раннее утро. Рядом с мусорными баками копошилась лишь какая-то бомжеватая пара.

Первая мысль была рвать когти в обратную сторону. Но понял, не успею: пули летят быстрее. Вряд ли патрульные провели ночь в благоприятных условиях как я и, естественно, соответственно были настроены. В такую рань и в такой

холод – а было начало декабря – вытолканные из постели на улицу служивые люди были сопоставимы лишь с голодными бродячими псами. И я понял: в этой ситуации меня может спасти только чудо...

– Господи! – непроизвольно произвела имя творца чудес Аталай.

– Я тоже про Него вспомнил, когда свои дрожащие копыта направил в сторону этой злобной своры. Обещал Ему больше не наглеть и научиться хоть какой-нибудь приличной молитве, если пронесет...

...В центре этой толпы, как памятник неудовлетворенному зарплатой военнослужащему, стоял огромная детина в звании подполковника. Полосы тельняшки под “афганкой” смутно выделялись на его широкой до невозможности груди и добавляли в унылый фон раннего полумрака свои черно-белые окраски.

“И на каком станке ты такой буфер накачал?” – невольно подумалось мне, когда поравнялся с ним и небрежно выполнил воинское приветствие. В смысле, таких патрулей я каждый день пачками провожаю.

Но не сработало.

– Стой! – прозвучало за спиной глухое, прокуренное рычание взбесившейся овчарки. – Кру-гом! Ко мне, мать твою!..

Вся моя наглость улетучилась в мгновение. Не помню, как развернулся и по всей строгости советского устава зашагал к детине с что ни есть кремлевским размахом, браво подкидывая в обе стороны грабли.

– Товарищ подполковник! Капитан Гусейнов по вашему приказанию прибыл!..

Мне до сих пор стыдно за свою растерянность. Я даже назвал настоящую фамилию, здорово тогда сдрейфил. Вы правы, – он кивнул Прилизанному, – профессионалом я не был и пока приобрел хоть какие навыки, прошло немало времени и событий...

...Я оказался перед огромным, даже для моего роста, не то гаргулей, не то таежным медведем. Глаза его злобно буравили и, видимо, собирались вовсе меня испепелить. В следующий миг он открыл, вернее, раскрыл свой рот. От угара паленого самогона, дешевого табака и, видимо, тухлой рыбы я чуть не потерял сознание и откинулся. Но вдруг вояка резко замер.

– Шо такое! Шо такое! Шо такое!..

Тут я заметил его ошалевший взгляд, устремленный к моим злополучным звездочкам, и по-настоящему осмыслил всю гениальность простой русской фразы – “беспомощно хлопать глазами”. Кажется, он подумал, что звездочки мои размножаются перед его затуманившимся от алкоголя взо-

ром, и тут уже появление чертиков не за горами. Потому, в следующий миг он вздохнул и со всей своей нерастроченной военно-пьяной злобой так гаркнул, что тысячи капелек за-спиртованного раствора облили меня влагой и, в общем-то, вывели из ступора.

– Тво-ю мать!..

Конечно, он даже в страшном сне представить не мог, что какой-то очень непрофессиональный представитель азербайджанской разведки, даже не утруждая снять с формы национальные знаки отличия, после посещения сауны с дорогими путанами нагло расхаживает по столице некогда самой мощной империи, и по ходу занимается сбором разведывательной информации. Аж перед его офиолетовавшимся носом...

Тут меня осенила гениальная по своей нелепости мысль. И, набрав по возможности побольше воздуха в легкие, я одеревенелым от страха голосом заревел:

– Турецкая армия! НАТО!

Было ельцинское время. Россия виляла перед Западом, как деревенская кобыла перед мустангом. В бывшей петровской державе же на полную мощь набирали оборот девизы, типа – гусь свинье товарищ. Наверно, бравый вояка подумал, что русские совместно с натовцами проводят какое-то совместное учение, и что я – затерявшийся осколок этого мероприятия. Потому несчастному ничего не оставалось, как исполнить ответное приветствие по стойке смирно. Правда,

со всеобъясняющим и всевыражающим русским матом:

– Иб...т твою мать!..

И это был вопль души русского офицера, естественно, не знающего турецкого языка и страшно разнервничавшегося, что вдруг все-таки придется его изучить...

Я не помню, как оказался в подземке и уже в вагоне начал срывать с себя восьмигранники перед недоуменными взглядами нескольких ранних пассажиров. И только после, когда с застопорившимся взором разлегся на сиденье, вспомнил, что этот “турецко-подданный”-то докладывал русскому подполковнику не на турецком, даже не на английском, а на чисто русском языке, и зашагал он отнюдь не по стандартам западного блока. И фамилия Гусейнов вовсе не напоминает знойную Турцию из далеких иноземных берегов, а почти “родной” для каждого россиянина, посещающего столичные рынки и покупающего сочные азербайджанские помидоры.

“Господи, ты все-таки есть...” – философски подумал я и поднял свой взор в потолок вагона. Он был светлым и гладким в отличие от моей жизни...

– Так что, – подытожил Длинный, – силовики России в то время больше были заняты продажей того, чего еще можно было продать, и им было не до азербайджанской разведки.

– При чем тут Россия? – опять занервничал Прилизанный. – Вы что, работали против России?

– Зачем нам надо было работать против несчастной, раз-

валивающейся тогда России, которую и так имели, кто как мог. Мы работали не против, а по России, учитывая традиционную активность противника в этой стране. Что тут неясного?

Армяне, в отличие от наших аполитичных соотечественников, зацикленных на своих рынках, в России хорошо и давно сидели. И своих побед на фронтах Карабаха добились, прежде всего, используя мощь русского оружия и нередко в ущерб самим русским. Ведь карабахское противостояние, в котором армянские националисты играли роль одновременно и рупора мировых держав, и пушечного мяса в их проектах, спровоцировало негативные межнациональные отношения по всей империи и, в конечном итоге, превратилось в надгробный камень для СССР. Неспроста у Горбачева в советниках и в друзьях сидели влиятельные армяне, многие тесно связанные с Западом. Академия Наук СССР по количеству академиков и членов-корреспондентов лиц армянского происхождения напоминало филиал АН Армении. По существу, они являлись агентами влияния западных спецслужб. Они и были настоящей командой Горбачева.

Мы, как могли, собирали военно-политическую информацию в местах компактного проживания армян, в основном в Москве и Северо-Кавказском регионе, так как силы были ограничены. Пытались упреждать активность противника. Иногда не совсем профессионально, как гладко изображают в фильмах, но нередко вполне ощутимо и даже болез-

ненно...

– Это всего лишь набор казенных предложений, которыми маскируют свою бездарность сотрудники специальных служб, и не только у нас, – перебил Прилизанный. – И вообще, если бы вы хорошо работали и воевали, Карабах, возможно, не был оккупирован.

– Я не сказал, хорошо работали. Я сказал – как могли, и нередко весьма ощутимо, – привычно невозмутимо парировал Длинный. – А насчет Карабаха... Глупость соизволили сказать. Не мне вам объяснить, какие факторы привели к поражению. Карабах взяла по существу горбачевская и ельцинская Россия, все руководство которой в то время являлось ставленниками и марионетками Запада и потому выполняющее их заказ по постепенному уничтожению бывшей империи и превращения ее в третьесортную сырьевую базу. А мировой державе, пусть даже в тот момент разваливающейся, мы не смогли бы противостоять. Мы не были готовы к этим вызовам в отличие от армянских националистов, которые лелеяли мечту о “Великой Армении” даже не годами, а веками, и потому готовились, организовывались и не только по России, но и по всему миру.

А Карабах мы вернем. Не знаю, когда и как, но вернем, другого не может быть! Без Карабаха существование Азербайджана и как государства, и как географической единицы абсурдно.

– Надо было вовремя сохранять, – проворчал Бакинец. –

Когда армяне этой... – последовал нелицеприятный эпитет, – ...Раиске дарили бриллиант¹⁰, надо было пять подарить.

– У вас пропадает талант взяточника, – съязвила Гюля. – Может, отправить вас на переговоры?

– Бесплезно. Русские теперь этот Карабах держат в руках как Васькину дубинку. Когда нам дают по балде, когда хачикам по жопе, – проворчал Бакинец.

– Надоели вы опять со своей жопой! – заревел Прилизанный. – Нормально выражайтесь, черт возьми!

– Почему с моей, – обиделся Бакинец. – Чуть чего косой.

– А не суй свое больное место, куда не следует, – по-дружески посоветовала Гюлечка.

– Порезвились, хватит! – решительно подытожил Прилизанный. – Вернемся к рассказу. Прошу, голубчик, – обратился он вновь к Длинному...

¹⁰ ...Раиске дарили бриллиант... – речь идет о редком бриллианте, привезенном из Ирана и подаренном Раисе Горбачевой в посольстве СССР в Вашингтоне во время ее встречи в 1987-ом году (накануне раскручивания мировыми силами карабахской карты) с представителями армянской диаспоры. Тогда чета Горбачевых получила в качестве “подарка” также одно из полотен Айвазовского.

Глава VI

– Хотя я был принят в семье Манучаровых, армяне, я имею в виду близкое окружение, неохотно со мной сближались. И дело было не столько в том, что я азербайджанец, а в том, что я воевал.

Бакинские армяне в массе своей не воспринимали этого. Они вообще считали, что бакинцы, как “отдельная нация,” не должны были участвовать в этой мясорубке, независимо от национальности. Хотя из их среды, к сожалению, тоже было немало участников военных действий.

Я не возражал по понятной причине, когда обсуждалась эта тема, и аргументировал свое фронтовое прошлое как нелепую случайность. Мол, с улицы забрали, не смог улизнуть. После пришел некоего изверга офицера за беспредел и сбежал. Потому, хоть с трудом, шаг за шагом, мне удалось преодолеть барьер отчуждения и предвзятости в их среде. Помог и авторитет Самвела Манучарова – он был высок в среде бакинских армян. Многих он обеспечивал работой, да и не только – помогал, чем мог. Активно участвовал в их горе и в радости.

Ну и, конечно, Джулия. Она своим обаянием, теплотой брала даже самые, казалось, непреступные сердца.

Спартак Манучаров меня упорно избегал. Он и по характеру был нелюдим. Но я постепенно сдружился с Артуром –

его сыном, а Джулия очень была близка с Гаянкой. Эта была прекрасная пара, во многом друг друга дополняющая – веселая, искренняя. У них рос трехлетний сын, очень смысленный пацан, который так привязался к Джулии, что даже Гаянка ревновала.

Войти в среду бакинских армян мне также поспособствовал Мансуров, который появился спустя месяц после нашей свадьбы.

Кстати, о свадьбе. Она была довольна скромная. Мы сами так пожелали с Джулей, да и родители ее не возражали. Арендовали небольшую кафешку на Таганке, владельцем которой был армянин Жора с Монтина. Он даже денег не хотел брать, когда узнал, что выходит замуж дочь Самвела, но мы настояли и заплатили. Я категорически воспротивился, когда дядя Самвел взялся оплатить все расходы. Сошлись на том, что оплатили поровну. Да и какие расходы, Господи! Нам столько денег подарили, что мы смогли бы сыграть еще несколько таких свадеб. Хотя бакинские армяне тогда не были нормально обустроены в Москве, сказывалось, безусловно, беженская участь, но свой бакинский шарм вполне сохранили. Стильно одетые женщины в фамильных драгоценностях, куча детей самых разных возрастов, остальная разновозрастная публика, они от души участвовали на нашей свадьбе, танцевали, пировали, радовались...

С моей стороны участвовала лишь моя маленькая команда – Наилия с братьями-бандитами и еще несколько “брат-

ков”, с которыми я более или менее сошелся. С криминальными лицами, с холодными взглядами они сидели обособленно и хлебали водку, плотно закусывая восточными блюдами. Впрочем, и армяне не стремились близко сойтись с ними. Сказывался разнящийся менталитет. Представьте себе свирепых, вороватых волков, трапезничающих с благодушными домашними псами.

Пел на свадьбе и сам же играл на аккордеоне некто Сергей – тоже бакинский армянин. Боки – Бориса Давидяна, к сожалению, на тот момент в Москве не оказалось. Не помню, то ли в Ставрополь пригласили, то ли в Краснодар... Благо, бакинцы везде живут и своему укладу не изменяют. Но Сергей неплохо имитировал Боку и пел в основном его песни, потому все остались довольны.

Да, кстати, на свадьбе участвовали и несколько азербайджанцев. Это из тех, которые работали на предприятиях Манучаровых, да и просто бакинцы, ставшие теперь москвичами по тем или иным причинам. Родителей и родню я, естественно, пригласил, но, как и ожидал, никто не приехал...

Мансуров появился внезапно, хотя я был информирован об его освобождении. Бакинские товарищи вели его вплоть до вылета. Но прошел почти месяц, его не было. Накануне я еще раз посетил Рижский рынок.

– А че на свадьбу не позвал? – недовольно заворчала Марина при моем появлении. Она празднично курила перед палат-

кой. – Зазорно было?

Я немного растерялся. О цыганах я как-то не подумал.

– Знаешь, все как-то быстро получилось... И людей мало позвали.

– Кого позвал, тоже знаем. Та подружка твоя пиз...агла-зая... А как же без нее? – вдруг залилась она веселым смехом.

“Черт!..”

– Откуда все знаешь, чертовка? – я “удивленно” спросил.

– Ты не знаешь цыган, – ответила она, выпуская изо рта ароматный дым, – мы все знаем. Хочешь сказать, у тебя с этой красоткой ничего нет? Я видел, как вы ворковали. Был бы мужиком...

– Маринка!

– Да не бойся, хачам не скажу, – она опять залилась смехом. – И вообще, у тебя что-то цыганское есть. И зовут по-нашему – Рома. Ты точно айзер?..

“Все, приехали.”

– ...А че приперся? Травку хочешь?

Я кивнул. До этого пару раз брали.

– Митяй просит. Она у тебя, говорит, из райских садов.

– А как же. Это твои земляки людям птичий помет за место плана подсовывают.

– А вы прям такие честные.

Она улыбнулась:

– Ты сам-то куришь?

– Редко. По настроению.

– Правильно, мозги прокуришь... Завтра приходи. Николас хороший товар привез...

– Братан, а сколько стоит у вас косяк? – у Ветерана в тельняшке глаза возбужденно заблестели.

Длинный рассеянно посмотрел на него, но не ответил. Оппонент развил мысль:

– Давно нормально не шабился. К нам теперь одно говно заносят.

– Почему заносят? У нас свое есть... – авторитетно заявил Бакинец, косясь на Прилизанного.

– Да вы что, охренели? – взорвался тот. – Мне нельзя такое слушать. Немедленно прекратите!

– А сам что, никогда не пробовал? – процедил сквозь зубы Тельняшка. – Не всегда ж был таким дерьмом...

– Я! – невероятно возмущенным голосом воскликнул Прилизанный и тут же подозрительно покраснел.

Зопаев быстро налил ему минеральную.

– Все, прекратите! – я вмешался, поскольку Прилизанный хоть и пыхтел, как старый паровоз, но, видимо, не собирался отвечать.

– Братан, – обратился я к Длинному, – зачем такие подробности?

– Уж какие есть. Не мог же я сходу поинтересоваться, где Алик Мансуров?

– Ну да... Ясно. А спросил?

– Нет. Смысла не было. Она уже ответила, когда проговорила о свадьбе...

Через несколько дней я зашел в одну из пекарен Самвела Манучарова. Кстати, я постепенно начал контролировать предприятия своего тестя. Одно из его условий перед свадьбой был мой уход из Бригады.

– Мне не нужны внуки-сиротки, – категорически заявил тесть. Джуля с Розой заговорчески закивали. Пришлось уступить. Хотя, главное решение по этому вопросу приняла бакинская контора. Она устами Саламовой это предложение сформировала так:

“Центр считает ваше дальнейшее присутствие в бандитской бригаде рискованным и, в общем, нецелесообразным. В связи с успешным завершением первой фазы операции – внедрение в среду бакинских армян – ваше нахождение в составе Бригады теряет смысл.”

– Короче, надо побольше времени проводить с новой родней, – иронично подытожила Саламова. – Я понимаю, тебе гораздо приятнее среди бандюг, все-таки привычная среда...

– Да, я уже привыкаю к вашей милой семейке, – в тон ей ответил я. – Ну, хорошо, я попробую последовать наставлениям Центра.

– Указаниям, друг мой, указаниям, – она досадливо поправила. – Наставляют ребенка, а ты уже большой мальчик

и состоишь в серьезной организации.

– Все сказала? Еще какие... указания? А то у меня мало времени. Планирую вечером со своей армянской родней посетить Большой театр. В рамках поставленной задачи, конечно...

Надевая зеркальные очки, я увидел в их отражении приближающихся неразлучных братьев.

– Вот и тебе пора... на службу, коллега.

Она не ответила и как-то странно посмотрела. Кивнув братьям, я сел в машину...

Да, недавно я поменял свою развалюху-“копейку” на новенький джип-“Мерседес”, подаренный мне Самвелом Манучаровым в качестве свадебного подарка. Кстати, отличная машина, рекомендую...

– Ты еще рекомендуй нам “Феррари”, – огрызнулся Бакинц. – А заодно подыщи среди родни богатую невесту. Я тоже не откажусь от мерседеса.

– Да кому ты нужен! – моментально выпалила Гюлечка. – По твоей физиономии в самый раз эта “копейка”.

– Согласен и на копейку, – пробубнил адресат, – я не гордый. Подайте к выходу.

Гюля зафыркала и отвернулась.

– Тихо, тихо... – привычно вмешался Прилизанный, стуча авторучкой. – Откуда у вас столько энергии? – наехал он на Бакинца. – Вам рот затыкаешь, излагаете с противополож-

ного проема...

После обратился к рассказчику:

– Вот что я хотел спросить, голубчик. Вы часто упоминаете криминальную терминологию, типа, бандиты, бригада, прочее. Я очень некомпетентный человек в этих вопросах, но даже мне известно, что эти ОПГ имеют определенные названия. Я помню одну, связанную с солнцем. Кажется, Солнечная...

– Солнцевская, – подсказал Бакинец. – Их было много: Тамбовские, Щелковские, Ореховские, Измайловские...

Прилизанный нетерпеливо махнул рукой и перебил криминальный пыл Бакинца:

– И все-таки, в какой бандитской группировке вы, так сказать, промышляли?

– А зачем вам это? – спросил неохотно Длинный.

– Вы знаете, голубчик... – снял очки и начал тереть стекла Прилизанный, – когда в какой-то истории озвучиваются определенные названия – имена, адреса конкретных населенных пунктов, прочее – она более тянет на документальность, нежели их отсутствие.

– Другими словами, вы полагаете, что мне нечего делать, и я тут рассказываю байки, – немного раздраженно ответил Длинный.

– Однако, я не услышал ответ, – в свою очередь уклонился чиновник.

– И не услышите. Объясню, и впредь, я надеюсь, к этому

не возвратимся.

Существует несколько причин, по которым мне нежелательно излагать вышеизложенные события с сугубо документальной точностью и последовательностью. Во-первых, людям, участвовавшим в них и оставшимся в живых, может не понравиться, что кто-то, спустя много лет, решил копошиться в их грязном белье. Может, они не хотят его стирать и предпочитают выбросить – в данном случае имеется в виду вычеркнуть из памяти. И тут появляется некто и демонстрирует публике старые рваные трусы, галстуки с пятнами крови, испачканные кальсоны и пеньюары ныне, может быть, весьма уважаемых граждан. Вам ясно?

Прослушав тишину, Длинный продолжил:

– Во-вторых, вращаясь в криминальных, бандитских кругах 90-х, невозможно было заниматься, допустим, благотворительностью с целью защиты домашних животных или выращивать тюльпаны в городских скверах. Многие мои тогдашние поступки и ныне классифицируются в процессуально-правовом пространстве РФ, как уголовно преследуемые. Следовательно, если я, слава Богу, живой и на свободе, они, может, до сих пор числятся всяком и портят кровь правоохранительным чинам, и мне абсолютно не хочется улучшать им здоровье.

Я по мере изложений событий буду... выборочно называть определенные населенные пункты или другие документальные подробности, а сведущий человек может сопоста-

вить, какая бандитская бригада промышляла в какой местности или какого депутата грохнули в каком году вблизи какого метро. Но не будет прямых указаний, следовательно, и мне после нечего предъявлять. Так как я вижу, ваши люди все скрупулезно записывают и снимают...

И если я решил полностью изменить идентификационные данные конкретного события, то есть, допустим, вместо Ивана озвучил Степан, то следует понимать, что для этого у меня есть очень веские основания. Еще вопросы?

– Но вы все равно рискуете, – высказалась Гюля. – Какой-нибудь дотошный опер при большом желании может выстроить логическую цепочку. Не проще вообще молчать? Зачем вам открываться?

Длинный вздохнул:

– Это история моей жизни. Когда-нибудь она, эта жизнь, все равно оборвется, и я не хочу, чтобы все прожитое ушло со мной в могилу.

– Чувак, ты нас конкретно зацепил... – подметил Бакинец. – Теперь мы на игле твоего рассказа. Давай быстрее, а то лопнем.

Все одобрительно закивали. Поскольку и Прилизанный неопределенно замычал, рассказчик продолжил...

Глава VII

– Я тогда не понимал некоторого агрессивного отношения к себе Наили. Думал, она настроена против Джулии из-за националистических побуждений. Все выяснилось позже, когда проводимая нами операция достигла кульминации, и я смог оценить ее личность и подлинное отношение к себе в контексте последующих трагических событий. Но все по порядку...

Однажды, рано утром, когда я собирался сесть в машину, у встречной иномарки включились фары. Двери открылись, и моему взору представился Алик Мансуров со своей кошачьей грацией – он гибким и сильным телом всегда мне напоминал циркача-акробата. Я ожидал этой встречи, потому сохранил спокойствие. Но пришлось “налепить” на облик удивление.

– Ты? – сняв очки, я пригляделся к нему.

– А ты не растерялся... – холодный взгляд, несопоставимый с его “теплой” улыбкой, тоже внимательно изучал.

– Вижу, и ты время не терял... – я кивком указал на ожидающую его новенькую машину.

На мгновение он продолжил буравить меня взглядом. Но вдруг его глаза залучились, как мне показалось, настоящей теплотой и он, радостно схватив меня за локти, потряс:

– Я рад тебя видеть, чувак, на большой земле! Мы с тобой

одной крови – ты и я! Не забыл?

– Не забыл... – “улыбнулся” и я в ответ. Хоть и внутренне сопротивлялся, я, кажется, действительно рад был появлению этого опасного человека.

“Черт...”

– Я все помню. Как тебе удалось выкрутиться?

– Ну, моя статья в отличие от твоей не была мокрой, – уклончиво ответил он, прикуривая сигарету зажигалкой. – Будешь? – протянул мне пачку “Мальборо”.

– Нет, не курю. Пока держусь.

– А я вот начал, – он с сожалением выдохнул дым, – но брошу... Ну что, погнали?

– Куда? – я постарался скрыть настороженность в голосе.

– Как куда? – кажется, он действительно удивился. – Отмечать! Во-первых, свободу, во-вторых, нашу встречу, в-третьих... твою свадьбу, чувак! – улыбнулся он еще радушно.

– Надо же... Ты в курсе?

– Больше знаешь, дольше живешь... – вновь с сарказмом ответил оппонент, – хотя порой утверждают обратное. Ты считаешь, нам нечего друг другу рассказывать?

– Я так не считаю. Но давай попозже – часа через три.

– Где?

– Кафе “Ласточка” на метро Красносельская. Знаешь? Чуть далековато, но я должен навеститься – эта наша точка. Заодно и пообедаем.

– Чувак, я в Москве каждый кустик знаю, – улыбнулся он. – Порой кажется, что я здесь должен был родиться.

– Да? А я думал, ты влюблен в Баку. Без него не можешь? – напомнил я его же слова в бакинской камере.

Мансуров опять впился в меня колючим взглядом.

– Кто в машине?

– Ким! – крикнул он, не оборачиваясь.

“Водитель” неторопливо вышел. Это был грузный человек с нехарактерной внешностью уроженцев Юго-Восточной Азии. На расу в нем указывали лишь раскосые глаза и ровные, ежиком отстриженные волосы. Обычно корейцы маленькие и легки в движениях. Этот же мне напомнил борца сумо. Но это ложное ощущение медлительности и неуклюжести улетучивались при внимательном взгляде. В глазах была необузданная сила и ловкость. Я вспомнил предостережение Мусаева.

Молча пожали друг другу руки.

– Мы с Кимом с ВДВ. И до сих пор вместе. Если я грудь, то он спина. Или наоборот...

Я кивнул. Кореец также молча созерцал меня ничего не выражающим взглядом...

Это кафе контролировала Бригада, и потому нас здесь принимали лучше, чем приняли бы Лужкова. Мы же особенно не выделялись, не отпугивали клиентуру. И потому бордовые пиджаки и золотые цепи на толстых шеях – избитая

мода того времени – в среде наших негласно считалось дурным тоном.

Лишь раз пришлось навести здесь порядок. Тогда дюжина кавказских парней решили продемонстрировать тут свою крутость. Сценарий был банальный. Кто-то кому-то не уступил дорогу или кому-то не понравился чей-то взгляд. Сначала повздорили с местными и вроде мирно разошлись – разняли. Позже кто-то из кавказцев пригласил на танец девушку из-за соседнего стола. Он после клятвенно утверждал, что та сама строила ему глазки. Так или иначе, получив отказ, да еще и подлый смешок за спиной, парень озверел и тут же заехал в глаз обидчику. Началась драка. В результате вверх взяли физически развитые и сплоченные кавказцы, которые вошли в раж и начали избивать и служащих кафе, пытающихся их разнять.

Вызванные по радиии, мы на тачках незаметно окружили заведение.

– Опять ваши из-за девок беспредельничают. Что у вас, своих нет? – ухмыльнулся Митяй, по кличке Кощей.

– Есть, но они так безобразно не одеваются, – парировал я, показывая на причитающих девок у крыльца.

– Как хотят, так и одеваются. Мы у себя дома...

– ...

– Как будем действовать? – зарубив щекотливую тему, спросил Митяй. Он считался старшим. – Ты своих лучше знаешь. Мож, точку хотят отобрать? Смотри, все накачан-

ные.

– Они залетные, скорее, студенты. Видишь, как орут и празднуют победу? А спортом они поголовно занимаются. Там, у себя, мало чем заняться. Фабрики и заводы вы им не построили.

– Так, что делать будем? – нетерпеливо переспросил Митяй, заряжая на заднем сиденье “калаш” с обрезанным прикладом. Я был за рулем.

“Вот идиот! Испортил хорошую вещь...”

– Наказывать. Но профилактически. Чтоб больше сюда не сувались. Видишь, того здоровяка, к которому Мурадом обращаются?

– Ну? – скопился Митяй в указанном направлении.

– Он вожак. Надо его гасить. Тогда остальные разбегутся.

Как в стае.

– Щас я его погашу навеки, – Митяй вновь забрякал оружием и открыл дверь.

– Стой!.. Кошей, зачем нам из-за бытовухи мокруху устраивать?

– Да ты че, матрос! Игорек в бешенстве. Он как услышал про Кавказ, вообще всех велел завалить.

– Он сначала говорит, потом думает, сам знаешь. Если много крови, менты нагрянут, на хвост сядут. Еще и точку отберут. А она, между прочим, нас с тобой кормит, Кошей. Неизвестно, новую взамен дадут иль нет, если что не так. И кровники нам не нужны на пустом месте.

– Так велели...

– Раз так, стрелять буду я и боссу все объясню. Вы берите только биты и кастеты.

– Ну, смотри, ты в ответе. Что касается мусоров, Игорь велел наших позвать.

– Ладно, выходи...

Мы резко все выскочили. Кавказцы даже не поняли, откуда вдруг появились эти молчаливые парни в “чеченках”. Каж, подумали, какая-та служба, так как все наши – в черных униформах. Я же просто подошел и выстрелил в ногу Мураду. До сих пор гордо стоящий в стороне и общающийся с земляками кивками и репликами главарь заорал и упал. Зато вмиг замолкла остальная орущая братия. Шоковая терапия получилась. И когда вступили в действие биты и кастеты, кавказцы, поняв, что это не менты, попытались сгруппироваться и дать отпор, но у них не получалось, да и нас было больше. Единственное, что смогли, накрыли телами раненого товарища и, схватив кто что мог, начали обороняться. Перестав орать, главарь вытащил пистолет, но моментально был разоружен битой.

Тогда я криком остановил побоище:

– Уходите! Менты едут!

Долго не пришлось уговаривать. Кавказцы переглянулись и молчаливо приняли решение. Быстро схватив и пихнув раненого товарища в машину, они разъехались по разным направлениям. Когда мимо проезжала машина с раненым Му-

радом, из открытого окна раздался его голос:

– Длинный, я тебя из-под земли достану, жди...

“Рано мне туда...” – облегченно вздохнул я и мысленно поблагодарил Бога, удалось миновать крови.

Уже в машине Митяй спросил:

– Зачем ты их предупредил? Менты...

– Да пошли они...

– Но они наши менты! И тож кушать хотят. А эти чужие.

– Кому чужие, кому не очень... Митяй, ты авторитетный мужик. Негоже нам мусоров кормить. Мало, что велят? Мож, еще в стукачи запишемся?

Он на миг задумался.

– Верно говоришь. Кавказ, не в обиду, я ненавижу. Но ты прав. Лучше целый Кавказ, чем один мент. Только не сболтни. Игорьку скажем, что главаря замочили. Чтоб не расстроился...

Потому, встретить меня вышел сам директор “Ласточки” Геннадий Матвеевич – седоволосый мужчина с плутоватым взглядом. Гости мои уже сидели и закусывали. Я заметил: они выбрали столик, удобный для обзора.

– Тебя здесь признают... – сухо констатировал Мансуров.

Не ответив, я подсел.

– Главное, все свежее. Кажется... – Мансуров лениво просмотрел блюда. – А то подсовывают всякую дрянь, после приходится пристреливать...

Тут он оценивающе оглядел Геннадия Матвеевича, сияющего рядом самой любезной улыбкой. Улыбка моментально исчезла.

– Вы ч-что!.. – пролепетал он. – Все свежо, все а-аккуратно. Рома, я не понимаю!..

– Все нормально. Товарищ шутит.

Тот испуганно засеменил к соседнему столу, поглядывая назад. Послышалось его ворчание.

– Шутя и расстреливают...

– Вообще-то, я не шутил, – с серьезной миной продолжил Мансуров, наблюдая, как Геннадий вновь наострил ухо. – Ким, помнишь последнего повара, испортившего нам ужин?

– Китайца? – задумался кореец. – Того, которого расчленили под соус?

– Черт!.. Ну и зверь же ты! Любишь китайцев в соусе...

На их хохот, кажется, обернулись все посетители...

В этот день мы хорошо посидели. Вспомнили Баку, свои дворы, школы. Много чего. Но я нутром чувствовал сканирующий взгляд Корейца, даже когда он на меня не смотрел.

– Я знал, что мир маленький, но не задумывался, насколько, – работая зубочисткой, вдруг вставил Мансуров.

– В смысле?

– Я хорошо знаком со Спартаком... – он внимательно наблюдал за моей реакцией. – С братом твоего тестя. Эльшан, брат мой, у него экспедитор.

– Надо же...

– И я дружу с его сыном Артуром.

– Мы дружим, – поправил Кореец.

– Разумеется... – согласился Мансуров. – Просто, когда я говорю о себе, почти всегда подразумеваю и тебя.

Тот удовлетворительно кивнул.

– Выходит, ты все знаешь?

– Выходит, знаю. И то, что ты в Бригаде, тоже знаю.

Я откинулся в кресле:

– Откуда такой интерес к моей персоне?

Мансуров не сразу ответил, продолжая ковыряться в зубах. Ким не смотрел на нас, не торопясь, доедал еду.

– К тебе? Не смейся... – он снисходительно улыбнулся. –

Мне просто не нравится, что я все время натыкаюсь на тебя.

– Сам же связал меня с Мариной.

– Цыганка ни при чем... – он также завалился. – Ты влез в круг, с которым у меня серьезные завязки. В целой Москве ты женился на той армянке... извини, девушке, с родственниками которой у меня... отношения.

– Вот оно!.. – я постарался овладеть собой. – Эту девушку, эту армянку... я знал с детства. И, соответственно, ее родню. Я их знал намного раньше, чем тебя. Что меня с ними связывает, понятно. А вот ты тут с какого бока, мне неясно и, честно говоря, по барабану.

– ...

– Мы можем разойтись и не мешать друг другу...

Я спокойно выдержал его взгляд. Наступила неловкая пауза. Наконец, он словно нехотя пробормотал.

– Все удивительно гладко...

– А как с Игорьком связался? – это Кореец, наконец, вмешался. Хотя я общался с Мансуровым, было такое ощущение, что меня допрашивает он.

– Что ж, вы это не знаете?

– Кое-что знаем. Ты ответь.

– Знаешь, – я жестом позвал официантку – худенькую и пугливую блондинку, которая обычно меня обслуживала, – я мог бы сейчас встать и уйти. Вы для меня никто. Но мы восточные люди, только что вкусили хлеб-соль. А я чту традиции. Потому отвечаю. Но в качестве любезности...

Оплатив еду, я коротко рассказал свою легенду внедрения в ОПГ. О Наиле, о том, как родители обратились насчет трудоустройства, о ее братьях...

– Надеюсь, вы удовлетворены, – подытожил я, вставая. – А теперь, думаю, нам надо расстаться и предпочтительнее больше не встречаться.

– Надо же, какой обидчивый... – Мансуров обменялся взглядом с Корейцем. Тот тоже встал.

– Действительно, обида тут ни к чему. Считай, просто поговорили по душам.

– Что вам от меня надо? – вопрос прозвучал немного “раздражительно”.

– Алик о тебе хорошего мнения, – Кореец улыбнулся. –

Мы очень давние друзья, потому мне интересен каждый человек в его окружении. Можешь рассчитывать на нас.

– Я рассчитываю на себя.

– Да, конечно, вольному воля. Но тут Москва, один в поле не воин...

И вышел, оставив меня с Мансуровым.

Он же со мной тепло попрощался. Как ни в чем ни бывало обнял за плечи. И в последующем, моментальное перевоплощение этого человека всегда обескураживало меня.

– Жаль, я не участвовал на свадьбе. Я бы погулял...

“Лучше б ты вообще не появлялся на моем пути.”

Какой-то умник сказал, что человек – кузнец своего счастья. Ну, типа, все в наших руках. Хотел бы посмотреть в глаза этому... мудаку...

Глава VIII

– Я, как понял, вы вошли к ним в доверие? – деликатно кашлянув, спросил Прилизанный у ушедшего вновь в раздумья рассказчика.

– Эти люди никогда до конца не верят... – Длинный не сразу ответил. – Но, согласитесь, легенда для меня была подготовлена безупречно. Брак с племянницей Спартака Манучарова выглядел настолько правдоподобным, насколько был таковым на самом деле. Естественно, меня пробили по Баку. Видимо, все подтвердилось. Ведь я до конца операции числился в розыске. Уголовное дело, продажа дачи, мой приезд в Москву, бандитские мытарства... Я лишь беспокоился из-за Саламовой. Но вроде обошлось. Хотя я уже переехал от этой тройки к Джулии, продолжал взаимодействовать с ними по работе с дезертирами. Это Наиля уговорила Игорька, и меня отозвали из лагеря и прикрепили к ней для расширения дела. Работал я также с Митяем. Мы крышевали несколько коммерческих точек, в том числе “Ласточку”. Вот такая пошла тогда у меня жизнь.

– Да, – заворчал Прилизанный, – прям детектив. Все по книжке.

– Ну, знаете... – вскинул брови Длинный. – Порой жизнь преподносит такие выкрутасы, что ни в каких книжках не прочтешь.

– Все-таки объясните, куда вы конкретно вляпались? Кем были и на кого работали этот Кореец с Мансуровым? Как они были связаны со Спартакoм Манучарoвым, с Баку, с вашей частью? Хотя вы и говорили что-то, но этого недостаточно. Теперь давайте поконкретнее, пояснее.

– Пояснее... Можно и так. Мансуров работал исключительно на своего друга, который помог ему отомстить ментам за творимый в Баку беспредел. Он не являлся завербованным агентом. Но, поскольку подразделение, возглавляемое... да, именно, возглавляемое Корейцем автономно функционировало при ГРУ ГШ ВС РФ¹¹, то Мансурова, как бы нелепо это не звучало, можно было причислить к российской военной разведке.

По ходу разворачивания событий я буду рассказывать об этой уникальной, по сути, структуре, далее в моем рассказе условно обозначенной организацией Корейца или просто Организацией. Ее деятельность, впрочем, как и деятельность прочих неформальных подразделений ГРУ, почти не была освещена в СМИ и в других источниках по той простой причине, что они не просто были засекречены, они были глубоко засекречены порой даже от первых лиц государства...

– Так выходит братья Мансуровы не предатели, так как они не работали на армян? – перебила Аталай.

¹¹ ГРУ ГШ ВС РФ – орган внешней разведки МО РФ и центральный орган разведки ВС РФ. Укороченно – Военная разведка. В 2010 году переименовано в Главное Управление ГШ РФ. Хотя, по-прежнему, продолжает дублироваться прежним названием – ГРУ.

– Какая разница на кого работали? – недоуменно переспросил Длинный. – Надо работать на свою страну, насколько ущербной она не являлась бы для тебя. Или хотя бы не вмешиваться в опасные игры спецслужб. Кореец держал армян в уздечке, в том числе, поставкой военно-политической информации, и неважно, следуя указаниям выше или в собственных интересах, мы это тоже переберем. И я считаю, именно этот российско-армянский тандем военных спецслужб, наряду с отсутствием в начале конфликта у нас сильного, харизматичного лидера, каким был покойный Гейдар Алиев, и вытекающей отсюда политической нестабильностью в стране являлись причиной основных военных неудач Азербайджана в карабахском противостоянии.

Моральный аспект поступка Мансуровых пусть каждый определит для себя сам. По мне, да хоть несколько тысяч продажных ментов не представляют родину или страну, где проживают также тысячи других твоих соотечественников, в массе своей честные, порядочные люди. То, что братья Мансуровы жестоко отомстили обидчикам, честь им за это и хвала. Я сам поступил бы так, это однозначно: зло должно наказываться адекватно. Но то, что, мстя, они из-за благодарности пособнику начали подставлять интересы страны, ставит их, безусловно, в один ряд с предателями. Я так думаю.

– Вы стали таким правильным на службе в своей Конторе? – сыронизировала Гюлечка.

– Возможно... – бесстрастно ответил Длинный. – Я работал, как считаю, с лучшими людьми своей отчизны, которыми руководили исключительно ум, честь, совесть и стремление служить Родине во что бы то ни стало, порою даже ценою собственной жизни, как банально это не звучало бы.

– Прямо... – рассмеялась Гюлечка. – Не надо преувеличивать. Они же не на фронте были. Где им было жизнью рисковать?

– Возможно, ваш покойный батюшка не рисковал, потому и дослужился до полковника, – немного раздраженно ответил Длинный. – Судьбы же моих некоторых товарищей сложились трагически. Например, Расулов несколько лет назад получил тяжелое ранение в голову при исполнении. Он же всегда лез вперед, хотя уже сидел на должности. Впоследствии вынужден был оставить службу.

– Как жаль... – прошептала впечатлительная Аталай.

– Вы сказали товарищей, – уже осторожно напомнила Гюля.

– Да, – вздохнул Длинный. – В 98-ом некто, находясь в служебной командировке в Москве, заступился за женщину. Подвергся нападению отмороzków и получил смертельное ранение ножом в сердце. Со мной тогда связались, хотя я и прекратил к тому времени контакты с Конторой. Но все равно было поздно. У него остались трое несовершеннолетних. Я кое в чем помог семье, но как восполнить утрату родного человека?

– Извините, я... В общем, я ляпнула... – Гюля покраснела. – Папа никогда про службу не рассказывал. Каждый раз отшучивался, что на пенсии мемуары напишет. Так и не успел или не захотел. Через месяц после выхода на пенсию умер от сердечного приступа на бульваре, тихо сидя на скамейке.

– Счастливая смерть... – загрустил Ветеран в тельняшке. – Я сам предпочел бы так умереть – без суеты, без возни. Сел и умер.

– Тебе это не грозит, – мрачно возразил Бакинец.

– Это почему же? – покосился на него Тельняшка.

– У тебя на лбу виселица написана. Потому и пуля не взяла тебя в Карабахе.

Тот, вздохнув, на удивление спокойно ответил.

– Может, ты и прав. Я когда-нибудь повешусь от безысходности. Кому я нужен? Ни кола, ни двора. Флики не отстают... Вот замочу парочку гнид, как этот Мансуров, – с наслаждением причмокнул он, – чтобы на том свете пацаны достойно приняли, и сам повешусь. В тюрьму больше не сяду.

– Не говори глупости, я пошутил... – заволновался Бакинец. – Я тебя с собой в Москву возьму. Женим мы тебя с Кареном на пухлой славяночке или на знойной армяночке, и проживешь ты мирной, счастливой жизнью.

– Лучше на славяночке, да беленькой и румяной... – блаженно сузив глаза, размечтался Ветеран в тельняшке. – Ар-

мянки, хоть красивые и знойные, но, говорят, быстро стареют. И как-то запахло, чувак, война идет...

Вдруг, спохватившись, он покраснел и испуганно посмотрел на Длинного. – И-извини, братан. Я... я не в том смысле...

Тот не ответил, молча влил в себя очередную порцию горячки. Бакинец покрутил пальцам у виска покрасневшему “Тельняшке”.

– Да, конечно... – тут вновь встрянул в тему Гюлечка. – За такого Кузю наши девочки не выйдут. Твое спасение – русская деревня в Сибири и баба-ягодка в 65. Флаг тебе в руки и не только туда...

Ветеран в тельняшке медленно начал менять окраску от пурпурного на болотно-зеленый. Трясущие пальцы начали беспокойно ерзать по столу, явно подыскивая подручный предмет для метания. Рот открылся сначала в попытке уловить воздух в возмущенные легкие, а после, вероятно, для извержения мата, но не получилось. Бакинец ловко заткнул открывшееся пространство соленым баклажаном.

– Ты закусывай, закусывай...

– Что? – поперхнулся возмущенный и уже посиневший от соленого удушья товарищ. – Что закусывать?

Глаза его ненормально уставились на пустую рюмку. Негласным правом на выделение спиртного по-прежнему владел Арзуман. Он и наполнил соответствующую емкость.

– Ты не доживешь до пенсии.

– Не на твои пью... – огрызнулся Ветеран в тельняшке и залпом опустошил хрустальную стопку. После, понюхав куриную попочку, сходу наехал на Арзумана.

– Ты что захватил общак? Не помню, чтобы тебя кто-то уполномочил. Самозванец! Наливай всей братве.

– Во-во... – поддержал его Бакинец. – Я понимаю, что у нас всюду монополия. Скоро пердеть тоже будем по протекции. Но монополия за столом!.. Это слишком. Этого наш народ не потерпит.

– Согласен, – коротко поддержал Ганмуратбек.

– Сами наливайте... – надулся Арзуман. – Я хотел, как лучше.

– Благими намерениями вымощена дорога в ад, – с пафосом изрек избитый афоризм Бакинец. – К примеру, армяне: хотели прихватить Карабах, в смысле, что плохо лежит – наше, вышло так, что сами прилепились к нему. И теперь никак не могут отлепиться. Он, как пика в их заднице.

– Культурно выражайся! – недовольно пробурчал все еще не отошедший от обиды Арзуман. – Ты что говоришь? Наш Карабах не надо пихать в немый вражеский тыл.

– Все, пошло да поехало, – махнула на них Гюля, обращаясь к Аталай. – Как выпьют, сразу вспоминают чей-то тыл.

– Вы тоже, милочка, не ангел, – засверлил ее глазами изпод очков Прилизанный. – Я, признаться, вас более скромной представлял.

– А что я сказала? – обиделась Гюлечка. – Мы тоже люди.

У нас тоже есть мнение, – храбро возразила она.

– Вот и держите это мнение при себе, пока я не вздумал пролистать заново ваше личное дело. У вас, милочка, кажется, неполное высшее, так?

– Я, я... не успела, – пролепетала Гюля в страхе и побледнела. – У меня родился ребенок. Муж умер. Папа...

– Вот из уважения к его достойной памяти мы не стали вникать в некоторые нюансы вашей биографии, – нравоучительно продолжил Прилизанный. – И вы учтите этот... маленький нюанс...

Гюля всхлипнула и выбежала из зала. Нависло неловкое молчание.

– Вот так всех нас и держат на крючке, – тихо проворчал Бакинец. – Этими самыми маленькими нюансами, которые при желании так легко раздуть.

– Вы страшный человек... – это я Прилизанному. Тот после некоторой паузы ответил.

– Скажем так, я могу быть таким. Но вовсе не обязательно из меня лепить монстра. И это никакого отношения к нашему рассказу не имеет.

А вас, молодой человек и специалист по крючкам, – обратился он к нахмурившемуся Бакинцу, – я лично прошу, приведите даму и посадите обратно. И извинитесь за меня, самому мне это сделать неудобно. Хотя я в чем-то прав, но в чем-то... не очень. Заодно и попросите, чтобы обновили обстановку, – кивком указал он на существенно оскудевшие

блюда.

– Слушаюсь! – моментально расцветший Бакинец выбежал из комнаты. Через минут пять, может, чуть позже, появился у дверей с заплаканной, но почему-то счастливой Гюлечкой.

– Вот и прекрасно, – довольно хмыкнул Прилизанный. – Теперь в самый раз наслаждаться рассказом нашего товарища. Продолжайте, голубчик...

Глава IX

– Через несколько дней после встречи с Мансуровым меня неожиданно вызвали к Игорьку. Он долгое время молчал и крутил на пальцах какой-то замысловатый брелок. Я, конечно, терпеливо ждал, но начал беспокоиться. Пожалел, что не прихватил ствол. Хотя все равно отобрали бы.

Дело в том, что дня три назад на Игорька было совершено покушение. Неизвестные, занявшие позицию в роще у дороги, открыли автоматический огонь по его машине, когда тот выезжал из загородного дома давнего приятеля. Сам босс чудом остался жив, пригнувшись на заднем сиденье, но водитель погиб на месте. Машина была изрешечена пулями. Охрана на сопровождающей машине быстро среагировала и ответным огнем заставила стрелков ретироваться.

О том, что бронированная машина, на которой обычно ездил Игорь, стоит на ремонте, и босс поедет на другой, были проинформированы немногие, и этот фактор тоже вызывал тревогу. Кажется, это был почерк дагов, которые обычно с неохотой нанимали киллеров, предпочитая разбираться с конкурентами сами со своими калашами. Неделю назад у Бригады завязалась перестрелка с дагами на Площади трех вокзалов. Погибли трое дагестанцев и один боец Бригады.

Но откуда просочилась информация? Взялись прежде всего за приятеля Игорька. Хотя они дружили, кажется, с пе-

ленок, время было мутное, а деньги не пахнут.

“Но я-то тут ни при чем...” – мозг продолжал анализировать. Я не входил в костяк Бригады, и, соответственно, не мог владеть детальной информацией о чем-либо. Как отметил выше, мы с Саламовой и ее братьями работали автономно. Да, хочу отметить, что мы заметно расширили дело и подключились также к призывникам из Грузии, Армении, Молдавии и Таджикистана. С Закавказьем все понятно. Молдавия только осваивалась, но регион был очень беден. Но нам неплохие барыши начали приносить таджикские призывники, которые просто мечтали избавиться от невыносимого быта и феодальной эксплуатации своих чинуш, приграничных конфликтов и наличием в регионе конкурирующих друг с другом наркосиндикатов. Помимо брачных вариантов, мы таджикских клиентов устраивали в ЖЭК-ах и прочих муниципальных службах, так как ребята были очень трудолюбивые, и чтобы хоть что-то зарабатывать для своей родни на родине, в которой положение, видимо, было похуже чем на Кавказе, согласны были на самую низкооплачиваемую работу.

По другим направлениям тоже велись поиски. Мы ездили, наводили справки, прощупывали почву. Но конкретно приносили барыши регионы, повязанные в военных конфликтах. Война, как всегда, кормила дельцов и негодяев. Впрочем, нередко оба эти определения сливались.

В Армению, по понятным причинам, летали только Пав-

лик с Толиком. В Ереване они быстро наладили работу с местными, теперь те все чаще сами приезжали в Москву. Это направление было приоритетнее для нас. С армянскими призывниками вплотную занималась Саламова. Конечно, они не догадывались о ее национальности – скуластая и рыженькая Наиля больше напоминала татарку, как и я, и в силу своей профессии и располагающей внешностью умело разводила отроков. Те охотно делились с нею имеющейся у них информацией оперативного характера.

Игорь доволен был нашей работой. Нас называли в шутку бакинской братией и не очень отвлекали на другое. Но, несмотря на в общем-то благодушное к нам отношение бандитского окружения, в Бригаде терпеть не могли “черных”, в особенности дагов и чехов – их считали беспредельщиками. Грузины у них ассоциировались с мошенниками и барсеточниками; цыгане – воры и бездельники; азеры – барыги и наркоторговцы, а армяне – хитрожопые, что-то между евреями и цыганами. Все кавказцы вместе взятые – звери, черножопые, еще черт знает кто. Среднеазиатов же вообще всерьез не воспринимали.

Но, так или иначе, Игорек оберегал нас, как куриц, приносящих золотые яйца...

– Что вы такое говорите? – закричала Гюля. – Как вы смее-те целые народы классифицировать такими позорными эпитетами!

– Это не я, упаси Бог, – спокойно возразил Длинный. –

Просто великорусский шовинизм в бандитской среде славян облачился в наиболее причудливые и мутирующие формы расизма. На самом же деле причина было в разрухе империи и в экономике. В столице и в других крупных промышленных городах, где воротились большие деньги, происходил постоянный дележ сфер влияний. Славяне, как местные аборигены и как наиболее многочисленная прослойка, претендовали на большую часть пирога, если не на весь, а кавказские этнокланы, несмотря на разноликость и малочисленность, в силу своих ментальных качеств не признавали их верховенство и порой даже брали верх над “титульной” нацией. Пока всех их не стали отстреливать более серьезные ребята в погонах, как это происходило в послевоенное время в Одессе, в Москве, в других криминальных городах. И пока все они не вошли со временем под общий купол дяди Васи...

– Дяди Володи, – уточнил Бакинец.

– Просто обидно за барыгу, – проворчала Аталай. – За наркоторговца, за черно... – затруднилась она, – ...жопца. Пусть они лучше своих великих людей покажут, чем оголяют свое сокровенное. Их деятели в подметки не годятся Низами, Физули или Бируни, ибн Сина. Теперь, видите ли, потомки Чингизхана и Батыя, правившие миром, никто. И вообще, всю культуру они позаимствовали с Востока.

– Культура у каждого своя, своеобразная, обсуждать, кто круче, глупо. И не забудьте, речь идет о неграмотном, криминальном обывателе. И согласитесь, определенная часть

“гостей” своими нелицеприятными выходками посодействовала, чтобы эти определения прозвучали. И, кстати, и они русских обзывали то алкашами, то свиньями, то желтоухими – в смысле собаками. И друг друга обзывали по-всякому...

В общем, после развала Союза, словно бомба ненависти взорвалась среди ее населения, в том числе и в криминальном мире.

– Братан правильно заметил, – кивнул в сторону Тельняшки Бакинец. – Сталина надобно в Кремль¹². Тогда русский бандит промеж разборками будет читать Низами, а азербайджанец, продавая зелень, будет цитировать Пушкина: “У лукоморья дуб зеленый”...

– Хватит молоть чепуху! – тут ожидаемо рассвирепел Прилизанный. Он недовольно прошелся взглядом по каждому и остановился на Длинном:

– А вы не идите на поводу и прекратите эту межнациональную бурду. Лучше расскажите, что было дальше и зачем вас вызвал этот ваш босс?

Длинный, беспардонно зевнув, продолжил...

...Наконец Игорь заговорил. Начал он издалека:

– К тебе плохо относятся? Плохо кормят?

– Я доволен.

Мой лаконичный ответ, видимо, еще больше его разочлил.

¹² см. Однажды в Карабахе, История первая, стр. 14

– Мож, тебе баба твоя не дает или ты...

– Босс, это не мужской базар, – я ответил заметно резко.

И чтобы разрядить обстановку, ушел от скользкой темы. – Чем вы недовольны?

– Я хочу знать, какого черта мне дают указания в отношении тебя? – закричал тот в ответ, вскакивая и опрокидывая легкое кресло. Голова Федьки с оттопыренными ушами и хлопающими ресницами моментально показалась из-за двери. Игорь махнул, как назойливой мухе, и она исчезла. И теперь босс с разгневанными глазами стоял передо мной, засунув руки в глубокие карманы в позе вопросительного знака. Я уловил, откуда дует ветер.

“Черт!..”

Пришлось вытянуться перед ним в стойке восклицательного:

– Я тут ни при чем! Никого не просил и никуда не просился!..

Игорь слыл человеком эмоциональным. Нередко сначала действовал, после стучал головой. Я с опаской следил за его руками, готовясь в любой момент пресечь их движение к стволу, висящему под мышкой.

Но, к счастью, до этого не дошло. Он поднял кресло и вновь сел, нервно теребя пальцами по поверхности стола.

– Откуда тебя знает Кореец? Зачем ты ему понадобился? И не ври!

– Босс, мне нечего скрывать. Недавно я обедал с ним в

нашей “Ласточке”. Он пришел с одним земляком.

– Что за птица?

– Да так, тож из Баку. Хлебник мой... Решили отметить свободу.

– Весомый повод... – задумчиво констатировал Игорь.

После небольшой паузы уже спокойно спросил.

– Ты хоть знаешь, кто Кореец?

– Нет. Он мало говорил.

– Так на какой хрен ты ему понадобился! – опять с ходу завелся Игорек. – Зачем лезет? Кем он себя возомнил?

– Босс, что случилось? Вы со мной расстаетесь?

– Да, ежкин кот! – не сдержавшись, он опять заорал. – Да хрен с тобой, невелика птица! Но почему? Что, у них своих не хватает?

– А меня кто спросил? Не пойду!

– Да погоди ты... – Игорь встал и начал нервно расхаживать. – Если честно, тобой заинтересовались серьезные люди. Мы это так, мелочь в сравнении... И никуда от них не деться, сука, ни тебе, ни мне, и никому другому!.. Может так лучше...

– Босс!..

Он жестом перебил:

– В последнее время у нас хрен знает, что творится. Непокойно у меня вот здесь... – постучал он кулаком в полурасстегнутую по-блатному грудь. – Ну, ты знаешь...

Он вновь устало плюхнулся в кресло. После, отводя

взгляд, произнес:

– Тебя вызовут. Наверно, через твоего этого хлебника.

Ныне ты с ними намертво связан.

– Но...

– Все, иди!

На пороге я обернулся. Игорек опять крутил брелок.

– Прощайте, босс. И за все спасибо...

Ответа не последовало. Я тихо прикрыл за собой дверь.

Я тогда не мог знать, что действительно с ним прощаюсь,
и это наша последняя встреча...

Глава X

Вот так я и оказался в стане противника. Все вроде шло по намеченному. Как это произошло? Мне пригласительное не отправили и какие-то “официальные” мероприятия, типа вербовочная справка или прочие идиотские книжные штучки, к которым меня подготавливали в Конторе, не проводили.

В один прекрасный день за мной заехал Мансуров. Было раннее утро. Я оделся и вышел. В его “мерсе” на заднем сиденье сидели еще двое ребят в кожаных, наглухо застегнутых куртках. Мне это не понравилось. После короткого раздумья я обратно хлопнул переднюю дверцу и предложил одному перебраться вперед. Мансуров кивнул, и парень молча уступил место.

– Не доверяешь? – через довольно продолжительное время спросил Мансуров на азербайджанском, уже гоня машину по Кольцевой.

– Не люблю, когда смотрят в затылок.

– Полезная привычка. Ствол с собой? – перешел он на русский.

Я кивнул.

– Что у тебя?

– “Макар”.

– Лазарь... – обратился он к парню, сидевшему рядом.

Тот из сумки, лежавшей у его ног, вынул “Стечкин” с двумя обоймами и протянул.

– Дай ему еще боекомплект. – Мансуров.

Я растасовал полученное по карманам.

– Это на всякий... Броника для тебя нет, не успели. Да и не понадобится, будешь работать на расстоянии. Объясню ситуацию: мы должны проникнуть на территорию военной части. Это Малые Вяземы. Надо отбить человека. Предупреждаю, будет мочилровка.

– Я тут с какого бока?

– Нужен снайпер. Ты можешь отказаться. Замену найдем, хотя время жмет. И ты нас разочаруешь.

– Да кто вы такие, черт возьми, мне ни Игорь толком не объяснил, ни...

– Сейчас не время.

– Я как понял, это тебе очень надо?

– Да.

– С тебя должок.

– Заметано...

Мы притормозили на обочине дороги за черным “Чероки”. Еще один джип и длинный седан припарковались впереди. Между ними нарисовалась знакомая фигура Кима Ли в длинном кожаном плаще чуть ли не до пят в окружении нескольких рослых ребят. Я по знаку Мансурова вышел из машины и последовал за ним.

Невозмутимый Ким заметно волновался, что указывало на серьезность ситуации. Выбросив недокуренную сигарету, он без предисловия начал:

– Его заманили в ловушку. Пригласили в сауну в военной части, якобы перетереть коммерческую тему. Ты знаешь, баня его слабое место. Водителя тут же замочили – застрелили в висок. Тот даже не понял, что случилось. Мансур, – Корец схватил обеими руками за его плечи и потряс – он был на голову выше, – боюсь, не успеем.

– Кто его заманил? – Мансур слегка отстранился.

– Соболев, сукин сын, генерал!

– Они же друзья? Каж, Старик его в депутаты проталкивал?

– Какая дружба! – Ким зарычал, и тут его взгляд застыл на мне:

– Справится?

– Должен.

– Пересядьте...

Вытянув водилу с места, он сам сел за руль. Мы быстро юркнули в салон. Машина газанула и стрелой помчалась, разрывая фарами вечерний сумрак подмосковной трассы. Обернувшись, я увидел стройную колонну мчащихся за нами машин.

– Сколько времени до прибытия? – Мансуров сидел рядом с Кимом.

– 25 минут.

– Можешь информировать более подробно?

– Мне не все известно. Порядок событий следующий.

Охрана Алексея пресекла попытку похищения Вики – внучки Старика во дворе их дома. Неизвестные, выманив одного из его ребят за ворота, вырубали. Пятеро. Один – за рулем, остальные вломились. Нянька в тот момент гуляла с девочкой в садике, практиковала с нею английский – это привычная процедура. Уверен, противник знал распорядок дня, количество и расположение охраны. Это – крот... Видя бежавших в их сторону незнакомых мужчин, Вика закричала и побежала к дому. Ее крик предупредил второго охранника, который выбежал из туалета в саду со спущенными штанами, но со стволом, и как бы оказался в тылу у налетчиков. Парень среагировал мгновенно и выстрелом уложил одного, но и сам был подкошен очередью.

Второго налетчика, который почти догнал ребенка у порога, застрелил сам Алексей из окна верхнего этажа. Он в доме случайно оказался – хозяйка попросила перенести что-то. Оставшиеся двое, схватив застывшую от страха няню и прикрываясь ею, начали отступать. Видимо, не ожидали выстрелов из дома – так они оказались в уязвимом положении. Няньку налетчики полуживую бросят уже за воротами. Тяжелораненого товарища попытались оттащить, но после запаниковали и добили выстрелом. Итог: один налетчик убит, второй, которого подстрелил Алексей, тяжело ранен. Информацию о похищении Казанцева выдал он, пока не впал

В кому.

“Савелий Казанцев!..”

– Какова связь между двумя эпизодами?

– Да прямая. С внучкой Старик был бы более сговорчивым. И еще, в сауне его заставили раздеться и засняли с шалавами.

– Какова цель?

– Думаю, обезглавливание Организации перед следующими выборами. Старик – один из вероятных кандидатов.

– Так убили бы...

– Дело в деньгах. Они уверены, что Старик владеет информацией о наших тайных счетах. Помню, Соболев однажды в лоб интересовался, мол, где ваши деньги.

– Действительно, где? – Мансур ухмыльнулся.

– ...

– Соболев тупой как валенок. Кто-то все планировал.

Ким тихо заматерился:

– Подъезжаем...

Машины заехали во двор какого-то большого строящегося комплекса. С верхних этажей, на один из которых мы поднялись, отчетливо осматривалась территория военной части, расположенная на расстоянии 300-350 метров.

– Уже темнеет... Выкладывай! – Ким обратился к художнику и тощему субъекту в полевой форме, который шагнул навстречу и глухим голосом начал строчить, как на печатной машинке.

– На стройке вместе с гражданскими военные строители – всего 18 лиц. Всех связали. В/ч 07XXX строительная. Для перевозки солдат имеется грузовая машина – “Газ-66” с закрытым тентом и допотопный автобус для доставки гражданских в поселок, находящийся за лесом. Моих – восемь, плюс прибыли пятеро из группы Рябого. Дороги в часть и на стройку контролируются.

– Не спалились? – с тревогой, Кореец.

– Нет. Сейчас 18-36. Солдаты должны возвратиться в часть в 19-10.

– Почему так поздно?

– Я спросил. Они не вписываются в график, перерабатывают.

– Почему запросил снайпера?

– Это по плану. Предлагаю проникнуть в военную часть на грузовике, переодевшись солдатами. Я – рядом с водителем. Снайпер страхует штурмовую группу с крыши. На территории военнослужащих не замечено, их скорее загнали в казармы. Но мы насчитали приблизительно 20 лиц в униформах.

– Эти парни профи, наверняка почувют подвох.

– Будем действовать на опережение. Расстреляем КПП и прорвемся к сауне – там по обстановке. Внезапная атака, плюс работа снайпера обескуражат противника. План сырой. Но другого нет.

– Надо выбить ворота... – у меня непроизвольно вырва-

лось.

– Что? – до сих пор помню удивленные глаза Корейца.

Я не успел ответить. Вклинился Мансур:

– Какого плана ворота?

– Старые советские – на рельсах. Шатаются от ветра и еле ходят...

Кореец, не сводя с меня глаз, жестом перебил:

– Изложи!

– Если застрянете у КПП, противник успеет организовать оборону. В машину могут пальнуть из РПГ¹³ или просто обстреляют. Надо протаранить ворота и мчаться прямо к сауне...

– Верно. А ты подстрахуешь винтовкой... – Кореец ткнул пальцем в меня в грудь. – Смотри, не промахнись... Мансур, ты в качестве наводчика. Сколько метров с КПП до сауны?

– 70. По прямой. – Тощий.

– По ходу гасите огневые точки. Попав под перекрестный огонь, противник деморализуется. Трофим, с ходу ворвешься в сауну и отобьешь Казанцева. Следи, чтобы все были в брониках. Часть бойцов займут позиции, прикроют ворвавшихся внутрь. Меня вызовешь по рации. Позывные прежние.

– Понял.

– 18 минут до начала операции! Снайпер, на позицию!..

По знаку Мансурова я побежал за ним по голым, пока не

¹³ РПГ – ручной противотанковый гранатомет

обработанным ступенькам без перил. По мере продвижения слух улавливал все более удаляющийся голос Корейца.

– ...10 бойцов с Трофимом. Степан, контролируй дороги. В случае обнаружения хоть какой колонны – предупредительная очередь, после стрелять на поражение!..

Глава XI

В принципе все произошло, как планировалось. Тихо подъехавшую машину, вдруг взревевшую и влетевшую в ворота, никто не ожидал. Потому она, протаранив несложное препятствие, оказалась сначала на территории части, после в считанные секунды у сауны. Бойцов противника еще на расстоянии начал расстреливать из выбитого окна кабинки Тоший-Трофим, а я с высоты.

Черные точки, хаотично бегающие по территории, вдруг мне напомнили муравьев из растревоженного муравейника. Это звучит забавно, но, поверьте, ничего забавного не было, когда в первые же секунды несколько точек уже обездвиженно темнели на плацу через обзор моего “ночника”. Попав под перекрестный огонь и почуяв провал, выжившие разбежались. Я уже не слышал ни Мансура, оравшего мне в ухо и пытавшего зрительно корректировать, ни отдаленные звуки выстрелов, причудливо звучащих вкуче с ревом наводчика – я действовал на автомате. Помню, еще двоих, пытавшихся, отстреливаясь, выбежать из проема выбитых ворот, тоже я снял.

Сложности начались внутри сауны. Соболев сразу после первых выстрелов схватил Казанцева и закрылся в парилке. Успели проскочить еще двое обороняющихся. Остальные в панике начали палить во все движимое и были скошены

ворвавшимися бойцами Трофима. В перестрелке был смертельно ранен и один из наших. Тощего же ранило в ногу и серьезно – задело артерию. На полу в предбаннике вперемешку с трупами лежали и визжали несколько полуголых девиц.

Генерал безбожно матерился и орал. Разумеется, мне все это после передали.

– Мне терять нечего! Освободите проход и дайте машину, или я его пристрелю! Через пять минут начну отстреливать пальцы рук и ног! С промежутком в минуту...

– “Первый”, я “Пегас”. Немедленно приезжайте! Как приняли?..

Тощий вызывал Кима все более слабеющим голосом. В ответ рация на груди у Мансура прохрипела еле различимой речью, и в тот же миг машина Корейца, вылетев с территории высотки, с бешеной скоростью умчалась в сторону части...

Ким мгновенно оценил ситуацию. Тощий уже потерял сознание, и бойцы, разорвав его брюки, ремнем зажали рану, пытаясь остановить кровь.

Кореец быстро проверил пульс и второму раненому. Убедившись, что тот мертв, переключился вновь на Трофима.

– Выживет?

– Много крови потерял... – один из бойцов.

– Еще есть потери?

– В душевой труп Димона.

Это был водитель Казанцева.

Снаружи заскрипели шины депутатского мерса. Его

пригнали с парковки соседнего строения. Ким крикнул бойцу, упомянувшего Димона:

– Олег, срочно Трофима в Городок и вызовите Валентина. Передай коменданту – пусть оцепит Штаб и усилит посты на всех въездах. Подозрительных задерживать. Прорывающихся ликвидировать. Мы скоро будем...

Подождав, когда машина с раненым на скорости отъехала, Кореец крикнул:

– Генерал, не делайте глупости, вы и так наследили! У нас у всех мало времени. Мы освобождаем проход и предоставляем машину...

– Почему знаю, что ты не врешь, сучий ублюдок? – услышался хриплый ответ и непередаваемая брань.

Кореец стиснул зубы:

– Слово офицера. Сколько вас?

– Трое, мать твою!.. Не считая этого дерьма.

– У сауны черный Чероки. Пусть ваш человек выйдет и сядет за руль. Далее остальные. Заложника освободите сразу за территорией части. В противном случае...

– Согласен!

– Отходим! – Кореец крикнул...

Деревянная дверь бани резко распахнулась и в тот же миг захлопнулась, выплюнув наружу вооруженного бойца с дико вытаращенными глазами. Секунду “лицезрев” тишину, он бросился к машине Корейца, запрыгнул на место водителя

и несколько раз просигналил. В тот же миг выскочил Второй. Он более решительно подбежал к машине, бегло проверил салон, открыл нараспашку двери со стороны сауны и прошмыгнул обратно.

Мансуров, следивший за происходящим тоже из ночника, закричал чуть ли не в ухо:

– Держи проход на мушке. Расстояние – 400...

Я смотрел на слегка колыхающийся флаг¹⁴, видимо, над штабом. “Ветер умеренный¹⁵, под углом... – почти 90, дует в бок. Сам же вижу, что орешь...”

– ...Объект ликвидации – среднего роста, плотного сложения...

Через секунду у двери показался заложник в длинном пальто, надетом на голое тело, ноги были босые. Видимо, сзади вытолкнули. Он, потеряв равновесие, еле удержался. За ним неясное очертание человека, чуть ли не вжавшегося в его спину. Замыкал состав второй боец с автоматом на груди.

– Я это дерьмо выпущу на Кольцевой!.. – слышался отчаянный рык Соболева за спиной пленного. – Я тоже могу дать слово... Че рисуешься? – наорал он на Второго бойца, нацелившегося в темноту.

Тот быстро юркнул на переднее сиденье.

¹⁴ По колыханию флага, по наклону дыма из трубы, по качанию веток дерева, по шелесту листьев, по движению травы и т.д. стрелок может определить скорость ветра.

¹⁵ ветер умеренный... – в стрелковой практике под умеренным ветром подразумевается скорость ветра 4-6 м/с, слабый ветер – 2-2,5 м/с, сильный – 8-12 м/с.

– У тебя секунда, когда он Старика в машину затолкнет! – вновь заорал Мансуров. – Должен открыться!..

– Стой смирно, мразь! – рывкнул на задержавшегося заложника генерал и стукнул пистолетом наотмашь по затылку. Тот обмяк. Мне, повторяю, все после озвучили.

– Черт!.. – выругался в бешенстве Мансуров, когда увидел, насколько вплотную к заложнику пытается влезть в машину Соболев. – Стреляй!..

Мушка винтовки чуть ли не на последней секунде успела словить макушку генерала. Я мягко нажал на курок, и в ушах отозвался характерный звук. Голова генерала как бы опрокинулась, утянув и тело – он упал как подкошенный. Машина с открытой дверью рванула с места, но, получив очередь по резине, завиляла разорванными шинами и врезалась в стену соседнего строения. Я увидел большую фигуру Корейца, со всех ног бегущего к дымящей машине с раскрывшимся от удара капотом. Сработала подушка безопасности. За Кимом бежали другие.

Передняя дверца открылась, и из нее вывалился Второй боец, который тотчас, перевернувшись на живот, раскинул руки-ноги в сторону.

– Не убивайте! Я его не тронул...

Через секунды руки его уже были связаны за спиной. Из открытой двери видна была окровавленная голова водителя – Первого бойца, лежащего на подушке безопасности. Видимо, зацепили пули.

Кореец чуть ли не вырвал заднюю дверцу кабины – она хлопнулась во время передвижения. Оттуда доносился слабый стон. В следующий миг депутата уже прислонили к машине. Второго бойца тоже приволокли и привалили рядом.

– Где генерал? – это были первые слова очнувшегося Казанцева. Голову его, слегка кровотокающую, наскоро забинтовали, а на босые ноги успели надеть чьи-то туфли.

Кореец молча перевел взгляд на неуклюже валявшегося Соболева.

– Димон... – еле проговорил депутат.

Кореец кивнул бойцам. Казанцева осторожно подняли и усадили в с визгом подъехавший седан.

– Ким, пленку... – послышался слабый голос депутата из отъезжающей машины.

Кореец обратился к связанному бойцу.

– Что с тобой-то делать?

– А-а, пох...й... – тот зарычал. – Я солдат, меня наняли.

– Говорить будешь?

– Да запросто. Но что? Я мало знаю.

– Может это к лучшему...

Ким встал и подошел к генералу. Он был еще жив, но, кажется, собирался отдать душу... кому-то из них двоим – самым вышестоящим. Кровавая рана на голове окрасила его седые волосы.

– Где пленка?

Генерал еле уловимым кивком указал на грудь. Ким изъ-

ял маленькую коробку из внутреннего кармана его куртки. После встал и вытащил ствол.

Страшная гримаса еще больше обезобразила окровавленное лицо Соболева. Он пытался улыбнуться.

– Я... не жилец... знаю. Но ты дал... слово... – он говорил из последних сил.

– Слово, данное предателю, не имеет цену, – четко выговорил Кореец. – Я чту слово, данное мною стране, которую слили врагам такие предатели, как вы, генерал. Хотя бы перед смертью облегчите совесть, вы изменили присяге. Назовите заказчика.

– Да, я предатель... Это больно... ос...ознавать перед... смертью. Но я был... вынужден. У Галы... у жены обнаружили рак. Сказали... лечение в Германии... Моих... не трожь, сука... Достану... оттуда. Пусть все... отойдут...

Генерал сам попытался приподняться, но тщетно. Голова опять бессильно свесилась.

Кореец сделал знак бойцам и наклонился. Осторожно приподнял голову генерала. Что тот ему нашептал, никто не услышал. После Ким встал, прицелился и спустил курок...

К тому времени бойцы собрали все трупы и погрузили в грузовик. Бросили туда же трупы девушек. Собрали оружие и боеприпасы. Разбитую машину Кореяца взорвали...

Глава XII

– Каких девушек? Этих... по вызову? – упавшим голосом спросила Аталай. – Они же были живы?

– Уже нет...

– Но это жестоко! Они были ни в чем не повинны!

Длинный слегка пожал плечами:

– Кто спорит. Но их у нас за людей не считали. И они оказались не в том месте и не с теми.

– А как же другие, по которым вы стреляли? – это гневно спросила Гюля. – Что плохого они вам сделали? Ведь у них были матери, дети...

Длинный, не спеша глотнул из рюмки, чуть сморщив лицо. Также, не торопясь, закусил. Все терпеливо ждали.

– А у кого их нет? Тогда выбрали бы себе другую профессию.

– Ну, знаете, с такой логикой можно всех и все оправдать, – махнув рукой, как бы отгоняя от себя наваждение, заворчал Прилизанный. – Вы самый обыкновенный бандит и убийца. Вы хоть это здесь... – слегка простучал он по лбу, – осознаете? Вы добровольно согласились участвовать в самой что есть банальной бандитской войне, где собственноручно убили людей. Вам что велела эта девочка? Как бишь ее?

– Саламова, – подсказал Зопаев.

– Да, как я помню, она запретила вам связываться... э-э

с мокрухой. Тьфу! Какое гадкое слово!.. А вы что наделали? И еще смеете прилюдно признаться в содеянном. Да будь у меня хоть капля благоразумия, я должен тотчас прекратить это “криминальное чтиво”, вызвать полицию и сдать вас... Господи! Что я тут делаю? – схватился вдруг за голову он.

Наступило тяжелейшее молчание. Вдруг все услышали тиканье настенных часов, на которое до этого никто не обращал внимание. Послышался гонг, прозвучавший два раза. Осенний ветер, как продолжение хаоса в наших мыслях, нервно метнул невидимыми песчинками по оконным стеклам.

Арзуман начал разливать водку по рюмкам. Тихо открыл двери усатый официант в своем смешном белом “тюрбане”. Профессионально оценив обстановку, он мигом убрал с лица добродушную улыбку, поставил огромное блюдо со свежими порциями шашлыка на стол и удалился.

– Вам придется на нас на всех заявлять... – это я проговорил с заметной неприязнью.

– Да не собираюсь я ни на кого заявлять! – нервно начал теревить пальцами по столу Прилизанный, – это я так... Я даже переживаю за него. Черт! Какое-то наваждение...

– Я вам за это благодарен, – тихо произнес Длинный. – Но мне все равно. Порой мне кажется, что я потерял чувство страха. К сожалению.

– Но вы могли уклониться?

– Не знаю, – флегматично ответил рассказчик, – сам ино-

гда думаю об этом. Я не убивал ради убийства – мне это противно. Вы не поверите, я до сих пор даже птицу не зарезал.

Был такой случай. Однажды в старые добрые времена – мне тогда 16 стукнуло – к нам на дачу гости нагрянули. Все засуетились. Отец принялся разводить уголь и мне, чтобы сэкономить время, велел зарезать петушка. До этого он неоднократно показывал этот процесс в своем исполнении. Вы знаете, лишение жизни употребляемых в пищу животных или птиц у мусульман сопровождается определенным ритуалом. То есть голова жертвы должна быть положена в строго определенном направлении, произносится соответствующая молитва, нож обязательно должен быть острым...

– Фу!.. Прекратите, это мерзко! – зашипела с яростью Аталай.

– А когда впиваешься белоснежными зубами в нежное мясо, мерзко не кажется? – флегматично возразил Длинный. – А вот это, что вы так с аппетитом уплетаете, – кивнул он на содержимое ее тарелки, – разве не было живой плотью? Тогда почему вы презираете тех, кто делает для вас черную работу?

Она вспыхнула и резко оттолкнула тарелку, но не ответила.

– Черт, я вновь сорвался... – вдруг, словно очнувшись, пробурчал и начал тереть виски Длинный. – Я лишь хотел сказать, что отец меня обучал этому. Я же все-таки должен был стать мужчиной...

– И резать, убивать... И при этом не забывать молитву, – с сарказмом вставила Гюлечка. – Все с именем Бога. Даже убивать. Знакомый менталитет.

– А что с курицей-то стало? – спросил в нетерпении Ветеран в тельняшке, воткнув нож в жирный куриный же око-рочок.

– Петухом, дурень... – крикнул Бакинец, сладко зевнув как сибирский кот.

– Какая разница? Кто тебя спрашивал? Что ты лезешь, как немытая ложка?

– Надо же... – мерзко протянул Бакинец. – Человек дожил до такого почтенного возраста и не видит разницу между курицей и петухом. Это все-таки, наверное, тюрьма...

– Умри, гад! – взревел вдруг Тельняшка и, вытащив нож из мяса, метнул в Бакинца. Тот успел увернуться, и нож воткнулся в дверь за его спиной.

Все замерли. Бакинец побелел как скатерть.

– Ах ты...

– Прекратить! – взревел Прилизанный. – Давайте, режьте и здесь друг друга! Вы же без этого не можете! Тьфу!..

– Он первый начал... – начал оправдываться Ветеран в тельняшке.

– Идиот! – зашипела на него Гюлечка. – А ножом-то за-чем?

– Еще раз возьмешься за нож, я тебя сам порешу, – при-грозил Ганмуратбек. – Еще и уши отрежу.

– Свои побереги... – огрызнулся Ветеран в тельняшке. – Что, понравилось¹⁶?.. Не трогайте меня! Я в тюрьме правильно сидел, – прохрипел он.

– Господи, ты попал в его больное место, – прошептала Бакинцу Гюлечка, сидевшая рядом. – Больше не делай этого.

– Не буду... – так же тихо произнес Бакинец. – Ты, это... за меня испугалась?

Она вспыхнула и не ответила.

– Так что же все-таки стало с птицей? – нервно спросил Арзуман. – И, вообще, с какого бока задался нам этот петух, черт бы его побрал! Чуть человека из-за него не порешили.

– Да, обидно было бы... – проворчал Бакинец. – В Карабахе выжил, а тут из-за петуха... Уу-у, душегуб! – и пригрозил кулаком обидчику.

– Да ничего не стало, – грустно вздохнул Длинный. – Я долго примерялся ножом... Врут все-таки те, кто утверждает, что птица или скотина перед казнью ничего не понимают. Что, мол, они созданы для того, чтобы их съели. Херня все это. Это все мы – каннибалы-люди придумали. Они все понимают, просто принимают свою участь как неизбежное. Знают, что никуда не деться. Вот эту безысходность и прочитал я тогда в глазах той птицы. Я ее схватил и убежал. Смешно, да-а?.. Но в этот день я не стал “убийцей”.

– А как же гости? Как все это им объяснили?

– Разве это важно? – грустным взглядом посмотрел сквозь

¹⁶ см. Однажды в Карабахе, История первая

Аталай Длинный.

– Как же ты с таким сердцем убивал-то, сынок? – тихо и с горечью спросил Прилизанный.

– Даже не знаю... – зевнул Длинный. – Люди ведь не звери. Они страшнее, агрессивнее. Есть среди них и мутанты. Их по-другому-то и не назовешь. Помните, что сделали менты с родителями Мансурова¹⁷? Как таких не убивать? Как не убить эту мразь Мкртыча, который зарезал братьев Ганмурат бека¹⁸? Вы тоже смогли бы. Вас просто не коснулось... И потом, главное, не сделать первый шаг. После привыкаешь.

– А зачем бандитам помогли? – спросил Прилизанный. – Вы так и не ответили?

– А вы правильно заметили, – чуть подумав, ответил тот. – Я с ними одного поля ягода. Как ни крути-верти, у каждого схожая судьба. У меня, у Тощего, Корейца, Мансурова, Павла... Я вдруг почувствовал себя с ними в одной упряжке. Их правила чести мне импонировали. Не предавай, не бросай товарища в беде. Один за всех и на войне как на войне. Мне показалось, что если откажусь, то окажусь трусом, предателем и прежде всего перед собой... Не знаю, сложно все объяснить.

– Допустим, у вас разыгралась гордыня, повлияли дворовые понятия. Но эта организация, на чьей стороне вы проливали кровь, служила другой державе, с которой очень ча-

¹⁷ там же, История пятая

¹⁸ там же, История пятая.

сто пересекались интересы нашей. Вас, вообще-то, поэтому и внедрили в их среду. Причем тут чувство упряжки или схожесть понятий с какими-то криминальными типами, если перед вами была поставлена задача государственной важности? Тогда какая разница между вами и Мансуровым?

– Нет, тут наши пути расходились, – твердо заявил Длинный, – это я четко осознавал. Я был с ними до той точки, когда эти самые державные интересы не пересекались. Это раздвоение, конечно, нелегко мне далось...

Но, знаете, честно вам признаюсь, ради чего бы то ни было я все равно никогда не подставил бы нормальных пацанов, с которыми под пули лез и которые мне спину прикрывали. Эти самые “дворовые понятия”, как вы иронично высказались, нередко определяют дальнейшую судьбу человека. Кто-то становится бандитом, как Мансуров, кто ментом или обыкновенным врачом, неважно. Важно, настолько тебе удастся сохранить лицо перед собственной совестью.

Как мне со всем этим удалось справиться и сочетать человеческие понятия с долгом перед отечеством, судить вам, когда дослушаете эту историю.

– Что вы сделали с трупами? – вернул нас к рассказу Арзуман.

– Взорвали с грузовиком. Мне так сказали. В общем, их не нашли.

– И генерала? – по-ребячески хлопнула ресницами Аталай.

– А чем он лучше? После смерти хоть генерал, хоть бомж, человек превращается в труп... Да, вспомнил. Ким его отрезанную голову кое-кому отправил. Мне после Мансур сказал.

– Кому?

– ...

– Господи!.. – прижалась вновь к Ганмурату Аталай.

– А свои трупы? Их тоже...

– Да что вы!.. – как бы удивленно посмотрел на Гюлечку Длинный. – Похоронили с почестями, как полагается. Их семьи получили приличную компенсацию. Неофициально, конечно. Это у нас... у них железно принято. Предателей во что бы то ни стало достать и наказать. А о семьях погибших заботиться. Если люди в этом не будут уверены, то под пулю никто не полезет. Когда их дети вырастут, о них тоже позаботятся. Да они уже выросли...

– Надо же! Столько полезного материала коту под хвост, а остаются одни дебилы, импотенты и алкоголики, – брезгливо осмотрел аудиторию Оператор.

Все с негодованием уставились на него.

– Ты сам залезешь под стол или помочь? – вкрадчиво спросил Бакинец.

– Пожалуй, лучше помочь. А то что-то гнилью завоняло...

– Ветеран в тельняшке медленно начал подниматься. – Верните нож.

– Верните, давно пора... – зло бросила Гюлечка.

– Мэтр, бандиты собираются меня обидеть! – трясаясь от страха, попытался прильнуть к Режиссеру Оператор. Тот грубо его оттолкнул.

– Мне что, составить тебе компанию? Бес дернул за твой поганый язык.

– И как я буду снимать вас в таком ракурсе, идиоты? – провизжал свой последний довод Оператор.

– Твой раскрашенный ракурс только портит аппетит, – пробурчал Бакинец, сосредоточенно выбирая себе мясо посочнее, – зашторься.

– Мальчики, я больше не буду... – всплакнул Оператор.

– Цыц! – вдруг страшно зацокал на него Ветеран в тельняшке, раскрыв пальцы веером. Тот мигом юркнул под стол, тихо заливаясь слезами.

– То-та... – довольно крякнул Тельняшка.

– Трофим выжил? – это спросила Аталай.

– Выжил, хоть и осталась небольшая хромота.

– А этот вражеский боец... Ну, того, которого живьем взяли? Убили небось... – Аталай, видимо, подсознательно подготовилась к положительному ответу и сморщилась.

– Не знаю, не интересовался... – задумался Длинный. – Не должны были. Если Кореец сразу не кокнул, значит у того были шансы. Он выполнил свою работу до конца. Такие и нам нужны были.

– Кто был заказчик? – спросил Прилизанный.

– Я же сказал, все по порядку. Заказчиков они, конечно,

вычислили. Были взорваны дома, объекты, в воздух взлетело несколько автомашин, застрелено порядочное число оппонентов, про отрезанную голову генерала я сообщил. Но и не это главное...

– Ничего себе, – встрепенулась Гюлечка, – полгорода взорвали и перестреляли, а это так, пустяки. А что главное-то?

– Не хотел опять про политику, я ее теперь вовсе не перевариваю, но, видимо, придется. Чтобы осмыслили происходящее, я хоть коротко, но обрисую тогдашнюю ситуацию в России.

Было два полюса. Один, условно назовем его прозападный – это те, которые видели страну частью нового мирового порядка со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эта была прежде всего сильная олигархия, которая, как гриб-мутант выросла на разграбленных ресурсах советской империи, ее ставленники в Думе, в государственных, в том числе в экономических и силовых структурах. Целый ряд военачальников, звания и должности приобретенные не в ратных подвигах, не на безупречной службе, а по протекции. Они на все были готовы ради личного обогащения. Согласны были даже на расчленение страны и превращения ее в третьесортный сырьевой придаток того же Запада. И за всей этой оравой чувствовались умелые руки кукловодов...

– Ну все, это глубокий колодец, – прервал Прилизанный. – Расскажите, по существу.

– Я так и сделаю, если вы позволите, – с раздражени-

ем ответил Длинный. – Постепенно против этих господ в обществе сформировалась своеобразная оппозиция, которая, впрочем, всегда и была, но после расстрела парламента ельцинистами получила такое сотрясение, что решила действовать скрытно, постепенно наращивая силы в различных тайных и явных патриотических и националистических обществах. “Возрождение”, “SOS” – “Союз Офицеров СССР”, “Русь православная”... Их потом много развелось и, к сожалению, некоторые вооружились идеологией явно неонацистского характера, не осмысливая, что этим расшатывают духовное единство народов страны и играют на руку истинным виновникам в развале российской государственности. Вы в курсе, наверно, подобные объединения с середины нулевых инициировали так называемый “Русский марш”.

Но это была так, мелкота, в основном идеалисты, нацики и стихийно организованные сообщества. Но были среди них и целые подразделения, я имею в виду специальные и силовые, которые более или менее сохранили свой советский потенциал, и им не было надобности перезародиться во что-то новое. Они терпеливо и профессионально начали организовываться в едином идеологическом пространстве, внедрять свои кадры в государственные, особенно в силовые структуры, в том числе в парламент и в окружение главы государства. Конечной целью державников являлось возрождение Российско-советской империи в прежних границах и в прежнем статусе.

Организация, которую представлял Кореец и Ко, и в чьи ряды я по воле судьбы влился, представляла второе, антизападное крыло силовиков и власть имущих, создана была и тайно функционировала под патронажем высшего военного руководства ГРУ ГШ, им и поддерживалась. А Савелий Казанцев – депутат Госдумы и председатель какого-то тамошнего комитета то ли по строительству, то ли по сельскому хозяйству – это, конечно, было ширмой – являлся неформальным лидером этих державников, и об этом были проинформированы многие.

– Мы все-таки настаиваем, чтобы вы, наконец, сообщили, кто организовал похищение этого вашего неформального лидера, – Прилизанный решительно заявил. – Хватит играть в кошки-мышки, мы не дети.

– Хорошо, я кое-что скажу, вы все время напираете, – недовольно заворчал Длинный. – Похищение Казанцева было организовано из Президентской Администрации, которую тогда контролировали службы того же Запада. Я уточню. На вершине этой пирамиды стояло очень близкое, кровное окружение президента Ельцина, ну, вы поняли, кого я имею в виду. Сам президент давно являлся в их руках марионеткой.

– А почему его сразу не ликвидировали – этого самого Казанцева, если он так мешал? – Прилизанный.

– Убрали бы его, появился бы другой. Они хотели накрыть всех. Всех тех, кто представлял реальную угрозу. И

они небеспочвенно считали, что Казанцев – это видимая часть айсберга и, возможно, не самая его вершина. Ведь откуда-то все финансировалось? Ходили слухи о золоте разгромленной компартии, которое перевелось на тайные счета и до которого вроде добрались условно мною названные державники. И, наверняка, кое-кто из олигархов, рассчитывая на будущие дивиденды, финансировала программу возрождения империи. Разве не замечаете, в нынешней России, где многих толстосумов уже накрыли, существуют и те, кто спокойно продолжает богатеть и не только в пределах страны. Другой вопрос, что все они делятся, но это другая тема.

– Вы намекаете, что эти самые державники достигли своих целей? – это Аталай спросила с широко раскрывшимися глазами.

– Ну, кое-чего добились наверно, – улыбнулся Длинный. – Впрочем, вам простительно, вы не знали прежнюю Россию. Вы тогда, наверное, на горшок ходили.

– Да, если силы сравнительно равны, то побеждают те, у кого есть идея, вера или хотя бы их намного больше...

Высказавшись, Прилизанный тяжело встал и потянулся. После, неторопливо приглаживая вновь отклеенные волосы, сделал пару шажков, но наткнулся на Оператора, осторожно выползающего из-под стола.

– Голубчик, – вдруг наклонился к “пострадавшему” он, – а у вас есть, так сказать, идея или какая-то цель в жизни?

Уже успевший взобраться на стул, Оператор затравленно

оглянулся, после нехотя процедил.

– В данный момент у меня одна цель – избавиться от общества некоторых диких индивидуумов.

– Давай-давай, – ухмыльнулся Бакинец, – уползай быстрее. Подруги за Интуристом заждались.

– Вот и уйду! – вдруг завопил тот. – Потому что в приличном обществе, хотя бы на том же Западе, который вы почему-то все время обсираете, людей искусства под стол не загоняют и, вообще, отдельно не сажают. И никто... – он с укором посмотрел на Режиссера, – никто за меня не заступился перед хулиганами.

– Это я хулиган? – возмутился Ветеран в тельняшке. – Ты, профура, знаешь, какая у меня статья? Да я фараона чуть не замочил!..

– Да-да, мы уже наслышаны, менты плохие ребята и т.д... – устало перебил его Прилизанный. – Любезный, – обратился он к Арзуману, – будьте добры, налейте-ка этому пролетарию водочку.

– Сам ты... пролетарий... – тихо огрызнулся тот, но от водки не отказался.

– А вас, голубчик, никто и не задерживает, – обратился чиновник к Оператору. – Здесь действительно общество далеко не светское в вашем понимании. Ну и слава Богу... Отснятый материал передайте Зопаеву, – посмотрел он на Режиссера, который в отсутствие Оператора сам манипулировал съемками.

– Но позвольте... – начал было тот, но бесцеремонно был перебит.

– Ваше руководство будет информировано.

Режиссер растерянно присел. Оператор со злостью начал собираться.

– Будь моя воля, я все это передал бы в прокуратуру, – сквозь зубы процедил он.

– Вообще-то, рассказ еще не закончен, – вклинился Арзуман. – Вы отказываетесь от съемок?

– Совершенно верно, – вздохнул Прилизанный, тоже садясь. – Вы полагаете, этот материал можно использовать по назначению? Пьяные разборки ваших товарищей, криминальное прошлое этого субъекта, – кивнул он на Ветерана в тельняшке, – и, вообще, сплошной криминал в рассказах... Да вы что, товарищи, даже я не смогу это пробить.

– Так что нам, расходиться? – недоуменно переспросил Арзуман. – И зачем все это затеяли тогда?

– Не я затеял, а оттуда... – указал Прилизанный вилкой в потолок. – Надобно поднять дух, память народа. А то вы, ветераны, – он изменил направление вилки в сторону аудитории, – скоро передохнете со своей мечтой о Карабахе, а новое поколение или перегружено “айфонами”, или днем и ночью думают о хлебе насущном. Им не до Карабаха...

Бросив вилку, он руками схватил с блюда кусок мяса, со злобой откусил и неприлично начал чавкать.

– Новое поколение как раз-таки выросло патриотичнее, –

мрачно возразил Арзуман. – Вы плохо осведомлены, хотя правы отчасти – простому люду не до айфонов. Но, поверьте, в случае необходимости именно эти ребята, думающие о хлебе насущном, возьмут оружие в руки и отправятся на фронт. И им наплевать будет, что те с айфонами – я так условно называю детей вашего класса – в это время будут следить за событиями из-за бугра, из престижных учебных заведений...

– Вы все время пытаетесь заострить классовые противоречия – это демагогия, – с досадой перебил Прилизанный. – Поймите, наконец, Маркса давно не читают! Социальное равенство – это утопия, несовместимое с человеческой сутью! Когда придумывали этот бред, не учли Библию! То, что Каин убил Авеля. Из зависти, понимаете? Следовательно, пока бедны и неудачливы, вы подсознательно Каин и от этого никуда не деться! – выпалил со злобой он и чуть ли не швырнул дочиста обгрызанную кость в тарелку.

– Но вы такой большой начальник! Геля рассказала... – с извиняющимся видом посмотрела на тотчас нахмурившуюся секретаршу Аталай. – Почему вы сами решили участвовать в передаче, а не какой-нибудь... – она запнулась.

– Чиновничек, вы хотели сказать... – сухо усмехнулся Прилизанный, испепеляя взглядом заметавшуюся в замешательстве Гюлечку. – Причина проста. Я решил защитить диссертацию на эту тему и решил ее написать... собственноручно. И не надо так мерзко ухмыляться, – обратился он к Бакинцу, – поверьте, и такое случается в нашей среде. Потому

и решил лично ознакомиться с первичным материалом.

– И, наверняка, сожалеете об этом, – предположил я.

– Почему же, голубчик... – чуть подумав, ответил Прилизанный, – мы просто пойдем другим путем, как сказал когда-то один по-своему великий...

А сейчас давайте подкрепим наши ослабевшие нервы его величеством алкоголем и все-таки дослушаем рассказ нашего последнего героя. Я как понял, он из категории последних могикан... Ваше здоровье! – неожиданно поднял он рюмку в сторону Длинного.

Тот кивнул и, кажется, смутился. Выпив, неторопливо и также монотонно продолжил...

Глава XIII

– Я, пожалуй, расскажу основные сюжеты. Так как невозможно охватить за столь короткое время несколько лет, где чуть ли не каждый день представлял интерес для поставленной передо мной задачи.

Вскоре после указанных событий я получил неприятную весть. Взорвали Игорька, моего бывшего босса и лидера одной из мощных бандитских бригад Москвы того времени. Да, именно взорвали – выстрелили в него из “Мухи”, когда тот садился в машину. Погиб на месте и боец-телохранитель, сопровождавший Игорька на обед в один из его любимых ресторанов. Он как раз открыл дверцу машины для босса, когда тот собирался сесть.

Как мне передали, стреляли из окна парадной старой, замшелой сталинки, находящейся, напротив. Стрелок выскочил во двор, юркнул в ожидавшую его машину с замазанными номерами и скрылся.

Шофер – доверенный человек Игорька, хоть и получил серьезные ожоги, но вроде его живым доставили в медучреждение. Он по случайности чуть отошел от машины в момент покушения, но взрывная волна накрыла и его.

А через час скончался, как сообщили, от внезапного приступа удушья, хотя до этого нормально дышал, даже орал и грозился найти убийц Игорька и жестоко наказать.

За несколько часов расстреляли в разных точках города некоторых особо близких сподвижников Игорька. Остальные были напуганы и затаились.

То, что это было запланированное мероприятие, ни у кого не вызывало сомнений. Но кто стоял за ликвидацией Игорька и его команды, это следовало еще выяснить. Врагов у него в связи со взрывным, неуправляемым характером более чем хватало. И до этого было несколько покушений. Об одном из них я рассказывал.

Мне не было дел до бандитских разборок, хотя чисто человечески было жаль Игорька. Он к нам нормально относился, изначально поддержал и создал условия для плодотворной работы. Да, у него руки были по локоть в крови, но это было диктатом того жестокого времени и окружения.

Меня волновало другое: как сложится судьба Наили и ее братьев после случившегося. Братья имели с Игорьком не особо дружеские, но все же близкие отношения, а окружение покойного почему-то начали отстреливать. В то время не было мобильных, а на мои звонки на домашний номер Наили не отвечала. Надо было срочно связаться. Но меня опередил Толик, младший из братьев, тот, который боксом занимался. Я из окна второго этажа среагировал на лай собак и увидел припаркованный за забором подержанный, но аккуратный “мерседес” Толика Романова.

Да, кстати, забыл сказать. Мы с Джулией вскоре после свадьбы приобрели в поселке Пирогово двухэтажный дом с

небольшим двориком и счастливо проживали здесь, периодически принимая у себя многочисленную родню Манучаровых. Джулия уже была на седьмом месяце, и они старались ее не оставлять.

Я, быстро накинув на себя спортивку, вышел навстречу. Братья редко заезжали и, несмотря на приглашения, отказывались зайти в дом.

Толик был заметно взволнованный. Кивнув мне поверх солнечных очков, которые он носил и летом, и зимой, и, внимательно оглядев пространство, сразу перешел к теме.

– Все плохо.

– Где Наиля и Павел?

– Мы сейчас под Владимиром, у Сеньки Косого. Помнишь, на рыбалку ходили?

– Кто это сделал?

– Однозначно, Федька замешан. Его вроде самый...

– Почему вроде?

Он слегка замялся. После паузы ответил.

– Сам посуды, ребят... ну, которые с Игорьком в завязке были, отстреливают. А этот цел. И рулит.

– Почем знаешь, что рулит?

– Сидит у него в кабинете и командует. Теперь везде его люди. Типа ищет убийц. Но пока никого не нашел... Он мне никогда не нравился.

– ...

– Когда взорвали Игорька, ведь Федьки рядом не было.

Якобы захворал... Разве неясно?

– Мож, действительно...

– Пацаны поговаривают, что Федька просучился, под ФСБ лег...

– ...

Толик достал сигарету и, не торопясь, прикурил:

– Ты понимаешь, – наконец продолжил он, сделав затяжку, – хоть и глупо звучит, но я, да и Пашка подкалывали Федьку после того случая, когда ты ему врезал. Он хоть и отшучивался, но я-то знаю, он злопамятный.

– Да брось. Это беспредел. Он не посмеет.

– Ты что ли ему помешаешь? – Толик огрызнулся. – Он еще до тебя доберется...

Я не сразу ответил. Федьку я плохо знал. Мне казалось, что он вроде нормально держался со мной после. Хотя...

Я вспомнил, как однажды уловил его взгляд. Очень нехороший взгляд...

– Меня не посмеет. Я с Корейцем.

– Ну-ну... – сделав последнюю затяжку, Толик выбросил окурок. – Ну я пошел...

Когда он собирался сесть в машину, я очнулся от раздумий.

– Как Наилька?

Толик снял очки и резко хлопнул дверцей.

– Надо же! Ты и про нее вспомнил...

Я, действительно, почти месяц ее не видел. Во-первых,

сложилась новая ситуация, и я опасался, что активность в общении с Саламовой привлечет внимание, и, как оказалось, не зря. Об этом после. Мы всего пару раз по телефону общались... Во-вторых, я просто наслаждался тихим счастьем с Джулией. Это были, действительно, лучшие дни моей жизни.

Толик продолжал нервничать, то надевая, то снимая очки.

– Давай уже выкладывай, что есть... – я внимательно приоткрыл глаза в его бегающие глаза. После некоторого колебания он, наконец, вылился:

– Не думай, что мы за себя. Мы как-нибудь... – он махнул рукой. – Не хотел я трогать эту тему, видно, придется. Этот сука Федька неровно дышит к сеструхе... – он нервно прикурил новую сигарету.

Почему-то мне стало неприятно. Нехотя ответил:

– Ну и что? Должен же кто-то неровно к ней дышать. Она не ребенок, сама разберется.

– Разобралась. Послала куда следует. Этот сукин сын женат. Наплодил кучу будущих подонков и держит кучу любовниц.

– Ну и лады, он мужик. Зачем тебе его кучи?

– А за тем, что он при каждом удобном случае тискал сеструху, прохода не давал. Особенно, когда ты отошел к Корейцу.

– А вы?

– В том-то и дело. Мы его аккуратно приструнили. Павлик вообще озверел и хотел дуло ствола в его задницу вставить.

Ты же знаешь, Паша, хоть и добрый, но лучше не злить.

– Ясно...

Мозг мой лихорадочно работал. Им реально грозила опасность. Чтобы заполучить Наилю, этот тип действительно мог устранить братьев. В сознании повторились слова Романова. “Он еще до тебя доберется...”

– Ты, вот что, Толик, – я обернулся к переступающему с ноги на ногу не то от холода, не то от ситуации младшему Романову, – пару дней не высывайтесь. Пока не разрулю ситуацию.

– А ты сможешь? – Толик с надеждой спросил и тут же добавил:

– Тогда и Митяя не забудь.

– Кощея, что ли?

– Ну да, подельник твой с “Ласточки”.

– Он же бессмертный... – я невольно улыбнулся. Митяя несколько раз ловил пулю, но каждый раз выкарабкивался. Так и получил свое лестное погоняло. – А с ним что не так?

– Так они с Игорьком, вообще, не разлей вода были. Даже на блядки вместе ходили. А Федька сторожил. Со свечой в зубах.

– Понятно. Ладно, разбежались...

Когда машина выехала, я зашел во двор и столкнулся с Джулией.

– Ты что, родная, зачем вышла? – я приласкал ее черные и

густые волосы. Она очень была похожа на актрису Равшану Куркову, но по мне, красивее.

– Опять те двое... – в ее глазах я увидел тревогу.

– Ты их не знаешь. Что тебя беспокоит?

– Знаю, – она тихо вздохнула, – они с этой девушкой, похожей на казашку, у нас на свадьбе были.

– Ну да, они мои друзья.

– А почему ты их в дом не приглашаешь, не знакомишь?

Я же должна знать твоих друзей? – я почувствовал ее пылкий взгляд на себе.

– Знаешь, дорогая, – я мягко возразил, – не обязательно всех друзей приглашать в дом и знакомить с тобой.

– Я имею в виду самых близких... – она с укором ответила.

– Джуль, они сами не заходят.

– Вот именно... – она вновь вздохнула, – я-то вижу. Они каждый раз отказываются, я из окна наблюдаю. Мне кажется... я им не нравлюсь.

– Глупенькая, как ты можешь так думать? – я осторожно обнял ее за плечи и поцеловал. – Как ты можешь вообще кому-то не нравиться? Просто они стесняются. А я не настаиваю. И, вообще, они связаны с моей работой.

– А та девушка? Похожая на казашку? Она... тоже связана с твоей работой? – голос ее опять дрогнул.

Я ладонями взял ее лицо и посмотрел в глаза.

– Джуль, ты мне не доверяешь?

Она слегка отстранилась. Но глаза не отвела.

– Ты не ответил...

– Да, милая, и она связана с моей... этой чертовой работой...

Я попытался скрыть досаду в голосе:

– Ты же знаешь, они из Бригады.

– Странно. Непохожа на наших девушек.

– Не понимаю.

– Ведь она бакинка... – робко отводя взгляд, она добавила, – азербайджанка. Что она делает среди бандитов?

Это было что-то новое. Джуля всегда была сдержанна. Ни разу до этого не позволяла себе проявить ревность.

– Джуль, для меня на всем белом свете, нет кроме тебя другой женщины. Мало ли у кого какая судьба. Просто я не все могу объяснить. А врать не хочу.

– Ты не думай... – она растерянно начала мять ручки, – я тебе, как себе верю. Но дело даже не в тебе.

– В чем же, милая моя? – я опять нежно привлек ее к себе.

– Понимаешь... Она всю свадьбу сидела и гладела то на меня, то на тебя. Ни к еде, ни к питью не притронулась. Не смеялась и почти не разговаривала. Просто сидела и смотрела. И так до конца свадьбы.

– Тебе показалось, дорогая. Просто у нее холодный характер. Жизнь тяжело сложилась...

– Это не мне показалось. Я вообще не поднимала глаза. Это заметили другие. Можешь спросить у бабушки...

Я поцеловал ее волосы. Руки невольно прикоснулись к ее округлившемуся животику. Туда, где теплилась зарождающаяся, формирующаяся наша частица.

Но в душу начала проникать необъяснимая тревога и печаль. Пальцы на животе почувствовали едва уловимое движение уже живой плоти. И мне вдруг показалось, что слышу шажки крадущейся в наше счастливое пространство, беды. Я похолодел.

– Все будет нормально, дорогая, – дрогнувшим голосом промолвил, – не думай о плохом. Мысли порой материализуются... И пошли домой. А то и себя, и, не дай Бог, нашу кровинку простудишь...

Чуть позже, закрыв ворота и калитку, я снял с цепи и пустил собак во двор. Чего до сих пор никогда не делал...

Глава XIV

С утра я встретился с Мансуровым чуть ли не спозаранку. Он был еще сонный, когда выполз из подъезда своей женщины, по привычке пропустив перед собой овчарку. Тарзан – так звали двухлетнего красавца немца, одно из достоинств которого было безошибочное распознавание “своих-чужих” при первой же встрече. Он стрелой помчался ко мне, вытянулся на задних лапах, бесцеремонно пачкая меня передними, и облизал руку.

– Не надо фамильярничать, – я сморщился, но все же обнял его за шею и слегка оттолкнул. Собака не была приставучая, умная, даже не лаяла без причины, а потому быстро вернулась к подъезду, откуда своей пружинистой походкой уже приближался Мансуров.

– Тебя что, жена выгнала? – недовольно воскликнул он еще издали. – И ради чего ты меня в такую рань вытащил? Кстати, Лариса назвала тебя мудаком. Клянусь, не я спровоцировал.

– Мм-да... Едем на моей.

– Надеюсь, ты меня не высадишь где-нибудь у метро, как в прошлый раз, – поправив приподнятый воротник пальто, он всунулся в машину, впусив и пса на заднее сиденье. – Учти, Тарзан – чувак с юмором. Не обижайся, если наложит на твой кожаный салон напоминание о себе.

– Скажи, я шуток не понимаю. Могу пристрелить.

– Пожалуйста. Тарзан, голос!

Добродушная улыбка моментально исчезла с морды овчарки, и она нервным голосом облаяла меня, обрызгав слюной шею и затылок. Я заорал:

– Скажи, чтоб заткнулся! Пусть накладывает... – я включил двигатель, и машина тронулась. – Лучше в салон, чем на меня.

– Тарзан, умри! – довольно залыбился Мансуров, смотря, как пес обрадованно завалился на спину, дрыгая лапами. – Фу, опять... – он открыл окно и проворчал. – Мертвые не пукают, придурок.

– Надо поговорить... – вдохнув “аромат”, я тоже покосился в зеркало на наглого пса.

– Я голоден. Заворачивай куда-нибудь. Меня в отличие от тебя сытными восточными блюдами не кормят...

Я плавно завернул на боковую улицу, где чуть ранее заметил небольшую кафешку. “У Оксаны” – называлось это действительно уютное заведение, на вывеске которой мультипликационно была изображена веселая блондинка в стильных 60-х в белоснежном колпачке и фартуке, едва прикрывающем ее недурно нарисованные ножки. Видимо, кафешка только открылась, так как из внутреннего помещения к нам чуть ли не вылетела такая же блондинка, но без фартука и таких роскошных ног.

– Это вы Оксана? – Мансуров просканировал ее упитан-

ную фигуру оценивающим взглядом.

– Нет, я Маша, – ответила чуть растерявшаяся деваха, – а вам что надобно?

– А что нам может надобно в такую рань и в таком захо- лустном заведении, – пробурчал Мансуров, недовольно ко- сясь на меня, – конечно, завтрак. И непременно с горячими молочными сосисками, черт возьми... Ты уважаешь горячие молочные сосиски? – спросил он у меня, снимая пальто и не дожидаясь ответа, прояснил. – Я ночью утомился. Надо подкрепиться...

Мы сели за небольшим столиком. Маша быстренько на- крыла, периодически бросая на нас подозрительные и любо- пытные взгляды.

– Чтоб сосиски были свежие. А то не заплачу.

– У нас все свежее, – огрызнулась Маша. – Пиво будете?

– Будем. Но только по кружке. От пива женские гормо- ны развиваются. Вот такие... – Мансуров слегка шлепнул по попке официантку.

– Антон! – недовольно фыркнув, позвала Маша. В проем двери еле втиснулся здоровый и упитанный бугай, белое оде- яние которого напоминало больше смирительную рубашку, чем кухонную униформу и, как бык на арене, уставился на нас.

– Так бы назвались – “У Антона”, – пробурчал Мансуров, но руки после не стал распускать. – А то Оксана... Сбиваете с толку...

– Ну, рассказывай, – обратился он ко мне, уплетая за обе щеки ароматные сосиски, – начинаю соображать.

Я приступил без предисловия:

– Мне нужны мои ребята.

– А кто их отбирает? – слегка удивился Мансуров. – Общайся, сколько влезет. Тебе же не запретили.

Я коротко обрисовал ситуацию.

– Ты хочешь перетащить их к нам? – спросил он, доедая последнюю сосиску. – И девку?

– Да, так будет безопаснее.

– Они, вроде, неплохие ребята, но это не наше дело, сами разберутся. А девку можно... – он глотнул пиво и жадно прицелился к моим сосискам.

Я оттолкнул от себя тарелку.

– Ешь, я не буду. Там свинина.

– Да хоть слон, – удивился Мансуров, – они вкусные. Ты что, правоверный мусульманин? Не разочаровывай меня.

– Я такой же мусульманин, как ты, неправоверный. Водку пью, но свинину не ем. У нас в семье не принято было.

– А мне по фигу... – он вынул сигарету и прикурил. – Я вообще ни в черта, ни в Бога не верю. Если они и есть, то здорово насолили мне. Не знаю только, кто больше... Я верю только в Кима, а он в меня.

– Попроси за ребят. Он тебе не откажет...

Мансуров не сразу ответил. О чем-то думая, начал допивать пиво. По ходу разобрался еще с одной сосиской.

– Не могу. Кореец не любит, когда лезут в его дело. Хотя за девку можно попросить, если это тебя так... волнует.

– Меня они все волнуют.

Мансуров жестом подозвал официантку.

– Я не могу перетащить весь Баку. И еще: нас, черных, братья наши славяне не очень жалуют.

– А что за них паришься? – получился прекрасный повод “ощупать” его нутро.

– За них!.. – Мансуров презрительно фыркнул. – Кто сказал?.. Мне платят. Бесплатно парюсь я только за себя и за Кима. И мне глубоко начхать на них, на тех, на других... Но за Корейца я любого загрызу. И все это знают...

Вынув из портмоне рубли, он рассчитался с Машей, которая, получив щедрые чаевые, расплылась в улыбке.

– Приходите еще. Рады будем.

– Еще бы... – Мансуров бесцеремонно икнул. – Только Антона больше не зови, аппетит сбивает. Кузнец нам не нужен. Зачем нам кузнец¹⁹?

Мы вышли из кафе. Тарзана оставили в машине. Теперь, увидев нас, он попытался высунуть морду из чуть открытого окна машины и нетерпеливо заскулил. Мансуров вынул из кармана оставшиеся сосиски – он их аккуратно завернул в салфетку – и бросил псу в кабину. Казалось, он вовсе забыл

¹⁹ ...Кузнец нам не нужен. Зачем нам кузнец? – Крылатые фразы из к/ф М. Захарова “Формула любви”, по мотивам повести А. Толстого “Граф Калиостро”, 1984.

О вопросе.

Я решил идти на таран.

– У тебя должок. Не думаешь вернуть?

Мансуров повернулся и впился в меня взглядом.

– Вот ты как заговорил...

Я не ответил. Диспут был неуместен.

– А не жалко его разменивать? Еще пригодится.

– Не жалко. Я не сливаю друзей.

После короткой паузы Мансуров рассмеялся коротким смешком.

– Bravo! Теперь я, наверно, должен восхищаться тобой.

–...

– Ладно, поехали. С Корейцем потолкуешь сам, может получится... Только Тарзана высадим. Ты любишь Тарзана?

– Нет! Это не пес, а козел, – ответил я уже в машине, – весь салон испоганил.

– Тарзан, голос!

Бешеный лай пса, мой отчаянный крик вкупе с гадким хохотом Мансура вновь заполнили салон дикой какофонией.

– Люблю, люблю, очень люблю! Чтоб он сдох!..

После часа молчаливой езды я осторожно начал развивать тему.

– Ребята тебе будут благодарны. Ты на них... на нас можешь рассчитывать.

Мансуров опять рассмеялся. Я уже не вытерпел.

– Что ты без конца ржешь? Что я смешного сказал?

– Я просто вспомнил твой ответ, когда аналогичное сказал тебе Ким, – приглушая смех, ответил Мансуров. – Ты тогда гордо встал в позу, что надеешься только на себя. Что ж, Москва воспитывает...

“Черт... Он просто невыносим...”

Машина резко завернула в указанном Мансуром направлении.

– Я, в отличие от тебя, не гордый, – после небольшой паузы неожиданно продолжил Мансуров. – Я действительно надеюсь, что будете рядом, когда понадобится. А главное, не воткнете мне нож в спину...

Я почувствовал, как пальцы впиваются до побеления в рулевую колонку. Кажется, внутри моей шкуры сидели несколько тысяч докторов Джекиллов и мистеров Хайдов...

Глава XV

Машина заехала в широкую сосновую аллею, в конце которой вырисовывался, видимо, пятиэтажный дом из красного кирпича, обнесенный высоким, таким же каменно-кирпичным забором. К нему был пристроен небольшой КПП, а рядом была оборудована аккуратная стоянка, на которой были припаркованы несколько десятков военного плана машин, в основном “Уралы” и “Газики”. Все это мы наблюдали уже у шлагбаума, перед которым расхаживали несколько крепких ребят в куртках-афганках без знаков отличия и вооруженные раскладными автоматами. В этой точке сосновый бор заканчивался, вернее, был вырублен. Открытое пространство по всему периметру забора просматривалось как на ладони. Там и здесь виднелись неровные пни, выползающие из земли как большие, сказочные грибы.

Военнослужащие были аккуратно укомплектованы, на боку десантные лопатки. Автоматы хоть небрежно, но были нацелены на нас.

Мансуров вышел и подошел к одному из них, видимо, к главному. Тот вполне дружелюбно поздоровался. После отошел в сторону, вынул рацию и начал, видимо, передавать информацию. Мансуров вернулся и сел в машину.

– Это военная часть? – я спросил.

– ...

– Понятно.

– Надо немного подождать. Убери авто с дороги.

Я молча подал машину к обочине...

Кореец меня тепло встретил в простой, но уютно обставленной комнате, в которой более всего смотрелся старинный письменный стол и такого же плана широкий, темного цвета диван. Он еще раз поблагодарил меня за участие в излагаемой ранее операции, спросил об обустройстве в новом доме, о семье, интересовался, хватает ли мне на жизнь и прочее. Он явно лукавил, так как я уже получил от Мансурова пакетик, где лежали зелененькие купюры. И, как понял, определенную сумму мне собирались платить каждый месяц...

– А чем вы, собственно, занимались, голубчик, позвольте спросить, в этой Организации, – опять не сдержался и перебил Прилизанный. Все зароптали.

– А всем тем, что велели. – Длинный глотнул из рюмки.

– То есть, как я понимаю, вас могли бы использовать и в качестве киллера, поскольку вы рекомендовали себя как снайпер?

Длинный нехотя кивнул. Наступило неловкое молчание.

– Постарайтесь понять. В Москве того времени на улицах, в лесных массивах происходили такие же войны, как и в горячих точках, конечно, с меньшим объемом и частотой. Периодически сталкивались чьи-то интересы, которые легче и

проще было решить с помощью оружия. Столица и промышленные города РФ со своей бандитской жизнью напоминали США в тридцатые годы. Следовательно, если я частица Организации, то во имя ее интересов должен был участвовать в этих войнушках – стрелять, убивать и всегда быть готовым к летальному исходу и для себя. Я понимаю, вы привыкли смотреть на жизнь через призму триллеров и сквозь розовые очки, тогда идите и дальше читайте романы, где герой порой такой везучий, что умудряется спасти мир, не нарушая правил дорожного движения.

– Расскажите что-нибудь из своих “рабочих” будней, – у Аталай загорелись глаза.

– Мы отвлекаемся, – неуверенно напомнил рассказчик.

– Ну хоть немного... – умоляюще взглянула на аудиторию деваха. – Ну, пожалуйста!

– Только коротко. – Ожидаемо буркнул Прилизанный. Длинный пожал плечами...

– В этот день я должен был ликвидировать одного субъекта. Но промахнулся...

– Вы? – переспросил Прилизанный, внимательно глядя поверх очков. – Что-то не так. Промахнись в действительности, вы рассказали бы другую историю.

– Преднамеренно... – спокойно объяснил тот. – Я промахнулся преднамеренно.

Он потушил недокуренную сигарету в пепельнице и продолжил...

— Этот человек, как мне объяснили, работал в одном важном департаменте. По заказу конкурентов упорно преследовал одного очень ценного нашего клиента в судебном порядке и, видимо, был близок к его посадке в места не столь отдаленные. Когда на него не повлияли разные меры воздействия, в том числе предложенные солидные отступные, решили не церемониться и поступить с ним по принципу: нет человека, нет проблемы.

В этот день этот предполагаемый жмурик рыбачил на берегу реки Яузы с очень похожими на него по типу и возрасту двумя другими субъектами и, видно было, от души наслаждался жизнью. Все они были в теплых ветровках, с рюкзаками, и даже лысины у них под лучами слабого солнца светились одинаково.

Когда я с противоположной стороны реки с оптического прицела взял нужную лысину на мушку, он вдруг расхохотался, и я невольно снял палец с курка. Не то что я его пожалел, нет... Если человек богатый, но упрямый глупец, еще и пытается уничтожить оппонента с позиции грязного бизнеса, он не стоит жалости. Просто вдруг показалось странным, что вот этот лысый плюшевый мишка, который так жизнерадостно и беззаботно смеется, одним моим прикосновением на курок может превратиться в ничто и уже больше никогда

и ни для кого не засмеется. Через секунду я выстрелил, но не в левую половину тела, а правее. Пуля из глушителя винтовки продырявила ему плечо и откинула на спину. Смешно было наблюдать, как друзья его сначала ошарашенно уставились на вдруг растянувшегося на земле и страшно орущего товарища, а через секунду со всех ног кинулись диаметрально налево и направо от места события...

– И он...

– Всего лишь был серьезно ранен, – ответил рассказчик на предполагаемый вопрос Гюлечки. – Кстати, после выздоровления образумился и отстал от нашего клиента. Более того, извинился.

Такова уж природа большинства людей. К тому, чему можно дойти простой логикой, они допетривают... ну, сами знаете, чем.

– А вам...

– А мне, видимо, решили более не поручать такого рода задания без особой надобности, так как все поняли. Мне Мансуров после намекнул. И, кстати, не заплатили. Ну и хорошо. И так без дела не сидел и свое бабло отрабатывал на совесть.

– А чем вы еще занимались? – все допытывался Прилизанный.

– Ну, контролировал с Мансуровым и его людьми определенные коммерческие точки, я же говорил. Иногда Рома-

новы и Митяй присоединялись, если возникала необходимость. Устраняли разного плана проблемы и т.д. Мансуров очень часто куда-то исчезал, и тогда все чаще заменял его я.

Что важно для нашего рассказа, мы контролировали, в том числе и бизнес клана Манучаровых и прочих московских армян.

– То есть ваша Организация занималась банальным рэкетом.

– Крышеванием, если выразиться более грамотно. Я бы сказал, люди сами к нам тянулись. Мы действовали аккуратно и были надежнее, чем классические, разношерстные ОПГ, держащие своих данников в постоянном страхе. Мы даже могли инвестировать клиента, если чувствовали в его делах перспективу. Могли списать долги, если прогорел, могли подключить своих специалистов, ну, юристов, экономистов, прочих, если нужно была консультация, задействовать чинуш...

Потому люди даже с благодарностью делились с нами и чувствовали себя как за каменной стеной. Безжалостно кара-ли лишь кидал, чтобы остальные не расслаблялись. При моей практике, помню, словили одного, который, прихватив нормальное количество нала, ударился в бег. Далеко не убежал. Поймали и в присутствии других клиентов, которые якобы случайно оказались при расправе, удалили почку, компенсируя этим часть утраченной суммы. Остальное сам вернул, после того как был в состоянии. Все это время его жена и

двое детей “гостили” у нас.

Кстати, вернул он в два раза больше, чем украл. Все продал и остался нищим и не при деле... Но разве не заслужил? – прошелся взглядом по аудитории рассказчик. – Кто просил его нарушить заповедь Смотрителя?..

У каждого из нас были свои обязанности. Одна из наших с Мансуровым было вышеизложенное. Это не значит, что Организация существовала исключительно за счет этой деятельности. Но, как я понял, дополнительные финансовые вливания не мешали. Надо было содержать, как я уже сказал, семьи погибших, подкупать чиновников и т. д. Ну вы поняли.

– То есть конкретные разведывательные задачи перед вами не ставились, я правильно понял? – не унимался Прилизанный.

– Я же ответил – нет и нет... – чуть раздраженно ответил Длинный. – У них в Азербайджане уже функционировала устоявшаяся сеть, зачем еще паленый человек, числившийся в розыске?.. Бог мой, я понял, вы озабоченный на эту тему. Но давайте все-таки по порядку.

– Тогда почему Мансуров привлек вас, можете объяснить? Чтобы рэкетом занимались? Что вы чепуху мелете! – неожиданно закричал Прилизанный.

Аудитория вздрогнула и уставилась на вытарашенные глаза чинуши. И сам он был весь побагровевший и напоминал розовую часть яблока сорта розмарин. Лишь рассказчик сохранил спокойствие и на неожиданный гнев Прилизанного

вовсе не среагировал.

– Я вас понимаю, – контрастно спокойно ответил он, – этот вопрос неоднократно и сам задавал себе. Но, не поверьте, до сих пор затрудняюсь с ответом...

Он встал, скрипя стулом, и, ссутулившись, шагнул к окну. Немного взгляделся в пейзаж. Прошло несколько минут перед тем, как о нас вспомнил и повернулся:

– Говорят, волки-одиночки перед разными природными или иными явлениями сбиваются в стаи, чтобы выжить. Думаю, Мансуров в Баку ко мне подсознательно потянулся, почувствовав родственную душу. Меня по легенде преследовали менты – азербайджанские менты, которые сыграли в его судьбе столь роковую роль... А я свою роль или хорошо сыграл, или же сам в действительности был таковым, похожим на него, и он это почуял. Скорее и то, и другое. Я же говорил, все мы были чем-то похожи.

– Вы хотите сказать...

– Там, в камере, Мансуров просто захотел помочь, когда поверил в мою историю. Я не был ему интересен в оперативном плане, постарайтесь понять.

– А Магомедказиев?

– А тут дело посерьезнее. Видимо, Мансуров изначально получил от Корейца инструкцию по этой теме. А, встретив подходящего субъекта, начал действовать. Зачем, что и как, вы поймете, если дослушаете.

– Хорошо, тогда последний вопрос... – бесцеремонно

махнул роптавшей публике Прилизанный. – Вы практически отказались от роли киллера в Организации, не убили этого чиновника у Яузы-реки. Это из-за возможных последствий или дело в морали?

– В морали... – бесстрастно ответил Длинный. Но после небольшой вопросительной паузы нехотя разъяснил:

– Заказ необходимо выполнять чисто, тогда можно претендовать на гонорар. Если объект, пусть даже тяжело ранен, но остался жив, дело проваленное... Это был мой первый и последний заказ такого плана. И я разобрался в себе окончательно именно на берегу той реки. Я понял, что могу убить человека из мести, на войне, защищаясь и защищая близких, из чувства благодарности на худой конец, как этот бедолага Мансуров. Но только не из-за корысти. Это поняли и в Организации.

– Продолжайте, – откинулся в своем кресле Прилизанный...

– Кореец внимательно выслушал мою просьбу. Мансуров растянулся на диване, крутил сигаретную пачку и не вмешивался, после встал и вовсе вышел.

– Ситуация ясна. Чисто по-человечески я тебя понимаю. Дружба – серьезная вещь для нормальных людей. Но я не могу так просто перетянуть к себе членов другой организации. С этой Бригадой у нас и так натянутые отношения на фоне последних событий. Игорек нас устраивал... И пойми, –

встал и начал расхаживать по комнате Кореец, – есть неписанные законы совместного сосуществования, которые даже мы не нарушаем без особой надобности. Короче, у каждой организации есть сугубо личное жизненное пространство, куда не следует и не принято лезть. Я тебе, считай, по понятиям раскладываю. Если кто-то бычится, остальные объединяются и обламывают ему рога...

Насчет тебя попросил Мансур и, как оказалось, не зря. Но я не могу каждый раз это повторить.

– Они пригодятся... – мозг работал на пределе. И я понимал, что задачу должен решить сейчас, после вовсе не получится.

– Каким образом?

– Ну, мы делаем деньги на призывниках.

– Это все?

Я понял, что должен идти ва-банк.

– Скажу откровенно... – я вопросительно посмотрел.

– Да, так лучше.

– Понимаешь...

Мне все-таки сложно было начать, и я боялся все испортить.

– ...Ребята мои ездят по всему Кавказу, да и не только, уже Таджикистан освоили, ездят и по другим регионам. Это по работе с призывниками. Но они могут и иные задачи выполнять.

– Например? – я почувствовал, как Кореец сосредоточил-

ся.

– Это ты знаешь. Мансур-то ездит в Баку...

Молчание на несколько секунд.

– Ну и что? Может, у него там баба. С чего взял, что он там иные задачи выполняет?

– Нет у Мансура в Баку никого.

– Это он сам сказал?

– Нет. Он не любит про себя рассказывать.

– Тогда кто?.. Ты что, следишь за ним? – Кореец напомнил мне кобру перед броском.

– Ким, я с ним в команде. Зачем следить?

– Кто тебе про него рассказывал?

– Ну, Лариска сболтнула, когда пьяная была, а я все связал... – я изобразил замешательство. – Так я это к слову, для ясности... Черт! Надо же, бабу заложил.

– Что она еще рассказала?

– Что Мансур один на белом свете. Что, кроме тебя, у него никого нет. Но он часто оставляет ее и пропадает в этом чертовом Баку, а она скучает...

Кореец встал и подошел к окну. Черный свитер с толстым горлом плотно облегал его массивную фигуру и на серо-белом фоне стены выделялся, словно огромная, бесформенная ляпа.

– Рома, ты мямлишь вокруг да около... – повернулся он ко мне и пристально посмотрел. – Последний раз предлагаю ясно изложить мысли. Меня ждет Савелий Николаевич.

– А разве я не ясно изложил? – я пожал плечами. – Мне нужно, чтобы мои люди остались живы и при мне. И для этого описываю их возможности. Я не знаю, чем Мансур в Баку занимается и знать не хочу, если не положено. Но и мои ребята люди надежные, и свои бабки, а тем более шкуры отрабатывают, где надо и как надо. Если ты откажешь, то и я уйду. Я не буду смотреть, как Федька отстреливает ребят...

– Может, им ничего и не грозит, можно ведь договориться? Федька не пойдет на рожон.

– Поговаривают, что его крышует ФСБ. Ты теперь для него не указ. Да и сам признался: у каждого свой котел. Но здесь еще другое.

– Что еще?

Я за ним внимательно следил. Мысли его витали, видимо, не по теме.

Я про Наильку рассказал. Ну, как Федька ее домогался, и как братья его приструнили.

– Сам понимаешь, если что, и я напрягусь. А ведь я числюсь у вас. Хочешь не хочешь, это и к тебе будет иметь отношение...

Ким некоторое время молчал и, опустив голову, что-то чертил. Казалось, меня вовсе забыл.

– А все-таки, почему Мансур ездит в Баку... по-твоему? На этот раз Кореец показался мне не коброй, а гадюкой.

– Ну, я, может, и не такой башка... – я понимал, что сейчас нельзя переигрывать, – я же общаюсь с ребятами, а они

открыто говорят, что вы хотите реанимировать империю. Так и говорят, империю. Ну, СССР значит...

– Во как... – Кореец даже не был удивлен. – И как ты на это смотришь?

– А никак. Мне политика по барабану. Но при Советах такого бардака не было и люди во что-то верили. Если не в Бога, то в прокурора.

– То есть ты за Союз?

– Да хоть за черта, если это поможет навести порядок. Пойми, я человек восточный, определенные понятия останутся при мне хоть при русских, хоть при китайцах – я, моя семья, моя родня и друзья. Если бы не развалили Союз, мой братан не пошел бы на войну и остался бы жив. Моя супруга, по воле судьбы армянка, осталась бы в Баку, и мы в родном городе жили долго и припеваючи. Как наши родители и родители наших родителей, и тысячи простых людей. Следовательно, враги те, кто это зло сотворил.

– Ладно, тут картина ясна... – Кореец выглядел задумчиво и хмуро. – Но ты так и ясно не ответил, зачем Мансур в Баку ездит... по-твоему?

На секунду наши взгляды скрестились. Но я уже вошел в роль.

– Почему знаю, зачем? Я это все к теме... Но, если ездит, значит, ты знаешь. Если ты, то эта ваша тема. Это и коту ясно. Может, тоже реанимацией занимается, а может наркота. Ведет же он дела с цыганами... Он у них авторитет. А нар-

кота у цыган постоянно. А откуда, если не из Баку?..

В ответ вновь его холодный и ничего не выражающий взгляд.

Я покрылся холодным потом. Тут вошел Мансуров и меня почти спас.

– Тебя зовут. – Он к Корейцу.

– Хорошо... – тот начал выбирать со стола какие-то бумаги, собрал в папку. После поднял глаза и, как бы между прочим спросил.

– Скажи-ка мне, братец Рома, про вашу эту девицу... Как ее?

– Наиля... – я с трудом проглотил слюну. Сердце защемило.

– Ну, с нашими-то русаками все ясно. Один уголовник и два бандита-спортсмена. А вот эта Шемаханская царица?..

– Я же объяснил! – Мансуров торопливо и, как мне показалось, чуть взволнованно встрянул. Я удивленно перевел взгляд.

– Знаю, знаю, – перебил его Ким. – Меня интересует другое.

– Что же? – я мысленно поблагодарил Бога, что в комнате полумрак и не различимы оттенки цветов, в том числе на моем лице.

– Ведь эти братья приходятся ей не родными?

– Троюродными. – Я уточнил.

– Эта девушка всегда с ними. Может, мы не знаем, один

– любовник?

– Исключено, я был бы в курсе, – не въезжая в суть, я опроверг.

– Тогда объясните мне, старому холостяку, почему молодая, красивая баба за полтора года проживания в Москве ни с кем не завела отношения? Что она, святая?

Кореец у дверей обернулся, на секунду обозрев нас, словно ожидая ответа. После посмотрел на часы:

– Ждите...

Сказать, что я сильно побледнел, значит, ничего не сказать. Никогда сердце так бешено не стучало. Если повезет, Мансуров, чей взгляд я чувствовал затылком, ничего не заметит.

Вдруг осенило.

– Постой, постой... – я всеми силами пытался унять в себе эту тупую растерянность. – Вспомнил, Павел рассказывал, что у нее был жених, все шло к свадьбе, но выяснилось, что он встречается с ее подругой, – я мысленно поблагодарил Мусаева за эту, вроде бы банальную легенду. – Она его не простила. Вот, наверное, одна из причин, почему Наиля перебралась в Москву. Слышал, этот урод и здесь не оставляет ее в покое.

– Правда? – мне показался, что Мансур оживился.

– Что значит, правда? – я как бы вышел из себя. – И вообще, какое вам дело, с кем она встречается? Ты можешь мне

объяснить, что происходит, черт возьми?

– Кажется, могу...

От мрачного ответа Мансура я вновь похолодел. Он же развалился на диване, вынул сигарету и, прежде чем прикурить, ответил:

– Нравится она мне, братан, давно хотел об этом сказать, но как-то не решался. Думал, может, пройдет... – Мансуров начал выпускать дымовые кольца в потолок.

Я почувствовал, что медленно прихожу в норму, а цвет лица вновь светлеет.

– И где же ты с ней сошелся?

– Да нигде, в том-то и дело, – Мансур лежа, лениво потянулся. – Ты же знаешь, как я снимаю телок: раз плюнуть. Но с ней... Если пересекусь, даже слов не найду.

– Слушай, я как-то не врубаюсь, где же ты встретился с нею, чтобы так втюриться. Ведь вы действительно не пересекались?

– Ты забыл?... – он нехотя ответил. – Тогда, в кабаке. Перед тем как шампанское отправить, часа два за вами наблюдал...

Вспомнил. Ресторан-кабак на ВДНХ. В этот день мы отмечали Наилькину днюху и по ее просьбе праздновали в узком кругу. Кроме Романовых и их подружек, присутствовали Митяй с толстушкой-женой и их взрослая дочь Эвелина. Джулию Наилька меня попросила не брать. Как объяснила, в ее присутствии она чувствовала себя скованно. Кроме того,

мы собирались обсудить некоторые служебные вопросы, ну, вы поняли, связанные с Конторой... Я не стал настаивать, так как уже успел лицеизреть новых пассий братьев, слишком раскованных и разодетых. И я знал, что моей консервативной и ненавидящей шумные застолья жене будет неуютно...

– И что же обсуждала с вами, женатым мужчиной, эта ваша Мата-Хари? – тут съязвил Оператор.

– Неважно, – сухо ответил Длинный. – В разгар веселья официант преподнес нам дорогое шампанское от некоего друга и, подняв глаза на второй этаж, мы увидели улыбающегося Мансурова, сидевшего у столика рядом с перилами в компании некоего субъекта, напоминающего лысым черепом и квадратным подбородком палача Миледи из знаменитого фильма.

– Следил... – заворожено выдохнула Аталай.

– Обедал, – возразил Бакинец.

– Ясно, что в ресторане не молятся, – изрек Арзуман и аргументированно добавил:

– Можно, обедая, следить или, следя, обедать.

– Логично, – согласился Длинный. – Я и сам об этом подумал, но не подал виду и жестом пригласил их к столу. Он отказался. Через какое-то время они, не попрощавшись, исчезли...

– ...Определить, где она проживает, мне не составило тру-

да, – Мансуров продолжил. – И по твоим рассказам, которых я то и дело направлял в нужное русло, постепенно разузнал про эту троицу многое. Братья по сердечной теме с ней, меня, естественно, не зацепили. Но насчет тебя были сомнения.

Я молча уставился на него.

– В какой-то момент мне показалось, что между вами что-то есть.

– Мог бы спросить... И ты должен был знать, что для меня, кроме жены других женщин не существуют.

– Почему знал? Подумал, одно, наверное, другому не мешает. Любовь ведь бывает разной. Это я после убедился, что ты у нас святой. Хотя к святым я всегда подозрительно отношусь.

– Поэтому тогда в кабаке следил? – я не сдержался.

– Что ты о себе возомнил? – Мансуров ухмыльнулся, но и не опроверг.

– С чего ты взял, что между нами что-то есть? – я с досадой вспомнил слова Джулии.

– Ну, как сказать?.. Вы как-то смотрите и чем-то похожи... – Мансуров почесал затылок. – И она на тебя как-то по-другому смотрела.

– Чепуха, – я вновь неуверенно возразил. – Она своего жениха ждет.

– Что-то долго ждет... – он призадумался.

– А Кореец тут с какого боку? – я решил уйти от скользкой темы.

– А с самого прямого... – Мансуров зевнул и вновь растянулся. Видно, Лариска ночью здорово отомстила ему за бакинские командировки. – Я как-то поделился с Кимом... А еще с кем мне делиться, черт возьми? Вот он и начал наводить справки, хотя я и не просил об этом. Потому что во всем, что касается меня, братишка очень внимательный, – широко улыбнулся он. – А насчет жениха... Может, завалить его? Одним мудаком меньше станет. Как можно было ей изменять? Вот закажу его тебе. Что скажешь? Плачу тройной тариф...

Мансуров, посмотрев на мой ошарашенный вид, расхохотался. И у меня рот скривился, выдавливая подобие улыбки, но ответить не успел. Дверь отворилась, и на пороге появился Кореец.

– Пошли. Старик ждет...

Глава XVI

Оказывается, узнав подробности своего освобождения, Казанцев еще тогда изъявил желание встретиться со мной. Мы поднялись на третий этаж и оказались в широкой и освещенной приемной, где нас вежливо встретили и провели в очень большой и светлый кабинет Савелия Николаевича. Он сидел в кожаном кресле у массивного стола, но при виде нас встал, подошел и крепко пожал нам с Мансуром руки. Комната была теплая, из старого камина то и дело слышался хруст горящих дров.

Казанцев был одет просто, по-домашнему. Запомнились красновато-клетчатая рубашка поверх теплых спортивных финок и, по-видимому, теплые шлепанцы, носы которых по-восточному были загнуты вверх. Он внимательно осмотрел меня с ног до головы.

– Этот герой, выходит, тоже с Кавказа?

– Из Баку, – уточнил Кореец.

– Парадокс! – усмехнулся и, пройдясь обратно, вновь развалился в кресле Казанцев.

– Что-то не так? – недоуменно, Кореец.

– Да все так, вроде... Но, знаешь, что меня удручает, Ким?..

Кореец молча уставился на него. Мы с Мансуром переглянулись.

– ...Я, Казанцев Савелий, всю свою сознательную жизнь боролся за величие и чистоту русской нации. Я даже церковь не признаю, поскольку считаю, что христианство нам славянам навязали жидаы, лучше уж мы басурманами стали, сейчас были более плодovиты и родовиты.

Я принципиально хочу очистить Питер и Москву от разных чехов, дагов, айзеров, разных хачей, среднеазиат... Поскольку считаю, что если они хотят к нам, то сначала пусть русскую культуру и язык изучают как следует, нашу ментальность воспринимают. Пусть сначала годков 20 в Сибири и на Дальнем Востоке отпашут, там все равно против китайцев и япошек они все русские. И только после мы можем их здесь, в самом сердце Руси, принять. В Сибири, в 40-градусном морозе и в обществе с белыми медведями у них весь кавказский и мусульманский гонор пропадет. Они и сало будут жрать, и водку лакать. А то как хорошо, сразу с аула на Арбат! Хорошо пристроились!..

Но что получается? Заказывают меня свои, славяне, а спасает нерусь. Сватается к моей Олесе какой-то печенег-татарин, который еще и активно молится!.. А эта дура отвечает ему взаимностью, хотя я чуть ли не с пеленок ее воспитывал в духе наших славянских традиций. Что мне теперь, и его завалить?..

Русскую державу, которую по крупинкам собирал и лелеял грузин Джугашвили, сливают янки свои же подонки. Что происходит, Ким? Черт, да ты и сам не русский!

– Я детдомовский... – спокойно возразил Кореец. Видно было, ему неприятна тема. – А эти ребята – бакинцы. У них там раньше другой нации не было.

– Ты мне как сын. И вы мои сыновья... – Казанцев, кряхтя, вновь встал, по-отечески обнял Кима, после лениво поковылял к большой географической карте, висевшей на стене. – Не слушайте брюзжание старого маразматика, мне просто за державу обидно. Посмотрите, что враги со страной сделали, – указал он рукой на географические просторы Евразии: народ на народ натравили, брата на брата. Всюду кровь, война, разруха. Азербайджанцы-армяне, грузины-абхазы, таджики-киргизы, украинцы-русские – это вообще в голове не укладывается! Славяне на славян пошли!.. А они жиреют. Жрут и жрут... Кровью будут харкать! – он резко обернулся, скрещивая пальцы привычным жестом на спине. – Рано или поздно все попадут в лапы русского медведя. Тогда все припомним!..

Мы у него где-то час просидели. Он подробно спрашивал меня о ситуации в стране, про оккупацию Карабаха, исторические предпосылки конфликта, отношение азербайджанцев к русской культуре, вообще к России, сколько русских проживает у нас, про мою личную жизнь... Он очень удивился, когда узнал, что я женился уже в Москве на армянке, и, вообще, в Баку до сих пор проживают около 30-40 тысяч армян, а я удивился его информированности ситуацией на Кавказе, конкретно в Азербайджане, вплоть до внутривдвор-

цовых интриг. Некоторых должностных лиц он лично знал и пренебрежительно называл по именам, но очень уважительно упомянул покойного ныне президента Алиева. Оказывается, их дороги в Кремле когда-то пересекались.

– Если бы Гайдар Алиевич тогда пришел к власти вместо этого сукиного сына и агента масонов Горбачева, он бы отстоял державу, и все сейчас было по-другому... Но история не признает условностей, – вздохнул он, – теперь эта наша с вами задача спасти страну, сынки. И вы, – обратился он ко мне с Мансуром, – в свое время пригодитесь. Мы не забудем ни друзей, ни врагов...

Я уже знал, как они расправляются с врагами, честно говоря, где-то и понимал их. Они были правы по-своему и защищали свой этнос, свои ценности и идеалы... На противоположной стороне была жажда власти, сила капитала, старая римская политика – разделяй и властвуй, и ожидаемое вследствие этого – руины некогда процветающих стран.

Но у меня были свои интересы и, соответственно, интересы своей маленькой страны, за которую я радел. И, покидая резиденцию этого неформального лидера державников, я все мрачнел и не переставал думать – настолько глубоко я должен внедриться в этот омут, чтобы выполнить поставленную задачу, и как при этом остаться “чистеньким” и перед ними, и перед своими...

– Ну, перед своими понятно, – не сдержался и опять

встрянул Прилизанный. – А перед ними зачем?

– И нашим и вашим... – хихикнул Оператор. – Ясно, так всегда удобно.

– Это тебе удобно, козел, – в тот же миг заткнула его Гюлечка, – вроде мужчина, а не совсем.

– Короче, пидор – третий род, – согласился Бакинец.

– Фу, мужлан... – брезгливо поморщился Оператор. – Предпочитаю, меня называли геем. Я горжусь этим, и будущее за нами, – решительно подытожил он.

– Твое будущее на кладбище, – естественно, не смог не среагировать Ветеран в тельняшке, – если сейчас же не заткнешься! И вообще, что он тут делает? Съемки закончились. Пусть убирается!

– Убирайся! – все хором повторили, кроме Прилизанного, который просто закивал, и Режиссера. Последний упорно делал вид, что поглощен работой.

– А я сам ухожу... – гордо вскинув голову, встал Оператор. – Мэтр, вы со мной? – обратился он к Режиссеру. Тот в ответ что-то невразумительно промычал.

– Как хотите... – начал собираться Оператор. – И не забудьте мне оплатить за эти два потерянных дня по высшей шкале.

– А это почему? – возмутилась Аталай, как будто платили из ее кармана.

– А за вредность, – ответил Оператор, оборачиваясь у полуоткрытой двери. – Я тут психику подорвал. Надо же, под

стол!.. А по всем этим воякам тюрьма плачет. Особенно по этому бандиту в тельняшке... – ткнул он пальцем в своего главного антипода и быстро хлопнул за собой дверь. И вовремя, так как на том месте, где ранее разглагольствовала его голова, со стуком образовалась помидорная ляпа, которая начала стекать по поверхности. Все с благодарностью повернулись к Ветерану в тельняшке.

– Итак, почему вы хотели остаться чистеньким и перед ними? – как ни в чем не бывало повторил вопрос Прилизанный. – Объяснитесь.

– А что тут непонятного, – недовольно проворчал Длинный. – Во-первых, мораль – мы были в команде, мы это не раз обсуждали. Во-вторых, я банально боялся...

Длинный налил в бокал немного воды и медленно выпил. Все терпеливо ждали развязку.

– ...Я боялся прежде всего за родных, за свою команду, – наконец продолжил он. – Кстати, их приняли и дали под мое неформальное начало. Как вы думаете, мы долго продержались бы, если выяснилась истинная подоплека моего нахождения в Организации?

Молчание было красноречивее любого ответа.

– Ну, хорошо, – не отставал Прилизанный, – допустим, вашу чертову мораль мы поняли. Допустим... Но как вы в этом дерьме собирались остаться для всех “чистеньким”, можете объяснить?

– Я решил не раскрывать информацию непосредствен-

но об Организации перед бакинскими товарищами. Вернее, раскрывать в том объеме, который был необходим. Я работал в паре с Саламовой, информацию давал ей, а она все накопленное чуть ли не по буквам передавала Конторе. У нее самой не было доступа к руководству, прочим источникам, ее коньком были призывники-дезертиры. Хотя и это поставляло нам огромный поток военно-политической информации непосредственно с поля противника.

Итак, я решил “фильтровать” передаваемое...

– Но, позвольте, – Прилизанный никак не успокаивался, и это было понятно, – вы были обязаны всю исчерпывающую информацию передавать в Баку. Это там должны были решать, что использовать, что игнорировать, а что засекретить, если это было целесообразно. Вы же сами утверждаете, что Кореец и Мансуров по горло были связаны с армянами, а Мансуров непосредственно входил в контакт с сепаратистами, по существу являлся связующим звеном между азербайджанскими предателями-военнослужащими и их партнерами с армянской стороны. Я правильно изложил?

– ...

– И как тогда, по-вашему, правильно сокрытие информации об организации, пусть даже очень опасной, но тесно связанной со спецслужбами противника?

– Мы, кажется, друг друга не понимаем, – после некоторого молчания ответил Длинный. – До разбора деятельности Мансурова еще дойдем. А что касается остального... К со-

жалению, буква закона не всегда соответствует букве разума. Я же сказал: передавать информацию в том объеме, который был необходим в соответствии с поставленной задачей. Во-все не было нужды сливать в Баку информацию о внутри-российских процессах, в которых была замешана или напрямую участвовала Организация. Например, то же самое похищение Савелия Казанцева или же его освобождение в результате ограниченных боевых действий. А также чисто криминальные разборки, последовавшие после... Или же, допустим, попытка ликвидации этого московского рыбака-чинуши, который никакого отношения к Азербайджану не имел.

Местонахождение штаб-квартиры, десятки других точек Организации... Конечно, российские силовики были в курсе, это формирование являлось частью их. Но одно дело информационное поле внутри самой России, а другое – ее акустика из ближнего зарубежья.

Как я отметил, проводимая нашими военными разведчиками операция по выявлению агентурной сети противника в военных и прочих эшелонах власти была строго засекречена и замыкалась на человеке, которому я полностью доверял. Но рано-поздно должна была произойти передача накопленной информации в политические инстанции, хотя бы из-за необходимости запуска карательной машины государства. Вот тогда-то я не был уверен, что какое-то звено в этой цепочке не слило бы нас – “виновников” всего этого переполоха, обратно, в соответствующие структуры России.

И еще, – облокотился на сиденье Длинный, обходя взглядом присутствующих, – я не собирался доносить на самого себя на теперь уже ваши, так называемые, правоохранительные органы. Согласитесь, везде существует человеческий фактор. Если кто-то с пониманием отнесся бы к моим порой криминальным методам внедрения в среду противника во имя достижения цели, нашлись бы и те, которые увидели бы в них совсем другую подоплеку, соответствующую их ограниченному мировоззрению. Этой братии, к сожалению, во времена ура-патриотизма в Азербайджане, да и после, как мне известно, в вашу чиновничью среду просочилось немало.

– А вы не собирались после завершения всего возвратиться на родину, – спросила с трепетом Аталай.

– Куда, – безнадежно развел руками Длинный, – в Баку? Со своей армянской родней?..

Мы, кажется, только сейчас начали осознавать весь ужас сложившейся ситуации вокруг этого человека, который вдруг начал ассоциироваться в нашем воображении маленьким островком, окруженным со всех сторон враждебно бушующими волнами. Даже Прилизанный умолк со своими казенными вопросами. Из временного ступора нас вывела внезапная атака на окна ресторана ветряной бури, которая резко распахнула одно из них, видимо, незакрытого на щеколду, и заставила станцевать жалюзные занавески аж над нашими головами. Зазвенела посуда, задетая их краешками.

Мы вскочили и закрыли окно, выгнав бурю обратно за стены заведения.

– А как дальше думал жить? – спросил рассказчика, наконец, Арзуман, возвращая его в орбиту повествования, – я имею в виду после завершения операции.

– Во всяком случае возвращаться назад не входило в мои планы. В Москве, да и по всей России тогда были разбросаны десятки тысяч смешанных бакинских семей, которых объединяло общее горе и статус беженцев и изгоев. Вот среда, в которую мне пришлось бы влиться. Кроме того, я к тому времени управлял предприятиями тестя, потому этот аспект тоже держал меня в сфере российско-московских эконом-реалий. Потому и я хотел попросить у полковника Мусаева уничтожить все следы моей деятельности в этой операции после ее завершения.

– А организация Корейца? – я спросил.

– От них я тоже со временем собирался отойти... – ответил Длинный, чуть задумавшись. – Не знал, каким образом, но собирался. Я понимал всю опасность положения нахождения в рядах Организации, хоть и чувствовал себя как за каменной стеной, что было немаловажно в существующем криминальном хаосе России того времени. Но и осознавал, что моя защищенность напоминает спокойствие человека, сидящего на пороховой бочке, от которой тянется, возможно, не самый длинный фитиль...

В общем, я хотел мирного сосуществования со своей се-

мьей в среде бакинцев, проживающих в Москве, поскольку иные анклавы меня не приняли бы. Ну и черт с ними!.. – махнул он рукой, как мне показалось, с некоторой досадой. – И без всякого криминала и участия спецслужб в моей жизни.

– Ну ладно, валяйте дальше, как шли к этой цели, – тихо проворчал Прилизанный.

– Спасибо, что позволили, – сыронизировал Длинный...

Глава XVII

Через некоторое время все эти вопросы я смог обсудить непосредственно с Сабиром Ахмедовичом, который прибыл для встречи со мной в Москву в сопровождении Расулова.

– В чем причина его приезда, – спросил я, озадачившись, у Наили. – Всегда же приезжал Адылов?

– В Баку беспокойно. Вновь произошли попытки военного мятежа.

– Я в курсе. Но какое это имеет к нам отношение?

Она пожала плечами:

– По-любому после таких ситуаций начинается чистка...

Она, в общем-то, не ошиблась. На встрече, организованной Саламовой, залегендированный родственником специально подобранного для этой встречи “дезертира” Сабир Ахмедович об этом прямо высказался. Сам Дезертир с до блеска обритой и, наверное, от рождения деформированной головой тоже сидел за нашим столом в привокзальном кафе и аппетитно уплетал чебуреки.

Да, это был Киевский вокзал.

Я невольно поморщился. “Дезертир” казался не лучшим представителем. Бесцеремонно чавкал и беспардонно озирался на женщин. Словно подтверждая мои мысли, он вновь сладко почавкал, но, получив легкий тумак от Расулова, чуть не подавился, затравленно озираясь на своего надзирателя.

Расулов подмигнул мне.

– За этого говнюка его производители дают хорошие деньги. Командир, – обратился он к Сабиру Ахмедовичу, – разрешите хоть раз в жизни присвоить деньги негодяев.

– Не разрешаю, – устало произнес полковник. – Оформляйте все на оперативные расходы. Впрочем, небольшую премию вы заслужили, – “пожалел” он своего офицера, – на чебуреки.

– Всего лишь... – уныло протянул тот.

– Просят его устроить... – кивнул в сторону “молодца” Сабир Ахмедович. – Есть варианты? – он казался раздражительным. Наверное, содействие дезертирству даже во имя важной цели ему нелегко давалось. – На всякий случай, мы родственники этого... отступника.

– Русским владеет?

– Нет, конечно... – ухмыльнулся Расулов. – Советской власти давно нет, дорогой. Люди выживают. Образование в деревнях уже неактуально.

– Понятно... Валентина свободна? – нарочито серьезно я спросил Наилю.

– В прошлом месяце освободилась. В смысле, уже вытурила Рамаза Папунашвили – развелась. Давно просит нового мужа, деньги кончились. Но ей уже 43.

– Для него сойдет... – оглядев “жениха”, я резюмировал. – А насчет работы ему светит только рынок. Пусть пока язык изучает и манеры улучшает. Вам, как постоянным клиентам,

сделаем скидку.

– Ну, спасибо, уважили... Теперь к делу. Мы вам благодарны за организацию работы с закавказскими призывниками. Блестящий результат. Скажу честно, – прикурил сигарету полковник, – на сегодняшний день тандем Саламова-Гусейнов – наша самая успешная разработка. Вся информация, полученная от вас, в последующем подтверждается. Но мы ждем результаты от основной задачи. Поймите, каждый просроченный день – это новые жертвы на линии фронта, угроза дестабилизации внутри государства. Вы в курсе, что произошло в Баку?

Я кивнул:

– Мы стараемся. Вряд ли кто-то добился большего за такой короткий срок.

– Но конкретных результатов нет, как я понимаю? Только честно.

– А что лгать, – я посмотрел на Саламову, которая пыталась разговорить Дезертира, обиженно надувшегося после тумака Расулова, – так и есть. Срок маленький, и задача нелегкая.

Полковник с Расуловым переглянулись.

– Обстоятельства изменились, мы не можем ждать. В связи с этим у нас конкретное предложение, – тихо проговорил Сабир Ахмедович.

Неприятный холодок прошелся по телу. От такого тона ничего хорошего не ожидалось.

– Что вы, сидя в Баку, можете предложить? – слова мои прозвучали резко, почти грубо.

Ответил Расулов:

– Нам нужен Мансуров. Вся информация у него в голове. Напрасно с ним нянчились, – недовольно посмотрел он на полковника, – теперь время жмет... Не справился ты с задачей, Гусейнов. Я привык изъясняться прямо.

– Как это, вам нужен Мансуров? – не обращая внимание на выпад, я спросил у Мусаева. – Я что-то не понимаю.

– А что тут понимать, – вновь Расулов, – нам нужен Мансуров, а ты должен его подставить. Для этой цели снят частный дом в Подмосковье. Некий криминальный авторитет – азербайджанец, проживающий в Москве, нам поможет. Естественно, в детали его не посвятили.

– Вы собираетесь похитить Мансурова и выбить у него информацию? – я помрачнел. Саламова также сосредоточилась.

– Почему сразу выбить, – уклончиво ответил Сабир Ахмедович, – можно уговорить...

– Это без толку.

– В таком случае есть специальные инъекции, освежающие память... Нужен конкретный результат, Гусейнов. Пойми, у нас его уже требуют.

– Понимаю... – облокотился на сиденье, пройдясь взглядом по заведению. Через несколько столов приметил двоих смугловатых мускулистых ребят, но они были скорее севе-

рокавказцами. Словно прочитав мои мысли, Расулов нахмурился:

– Мы здесь одни.

– А мы нет... – кивнул я на противоположный столик в десяти метрах от нас, где мирно потягивали пиво Павлик с Толиком.

Расулов недовольно проследил за моим взглядом.

– Так ты отдашь на съедение своего дружка?

– Если это предложение исходило бы от этого субъекта, – кивнул я на Расулова, – я не удивился бы. Но вы!..

– А что я! – взорвался полковник. – Ты, знаешь, какова обстановка в Баку? Требуют конкретных результатов. Я же полностью засекретил вашу деятельность! А в Генштабе одному новоназначенному мудаку-куратору вдруг стало интересно, каким образом поступает к нам точечная информация по Армении. Требуют список агентов-нелегалов. Я даже не могу им сообщить, что всю эту кашу заварили всего-то два человека.

– Один... – я поправил.

– Как это понять?

– У вас только Саламова. Все лавры ей. И сразу после завершения операции спрячьте ее, хоть внешность меняйте. Вы до сих пор не поняли, с кем имеете дело...

И еще: вы уничтожите всякое упоминание обо мне. Это первое условие.

– Так-так... – это полковник.

– Гони второе. – Расулов.

– Вы не тронете Мансурова до завершения операции. И вообще, на территории России.

Полковник удивленно переглянулся с Расуловым.

– И как ты аргументируешь эту позицию?

– Боюсь, не поймете.

– Ты уж постарайся! – в голосе Мусаева прозвучали раздражительные нотки. Я почувствовал, как и Расулов напрягся. – Выглядит так, как будто спелась...

Я заметил недоуменный взгляд также Саламовой. Но она молчала и не вмешивалась.

– Во-первых, Мансуров не глупая курица, чтобы подставиться. Жизнь его многому научила...

– Ответ по существу! – перебил полковник.

– Если, допустим, вы даже заполучите Мансурова, не факт, что он расколется даже с помощью инъекций. Вы не представляете, настолько он силен и вынослив. А ваши боксерские имитации, Расулов, разумеется, над заключенными, вообще смехотворными окажутся в случае с Мансуровым.

Оппонент кисло улыбнулся. Я продолжил:

– И что потом? Вы собираетесь его ликвидировать? Без суда и следствия?

–...

– Вывезти его из страны вы тоже не сможете, нет ресурсов. И отпустить нельзя будет – нас подставите. И в скором вас будет искать одна из самых опасных организаций в мире... В

общем, весь ваш расклад мне напоминает фантазии ребенка, насмотревшегося шпионских фильмов.

Мансурова нельзя воспринимать как вражеского агента в классическом определении, и вина его полностью не доказана, все пока в домыслах. Потому это будет смахивать больше на преступление...

– Я так не считаю, – с неприязнью перебил Расулов. – Это хорошая комбинация, и она удалась бы с твоим участием. Инъекции наши достаточно результативны, можешь попробовать. И мне очень непонятно, почему ты вдруг отмазываешь этого подонка?

– Действительно, почему? – словно очнувшись, спросил полковник.

– Да перестаньте сверлить меня подозрительными взглядами, это уже смешно, – досадливо ответил я. – Не о нем пекусь я, а о себе. Неужели думаете, что после сдачи Мансурова моя жизнь здесь будет иметь хоть какую цену? Саламова, допустим, скроется в Баку. А мне куда?.. Потому и не нужны мне ваши лавры героя. Я просто хочу жить, не опасаясь за жизнь своих близких, и прошу, и требую – после завершения операции меня забудьте!

– Думаю, он прав, – неожиданно вклинилась Саламова. – Вы не учли фактор Корейца. Они с Мансуровым большие друзья. В случае исчезновения друга Кореец будет землю носом рыть и вконец докопается до истины. И еще, он способен на вендетту не только в Москве. Вспомните, как они распра-

вились с ментами, которые были виновны в трагедии семьи Мансуровых.

– Теперь что прикажете делать? – процедил Расулов. Видно было, ему неприятна позиция Саламовой. – Этот урод будет наносить нам урон, работать на армян, нагло пересекать наши границы, а мы будем учитывать фактор Корейца?

– Нет, почему же, берите Мансурова в этих самых границах, если сможете, – чуть с иронией ответила Саламова, – но только после завершения операции и ликвидации документации на тех, кто останется в России, в том числе на моих братьев.

Я согласна с Гусейновым, что вы не сможете гарантировать абсолютную секретность в проводимой вами операции после передачи материалов следствию, значит, и безопасность ее участникам. Потому стоит прислушаться и к нам.

– Так на кого же все оформлять? – явно разозлился Расулов. – Этому нельзя, другому...

– Предлагаю разработать сеть несуществующих агентов из среды дезертиров и все списать на них, – предложила Саламова. – У бакинских структур нет возможности перепроверить всю текущую информацию. Все пока создается, нужны годы. Не мне вас учить...

– То есть вы предлагаете мне обыкновенное оперативное жульничество, – полковник ответил спокойно, в отличие от Расулова без эмоций.

– Главное не формулировка, – меня всегда восхищало в

Наиле умение четко передавать мысли, – можно обозначать это жульничеством, можно оперативным комбинированием или еще как-то, как вы там называете, не помню. Но если в результате уцелеют головы ваших людей, то, думаю, вы на это пойдете. Вы просто по-другому не сможете.

– Не надо за меня решать, что я смогу, что нет, – ответил с досадой Сабир Ахмедович. – Черт!.. – неожиданно стукнул он ладонью по столу, да так, что Дезертир вновь поперхнулся чебуреком и начал противно кашлять.

– Да, я на все пойду! Я готов стать даже карманником, лишь бы добраться до этих мерзавцев, которые на крови наших солдат делают деньги, да еще умудряются числиться героями...

Теперь же, по существу, – взял он себя в руки. – Мне надо получить ясный ответ всего на один вопрос: когда вы закруглитесь с задачей? Другими словами, когда вы готовы передать нам конкретные имена, адреса, оперативное планирование противника в Баку, в Карабахе, в приграничных территориях, прочее и, естественно, все подкрепленное фактическим материалом?

Мы с Саламовой переглянулись:

– У меня пока нет четкого ответа... – я решил выложить все как есть. – В настоящем я очень вплотную приблизился к Мансурову и Корейцу. Благодаря браку, я почти свой в среде армян, управляю предприятиями тестя и тесно общаюсь с окружением Спартака Манучарова – мы в одной экономи-

ческой упряжке. Я в команде Мансурова крышую коммерческие точки, в том числе и Спартак...

– Давай по порядку, – перебил Мусаев. – Что ты конкретно можешь сообщить по Мансурову?

– Он работает на Корейца, а через Корейца входит в Организацию, являющуюся неформальным подразделением ГРУ. Уточняю: организация Корейца выполняет всю грязную работу, в которой не хочет светиться российская военная разведка.

Мансуров не является агентом в классическом понимании этого определения, в смысле вербовка, подписка о сотрудничестве, гонорары за предательскую работу и т.д. В этой Организации все по-другому. Мансуров является чуть ли тенью Корейца или наоборот. И незачем Корейцу вербовать и подставлять своего кровного друга. Просто они в команде. Кореец помог отомстить Мансурову ментам, потому тот до гроба ему предан. Для него уже не существует понятие Азербайджан, родина, Армения, противник. Есть Кореец, есть люди по команде, долги, которые надо оплатить по счетам, и баста. И поэтому версия о том, что якобы Мансурова привлек к агентурной деятельности его работающий у армянского предпринимателя брат, не соответствует действительности. Да, это Эльшан свел Корейца и Мансурова со Спартаком. После этого и запустилась машина по крышеванию Организацией предприятий московских армян, но это экономика, бизнес, хоть и криминальный, понимаете? Это

другой вопрос, что Кореец со временем начал вести в том числе и оперативную работу среди “данников”, снюхавшись со Спартаксом.

Я подтверждаю, что Спартак Манучаров – связующее звено между Корейцем и армянскими спецслужбами в г. Москва. Детали выясняем. Спартак также связал Организацию непосредственно с сепаратистами. А Мансуров, я повторяю, вслепую выполняет волю Корейца...

– Подожди, Мансуров побывал в Армении? – в нетерпении вновь перебил меня Расулов.

– Насколько я знаю, нет.

– Но ты сам утверждаешь, что если Спартак посредник Корейца с противником, то Мансуров – тень, доверенное лицо Корейца, так?

– ...

– Помимо того, Мансуров в тесной завязке с завербованными Организацией военачальниками-азербайджанцами и, непосредственно, с самими сепаратистами, ты с этим тоже согласен...

– ...

– Он неоднократно встречался с хачами на оккупированных территориях, выполнял конкретные задачи в пользу своей организации, без сомнения, передавал противнику и военные сведения...

– Послушай...

– Нет, это ты слушай! – ошетинился Расулов. – У нас

есть неопровержимые факты, что некоторые существенные провалы на карабахском фронте – это результат деятельности этой чертовой организации, конкретно тандема Корец-Мансуров. К примеру, в операциях в Физулинском направлении... Это враги, которых по-любому надо раздавить! И уже сейчас, потому что каждый день их деятельности – это, возможно, десятки утерянных жизней наших пацанов. Ты что, сам не понимаешь?! – он вдруг резко схватился за край стола, чуть ли не опрокинув его. Наиля еле успела удержать тарелку с остатками чебуреков.

– Расулов! – Мусаев в досаде прошипел.

Я с опаской огляделся. Вроде обошлось, не привлекли внимания. Всеобщий вокзальный гул и людская суета завуалировали эту неожиданную вспышку гнева.

Я тихо ответил:

– Все не просто. Но, думаю, свою лепту в это дело они вложили... Но это политика, а Корец, видимо, реализует задачи своего руководства...

– Если даже так... Ты считаешь, что Мансуров заслуживает снисхождения, потому что работает на Кореяца, а не на армян? Какая разница, на кого работает? Да хоть на Бога, результат-то один! Или из-за того, что кто-то когда-то смертельно обидел его родителей, у него есть право сливать наших солдат противнику? Ведь ты это хочешь нам навязать? Говори яснее, не виляй, черт бы тебя с ним побрал!..

– Расулов!.. – полковник вновь попытался сдержать его,

но тщетно.

– Что Расулов? – он вконец взорвался, хотя пока сдерживал себя в приглушенных тонах. – Этот Мансуров виноват в гибели, может, сотни наших военнослужащих, которых попросту слили хачам ради тупой, безрассудной мести. Сколько моей родни полегло на войне, а ведь я родом Кубадлинский! А ваш сын?.. Мансурова четвертовать мало, а этот тихоня явно его выгораживает. Мол, да, он враг, но жаль его, давайте простим, у него было трудное детство... Не доверяю я ему, хоть убейте! Где гарантия, что они с Мансуровым не спелись и в конце не переиграют нас? Этот Мансуров хоть из-за мести продался, а этот с ними кровно породнился. Видите ли, он теперь управляет предприятиями тестя... Очнитесь! Я вас предупредил. А этого Мансурова, если вы даже сторгуетесь, я все равно выслежу и уничтожу. Я все сказал!..

Выговорившись, он успокоился, вынул из пачки Мусаева сигарету, закурил. Некоторое время все молчали. Я уже пожалел, что назначил встречу на Киевском, где в людской суете вроде никому ни до кого дела нет. Мы всегда встречались с родителями дезертиров здесь и поэтому не хотели выйти из рамок привычной процедуры. Но я не учел эмоциональность Расулова.

Заметив, что Романовы забеспокоились и, кажется, собираются подойти, я кивнул Саламовой. Она встала, развязной походкой сама подошла к ним и, улыбаясь, начала общаться.

– Считай, ты ничего не слышал, – наконец проговорил Са-

бир Ахмедович. – А с ним я в Баку разберусь.

Расулов безразлично махнул рукой...

На меня не подействовал “наезд” Расулова, хотя в душе остался неприятный осадок. Может от того, что он вообще-то был прав? Доводы мои были хоть и основательными, но не в этом суть. Я подсознательно старался выгородить Мансурова.

– Только в следующий раз, если придете в сопровождении этого субъекта, давайте встретимся в лесу.

– Я понимаю... – полковник явно был раздосадован. – Расулов, закажи что-нибудь за счет своего гонорара. Стол пуст, и этим мы тоже привлекаем внимание.

Тот молча встал и направился к буфету.

– Ты не обижайся, сынок, – попытался разгладить ситуацию Мусаев, – при всех своих недостатках на него можно положиться. Но надо было мне брать Адылова.

– Слишком много слов и эмоций... – посмотрел я на часы. – И поздно что-то менять. Вам придется согласиться на мои условия. Или я умываю руки.

– Хорошо, хорошо... – раздраженно ответил полковник. – Видимо, у меня нет выхода... Но я жду конкретных результатов. У тебя, максимум, четыре месяца. Больше не могу...

Он вопросительно посмотрел. Я кивнул.

Официантка подошла с горячими чебуреками, а за ней Расулов. Вернулась и Саламова. Чуть позже подошла другая официантка с подносом, на котором дымились граненые ста-

канчики с какао.

– Мы не можем без конца сидеть в этой забегаловке и есть чебуреки... Ну что? – я Саламовой.

– Я объяснила, что пока с клиентами не сходимся в цене.

– А они?

– Поверили. Сказали айзеров в деньгах даже сам дьявол не проведет.

– Слушайте дальше... – я развернулся к полковнику. – Оперативная деятельность Организации в Азербайджане, в том числе, и на оккупированных территориях – это только видимая сторона медали. Другая, как ни банально, – это деньги. Кореец контролирует наркотрафик, проходящий через территорию Азербайджана.

– Этот наркотрафик кому только не приписывают, – сыронизировал Расулов, – ну как же еще без русских...

– Постой... – недовольно перебил полковник. – Если даже так, то это не должно нас отвлекать. У нас другие задачи.

– Я не имею в виду трафик, переправляющий афганский, туркестанский или другой какой героин или опий через пиратский порт на Запад, – я так же нетерпеливо ответил, время поджимало. – Я не имею в виду также трафик, проходящий через Туркмению, Азербайджан, Дагестан, Украину и далее... Речь идет о плантациях и лабораториях, созданных сепаратистами на оккупированных территориях. Они де факто не подконтрольны ни международным структурам по борьбе с наркотиками, ни властям Азербайджана, ни даже

соответствующим структурам в самой Армении.

Одна развилка этого трафика проходит через наши северные границы, где азербайджанские военнослужащие активно взаимодействуют с карабахскими армянами...

– Так-так... – оживился Сабир Ахмедович. – Про эти плантации мы информированы, правда, весьма поверхностно. Кстати, наркота производится в ограниченном количестве и на юге Азербайджана. Только соваться в это осиное гнездо пока нет надобности – нас всех перестреляют... Но неужели сепаратисты так обнаглели, что экспортируют товар по Азербайджану, несмотря на вроде жесткий блокадный режим?

– Деньги не пахнут. Война и прочее – это для нас с вами. В Баку в достаточно теплых креслах сидят люди, которые крышуют этот бизнес, да и не только. Наркотрафик проходит через территорию, где дислоцируется хорошо знакомая нам мотострелковая часть, где я проходил службу. Я всегда удивлялся обилию наркотических веществ среди личного состава. Ходили слухи, что старшие офицеры балуются порошком. Теперь я вспоминаю крайнюю раздражительность в поведении Бахтияра Мамедова, особенно в последние дни перед смертью, его вечно воспаленные глаза, ноздри... Мы все пытались определить мотив этого преступления, выдвигали разные версии, из которых вероятнее всего было привлечение Мамедова в агентурную деятельность противником. И отсюда опасение его хозяев, когда тот начал влюбленно пор-

хать вокруг уважаемой коллеги, – кивнул я нахмурившейся Наиле. – Думаю, наркота может быть причиной вынесения ему приговора. Будучи приближенным к руководству части, Мамедов, наверняка, участвовал в этом деле. Тут он или начал злоупотреблять порошком, или еще хуже – запустил руку в товар. А такое не прощается...

Далее наркотрафик проходит в зависимости от ситуации через территорию Балакенского и Кусарского районов Азербайджана. В Балакенах перевалочная база – некий безымянный населенный пункт, находящийся в нескольких километрах выше села Катех и примыкающий к дагестанской границе. По информации, это место входит как бы клином на территорию Азербайджана – я имею в виду официальные границы. Перевалочная база с той стороны – Рутул. До него наркомаршрут проходит по недавно созданному заповеднику на территории Дагестана, потому идеально контролируется местными участниками. Со стороны Кусаров перевалочный пункт в Дагестане – это Магаррамкенд. Там проще, граница рядом.

На горных труднопроходимых перевалах используются вьючные животные: где ослы, где лошади. Весь этот трафик контролируется Организацией. Мансуров в этой цепочке – основная фигура, сопровождающая весь товар и распределяющая по населенным пунктам России. Практически во всех городах Мансуров имеет дело с цыганами. Исключение – Дагестан. Там за дело взялись менты, цыганам дали по шапке.

Мансуров у цыган – авторитет. Среди них он также известен как Альмансор...

– А почему вставка “Аль”? Почему не просто Мансур? – перебил Расулов. После услышанного он, кажется, забыл свои нешуточные обвинения.

Я пожал плечами. Вопрос выбывал из общего контекста.

– Я думаю, это связано с той же наркотой, – ответила Саламова. – Аль-Мансур – исторический персонаж, фактически единоличный правитель Кордовского халифата в Испании. В Европе был известен как Альмансор Победоносный. Говорят, Аль-Мансур был алхимик, достиг тайны философского камня и владел баснословными сокровищами. Наркота – это деньги. Соответственно, Мансуров, подключивший цыган к трафику, для них Альмансор. Но пусть Рома говорит, – заметив нетерпение в моем взгляде, закончила экскурс в историю Наиля.

– В Москве конечный пункт назначения наркоты – это Рижский вокзал и рынок. Тут переплелись криминальные интересы славян, азеров, даго-чехов и цыган. Отсюда и периодические стычки, нередко с летальным исходом. Цыгане, замаскировавшиеся торговлей сигаретами, условно названный “карабахский” наркотик стараются распространять не по самой Москве, чтобы не нарваться на конкурентов и спалить дело, а по периферии. Это сейчас их основное дело.

Организация Корейца, создав и контролируя наркотрафик, получает баснословный доход. Кроме того, цыгане – от-

личные поставщики информации, в том числе и в оперативном плане – к ним просто так не подступишься. Здесь законы “омерты” действуют покруче, чем у сицилийцев. В этом смысле Кореец удачно сочетает обе позиции.

– Одна развилка... Есть вторая? – спросил Мусаев. Я кивнул:

– Она проходит через азербайджанское село Садахло в Грузии, на стыке границ всех трех закавказских республик – это основной теневой перевалочный пункт региона. Это и баранина, и цветные металлы, и сигареты, сухофрукты, нефтепродукты...

– Ты хочешь сказать, что этот вездесущий Кореец замешан и в нефтяном бизнесе?

– Нет, командир, нефтедоллары хачики с тюрками, с участием братьев грузин делят сами. Хоть и парадокс, выходит, действительно, армянские танки на карабахском фронте заправляются азербайджанской нефтью. Это чисто криминальный бизнес. Но этот криминал, как видите, влияет на политику.

– А как все это проходит через государственные границы? Ты представляешь, скольких чиновников надо подкупить? Это и пограничники, и таможенники, и полиция, я еще не говорю о структурах национальной безопасности... Я допускаю, что коррупция бессмертна. Но все-таки идет война. На каком-то этапе эта связка просто должна оборваться!.. – полковник платком протер вспотевший лоб.

– На самом деле нелегальный товар из Азербайджана переправляется через КПП “Красный Мост” с накладными для грузинской стороны. Все чисто и, как бы вроде, законно. А дальше дело техники. В условленной точке производится бартер или купля-продажа. И так замкнутый, хорошо законспирированный круговорот. Потому и на некоторых наших торговых точках армянские конфеты, сигареты и коньяк, а у них наш чай, сухофрукты, баранина и т.д. Война войной, а кушать все хотят.

Помню, в 1992-ом задержали на Баладжарском железнодорожном узле состав с различной продукцией, следующий из РФ и предназначенный заказчику из Армении, но с грузинскими накладными. Я тогда в спецназе Мудрака служил, и нас отправили защитить состав от местных мародеров. Не знаю, кто тогда дал наводку, как определили настоящего заказчика и почему состав запустили через Азербайджан, мы просто приступили к выполнению задачи. Поговаривали, чего только не было в контейнерах! Продукты – я имею в виду различные зерновые и консервы, промышленные товары широкого потребления, стройматериалы, автомашины и автозапчасти на них, телевизоры и швейные цеховые машинки марки “Чайка”, даже несколько роялей... Нам сказали, что все конфискованное имущество МО будет распределять среди семей военнослужащих, в основном, погибших, инвалидов войны и т.д. Обещали и нам что-то перепадет за охранную услугу...

Как и следовало ожидать, нас кинули, и, сомневаюсь, что вся эта продукция вообще попала по назначению. Потому что в скором в некоторых комиссионных магазинах столицы появились товары из этого состава...

А теперь главное. Есть информация, что нефтепродукты для Армении в более крупных объемах поставляются в цистернах по железной дороге. Опять-таки с фальшивыми накладными якобы для Грузии. На самом деле нефтяные цистерны на границе присоединяются к грузинскому локомотиву, а тот перегоняет состав до самого пункта назначения в Армении. Чтобы скрыть принадлежность состава Азербайджану, инвентарные номера цистерн, обычно наносимые на хребтовой балке рамы, указываются где-то в тыльной стороне. Впрочем, это детали, их надо уточнять...

– А в Грузии эти действия не могут пресечь? Я имею в виду официальные власти? – это, обескураженно, Расулов.

– Зачем? Этот бизнес выгоден всем. В Грузии вообще криминал слился с властями и, наверняка, все крышует на высоком уровне. Проигрывает лишь наша армия, солдаты и офицеры которой погибают под снарядами противника, выпущенных из техники, заправляемой нашей же нефтью.

– Что мы сможем делать?.. – полковник заметно занервничал. – Чем глубже копаешь, тем тупиковая ситуация. Это все надо доказать. А у нас для этого недостаточно сил и средств. Не могу же я и эту позицию взвалить на ваши плечи.

– Я разузнал, что Кореец не прочь и эту позицию подмять

под себя. Организация собирает компромат на тех, кто ведет нефтяной бизнес в Закавказье. Я постараюсь найти доступ к более детальной информации. После надо обратиться к политическому руководству и задушить этот спрут на корню. А еще лучше, заранее выйти к первому лицу, убедить его фактическим материалом и получить санкции к оперативно-розыскным и карательным мероприятиям. С кем и как...

– Скажи мне, сынок... – я видел, что Мусаев все более мрачнел. – Ты знаешь, кто стоит за этим... за этой мерзостью? Я имею в виду нефть... и саму вершину пирамиды. Куда... вернее, в кого она упирается?

Я посмотрел на присутствующих. Дезертир явно скучал, ничего не понимая в русской речи. Саламова иногда шутиливо его отвлекала. Расулов уставился в одну точку, докуривал сигарету...

Я повернулся и попросил у рядом проходившей официантки ручку с бумагой. Та сразу же вырвала клочок из блокнота и передала мне вместе с ручкой, которой записывала заказы и выставляла счет. Я молча записал на бумаге имя достаточно известного человека в республике и показал полковнику. После поджег ее зажигалкой Расулова, которая валялась на столе.

– Если вы уверены в своих силах, если действительно верите, что сможете одолеть этого монстра, то давайте займемся и этой позицией, – я тихо проговорил. – Недавние события в Азербайджане, спровоцировавшие, в том числе мятеж,

в немалой степени связаны и с деятельностью этого человека... Если нет, то не надо ни себя, ни свою Контору, ни нас подставлять. Вернемся, как говорится, к нашим баранам...

Полковник не ответил. Прикурил очередную сигарету. После минутного молчания Расулов спросил.

– А куда следует вторая развилка наркотрафика. Полагаю, в Европу?

– Мне известно лишь ее проникновение в Восточную Европу. Это Югославия, Балканы и прочие. Не думаю, она дальше на запад проникает. В странах бывшего соцлагеря в настоящем бардак, и цыгане свободно там орудуют. А дальше их интересы пересеклись бы с другими, более сильными синдикатами, а также госслужбами, что для молодой организации Корейца было бы нежелательно. Думаю, и объемы наркоты не позволяют расширить дело. Эти штрихи мне точно неизвестны, лишь предположения.

Наркотики переправляются через порты в Батуми и Потю. Кстати, для выхода на европейские берега используются корабли торговых судов России...

Я не стал ожидать следующего вопроса и добавил:

– Изложенная информация абсолютна достоверна. У меня информатор в наркотрафике.

– Ты имеешь в виду Митяя? – неосторожно спросила Наиля и с плохо скрываемым недовольством добавила. – Теперь-то понятно, почему он пропал на целый месяц.

– А разве вы не обмениваетесь с разведанными? – тут же

спросил Расулов.

Саламова помрачнела и промолчала. После секундного замешательства я ответил.

– У нас нет возможности встречаться чаще. Мне удалось перетащить команду в Организацию. Это был вопрос безопасности. Но активность в общении с Саламовой может привлечь нежелательное внимание...

Да, кстати, необходимо появление брата Адылова – “женуха” Саламовой. Пусть по старому сценарию закатит скандал, сцены ревности. А то абсолютное не восприятие коллегой мужчин подозрительно смотрится даже для восточной женщины.

– Мне что, в интересах службы еще и... – в раздражении, не закончив речь, вспыхнула Наиля.

– Ответ некорректен, – отрезал Сабир Ахмедович. – Вы профессионал, эмоции излишни. Могли хотя бы имитировать что-то в этом роде или подать сигнал насчет Вахида. Это и наше упущение...

Да, кстати, насчет нежных чувств со стороны Мансурова, я предупредил Наилю. Мы тогда встретились в кафе за чашкой кофе. После некоторого раздумья она высказалась.

– Я что-то подобное уловила. Что скажешь?

Я пожал плечами:

– Он увлечен. Есть еще фактор Корейца. Думаю, взаимность с твоей стороны повредит делу. Ты будешь постоянно

в сфере их внимания.

– Ты что, дурак? – она тогда не на шутку разозлилась. – Неужели думаешь, что я смогу ответить этому изменнику взаимностью, если даже у меня возникнут чувства.

– А что спрашиваешь? – и я с заметным раздражением спросил.

Она на секунду промолчала.

– Гусейнов, ты даже чуточку меня не ревнуешь?

– Это исключено, – я сухо ответил. – Ты знаешь, для меня кроме жены, приоритетов нет.

– Да ладно, не дрейфь, – продолжила она с сарказмом, но напорвшись на мой угрюмый взгляд, тихо добавила:

– Успокойся, ты не в моем вкусе – слишком длинный. Я тебя дразню.

– Мы не дети и даже не друзья... – я холодно возразил. И, не сдержавшись, выпалил:

– Думаешь, я забуду, как ты меня подставила?

Она вспыхнула:

– Мне плевать! Если ты не способен понять мой поступок, значит, просто чурбан. И я не собираюсь каждый раз оправдываться... Давай, по существу. Что мне делать?

– Позови Вахида. Но чуточку обнови старый сюжет. После вновь прогони. Типа, обида твоя еще свежа. Это отвлечет на некоторое время. А после... после надо завершать операцию...

Она встала и, не прощаясь, направилась к двери. Я заме-

тил ее нетерпеливый жест к дамской сумочке и мысленно улыбнулся. Она захотела заплатить за себя, но передумала. Мы даже в мелочах вели себя как на мушке объектива. Так было надежнее.

Но мой совет она тогда проигнорировала. Мусаев не информирован был по этой позиции...

Теперь, вспомнив об этом, я добавил:

– Вы сцену с “женихом” внимательно отрепетируйте. Малейшая фальшь может все погубить. Это привлекло внимание Корейца.

Полковник кивнул:

– Давай закруглимся. Для завершения операции у вас четыре месяца. Нужна информация по всем трем направлениям: разведка, наркотики, нефть. Постарайтесь конкретизировать информацию...

Мы очень ценим вашу работу с “дезертирами”. Это, кроме текущей информации и будущая военно-политическая агентура. Мы внимательно изучаем составленные вами дезертирские списки, определяем среди них наиболее перспективных в оперативном плане, составляем на них личные дела и заносим туда же собранный вами компрометирующий и иной материал, особенно среди лиц армянской национальности.

Не забудьте также разработать фиктивную агентурную сеть, раз вы желаете после завершения операции остаться в стороне. Честно говоря, я все более убеждаюсь в правоте ва-

ших домыслов, так как процессы обещают быть громкими и, соответственно, резонансы их на ближнем зарубежье чувствительные. И надо учитывать тот фактор, что определенная часть нашего госаппарата заражена российской агентурой, в лучшем случае, лицами, симпатизирующими России, интересы которой на данном этапе, увы, на стороне противника.

Операцию по похищению Мансурова я по твоему настоянию, Гусейнов, отменяю. Пока... – он многозначительно посмотрел. – Я очень надеюсь на тебя, сынок, а главное, верю... – он покосился на Расулова, у которого разбежались глаза. – И прошу тебя не как официальное лицо, а как твой старший товарищ, твой фронтовой товарищ – не подведи...

Я молча кивнул.

– Это не все, – продолжил полковник, – хочу загрузить вас еще с одной позицией. Увы, больше некого, – развел он руками. – Помнишь, Магомедказиева?

– Ну конечно...

– Я кое-что тогда объяснил, – продолжил он. – Внедрение в наш регион так называемой ваххабитской идеологии – это западная разработка, конечно, при участии их саудовских и прочих сателлитов и с далеко идущими планами. Одна из целей – обеспечение доминирующей роли нефтегазодобычи арабских монархий, которые являются по сути внедрителями масонской стратегии в мировой политике и экономике. Таким образом они развалили СССР, также они смогут раз-

валить любую другую державу, основу экономики которой составляют экспорт нефти и нефтепродуктов. Саудовцы же рады будут сочетать приятное с полезным, то есть уничтожить с помощью сил западной коалиции экономику и политический строй идеологически враждебных им шиитских государств, находящихся на пути доставки нефти из Персидского залива в Европу или даже рядом с транзитом.

Существуют два предполагаемых кратчайших трубопроводных, а отсюда менее затратных маршрутов доставки стратегического топлива в Черное море. Первый – это через территорию Ирака и Сирии. Далее – суннитская Турция, которой в зависимости от ее поведения может приготовлена роль или очередной жертвы, или государства-транзита.

Второй – по оси Иран-Турция. Рядом богатый нефтью Азербайджан, который после обретения независимости все настойчивее пытается влезть в этот мировой нефтегазовый омут и этим раздражает традиционных в этой сфере игроков – арабских монархий.

Разумеется, для этого нужна подходящая среда, то есть нестабильные, желательно разрушенные экономически и политически, раздираемые религиозно-сектантскими распрями государства-транзиты. Нефтегазопромышленность в этих странах-жертвах в этом случае должна быть или уничтожена, или же поставлена на услужение новым хозяевам.

В этом контексте вполне заманчиво для этих “господ” выглядит столкновения двух непримиримых мусульманских

анклавов в ближневосточном регионе – ваххабитов и шиитов (с преобладающим алавитским населением в Сирии). В Азербайджане, “благодаря” внешним игрокам, теперь и те, и другие... Я повторяюсь для того, чтобы вы поняли, какая опасность нам грозит, возможно, в недалеком будущем.

– Что мы конкретно должны делать? – голос мой прозвучал чуточку резко. Я понимал, что нас банально грузят. – И какое отношение к сказанному имеет Магомедказиев? Вряд ли он разбирается в политических нюансах и скорее просто жертва, попавшая в сеть религиозной секты.

– Твой бывший побратим давно на свободе, – вставил Расулов. – После Мансурова Хаджимурата тоже отпустили “за взятку”.

– Только так мы могли не пробуждать подозрение его шейхов, – мрачно добавил Мусаев, – нам необходимо было информационное поле вокруг него. – Повторяю, это опасное конспиративное сообщество. Они имеют в Баку и пригородах свои мечети и не по дням, а по часам увеличивают число адептов. Они разные. От умеренных до ярых радикалов. Состоят из различных ячеек, порой конфликтующих между собой, но, по-видимому, в настоящем контролируются и направляются из единого центра.

Ты знаешь, почему мы так поступили. Тогда в камере Мансуров явно заинтересовался Хаджимуратом и настоятельно советовал ему перебраться в Москву, пообещав всякую поддержку. А нам интересен мотив... И вообще, на-

сколько русские заинтересованы в этом.

– У русских на Северном Кавказе “свои” радикалы, – нерешительно вставила Саламова, – и они представляют опасность для самой РФ. Зачем им наши?

– Как бы там ни было, это оперативная зацепка, – настоял полковник. – Ведь если психологический портрет, составленный нами для Мансурова верен, то он давно уже мыслит во всем оперативно. Хотя Гусейнов не согласен с этим... – он покосился на меня. – Сынок, я понимаю, мечь, глубокая психологическая травма, возможно, обернувшаяся определенным изменением личности в этом человеке, благодарность другу... Все это можно было учесть на начальном этапе, а теперь перед нами хорошо вышколенный агент иностранной разведки, деятельность которого представляет угрозу для безопасности страны. И твой долг, Гусейнов, нейтрализовать его, а не забивать голову сантиментами...

Я вздохнул. “Как вы все мне надоели и когда все это закончится...”

Взгляд мой уперся на остывшие чебуреки.

“Интересно, что у Джулии на обед?”

Накануне я просил ее о нашпигованном пряностями мясе в духовке. Она прекрасно это готовила...

– ...Сынок, из-за наших упреждающих действий ты все время на шаг впереди этого перевертыша. Вы оба не прошли профессиональную подготовку, но вас вышколила сама жизнь и обстоятельства. Помогли природный ум и хватка.

Вы являетесь зеркальным отражением друг друга, но антиподами в идеологии. По всем расчетам один должен исчезнуть. И я не хочу, чтобы это был ты.

– Это все?

Почему-то образ вышеназванного блюда не исчезал. Видимо, я был жутко голоден. Или это был психоз...

– Три дня назад мы получили информацию, что Магомедказиев собирается в Москву. Информатор передал, что он основательно укоротил бороду. Отсюда вывод: Хаджи управляется своими шейхами-кураторами, его инструктируют. Мы уже установили двух, так называемых, шейхов. Один саудит, другой из Эмиратов. Первый периодически появляется в Азербайджане по линии некоего Исламского Фонда Развития. Деятельность второго на стадии разработки. Известно лишь, что его наиболее преданные адепты усердно агитируют ваххабизм под прикрытием салафизма среди разных слоев населения, набирают сторонников в наших северных районах. Скорее, ваххабитское подполье в Азербайджане, конкретно ячейка Магомедказиева, решила расширить поле деятельности и с этой целью десантирует его в Москву. Он скоро появится. Тебе надо подготовиться к встрече. Можешь, например, уже сейчас сделать вид, что у тебя возникло желание стать правоверным мусульманином. Посещай столичную мечеть.

– Представляю конфуз моих армянских родственников, – недовольно пробурчал я, представив реакцию Джулии, кото-

рая вдруг застанет своего вроде вполне светского мужа со всколоченной бородой, укороченными штанами и усиленно молящегося в углу комнаты.

– Да, пока не забыл, мне интересен вот какой вопрос, – продолжил Мусаев. – Я констатировал для себя факт, что все эти ваххабиты фанатично преданы своим идеям. Я бы выдвинул вперед социальный фактор, как причину, исходя из своего сугубо материалистического восприятия или, допустим, финансовый. Мы знаем, что секта материально подпитывает своих бедных сторонников, решает их бытовые проблемы...

А нет, не сходится. В их среде достаточно состоятельные и, что конфузит, образованные люди, которые готовы отказаться от всего: семьи, родителей, богатства, положения в обществе и т.д. ради новой жизни. Это нелогично, и в этом главная опасность. Мы не знаем своего противника достаточно и практически не разбираемся в его методах ведения войны. А эта самая настоящая война, при попустительстве которая может обернуться страшнее Карабаха.

Так вот, мы хотели бы узнать, какими методами эта секта вербует сторонников...

– Однако, нам надо разойтись, – неожиданно вставила Саламова тихим, слегка встревоженным голосом. Я вопросительно посмотрел.

– Те двое, за тобой...

Я, не оборачиваясь:

– Знаю, северокавказцы. И что?

– Они пришли в кафе сразу после нас. Сидят друг против друга, молчат и без конца заказывают это мерзкое кофе. Я уловила у одного взгляд. Это слежка.

Уловить взгляд... Порой один такой взгляд раскрывает целое мероприятие.

Тут добавил Расулов:

– Когда я пошел за чебуреками, мне они тоже показались беспокойными. Как будто на пределе. Я подумал, это обычный синдром неуверенности новоприбывших в большую столицу.

Сабир Ахмедович:

–А, по-моему, у вас переигрывает воображение.

“Неужели Кореец?..” – я почувствовал холодок в теле. – “Но у нас нет северокавказцев. Среди тех, кого я знал, не было ни одного... Северо-Кавказ...”

И вдруг вспышка в сознании! Я вспомнил маленького, жилистого из двоих, со сломанным носом.

Кафе “Ласточка”. Он был среди дерущихся. Как можно было забыть человека с таким распечатанным носом!

“Но кто навел? Какова цель?..”

– Это по мою душу. Наши действия: мы церемонно прощаемся. И больше не приезжайте. Связь по-прежнему через Саламову... – это я Сабиру Ахмедовичу. – Теперь встаете, передаете мне деньги и тепло прощаетесь с пацаном. Расу-

лов, можете выжать слезу для пущей убедительности, – я не смог не съязвить даже в момент такого напряжения.

– Ты уверен, сынок? – с тревогой спросил полковник. – Кто они?

– Неважно. Вы должны уходить. Сами понимаете...

Мы почти одновременно встали. Мусаев вынул небольшой конверт и передал. После мы демонстративно крепко пожали друг другу руки. Сначала Расулов, а после и Сабир Ахмедович обняли Дезертира, сказали несколько подбадривающих слов, тот в ответ что-то заскулил...

Я уже не слышал слов прощания. Напряженно смотрел, как каждый взял свой немудрый скарб: полковник какую-то допотопную сумку, Расулов – дипломат и направились к выходу. Когда они вышли, Наиля с тревогой:

– Что теперь?

– Ты берешь этого щенка и проводишь к братьям. И предупреди, чтобы зря не дергались.

– А ты?

– Буду считать деньги. Буду медленно считать. Надо, чтобы гости достаточно удалились, а вы успели подготовиться. Дальше я резко пересяду к ним.

– Ты уверен?

– Расстояние, между нами, шагов пятнадцать. Они не успеют среагировать.

– А если...

– Не успеют. У них другая установка. И в кафе не решатся.

Жертвы, свидетели...

– Кто такие?

– Это месть. После объясню. Вероятно, намерены расправиться с нами на парковке, там удобно.

– А если все-таки... здесь?

“Все-таки еще девчонка...”

– Буду действовать по обстановке. И вы тоже. Ты заболталась.

– Понятно... – она “улыбнулась”. – Ну, я пошла...

Обняв дезертира за шею, она увела его с последним чебуреком, который тот успел прихватить со стола. Я открыл конверт и начал считать купюры. Меня беспокоило и то, что ствол под мышкой был на предохранителе. А это потерянные пару секунд при ином раскладе...

...Я резко встал и направился к столу кавказцев. Наши взгляды встретились. У “Малыша” глаза заметно сузились и беспокойно забегали. Как и задумал, они растерялись. Я на ходу прихватил стул у соседнего стола.

“Семь шагов. Пять... Можно использовать как оружие...”

Кажется, и они это поняли...

Поставив стул, я сел напротив. Налитые кровью и бешенством глаза. Не отводя взгляд, я чуть с напряжением проговорил:

– Главное, не делайте резких движений. Не успеете.

Грубый кавказский акцент:

– Что тебе надо?

У Малыша дрогнули губы. Пальцы впились в край стола. Большой был более спокоен, внимательно меня изучал.

– Кажется, это вам что-то надо. Не советую, будет много крови. Ты помнишь, я могу стрелять... – это я к Малышу.

– Ты нас пугаешь? – спросил Большой.

– Мы не дети. Я хочу, чтобы все остались живы...

Они переглянулись. Большой слегка развернулся и посмотрел в сторону братьев. Ничего не понимающий Дезертир дожевывал чебурек. Спортивная сумка братьев была уже не на полу, а на столе. Романовы с напряжением следили за ситуацией. Я не стал терять инициативу.

– Это плохая идея. Нам незачем убивать друг друга.

– Это ты начал! Ты стрелял в Мурада! Он мой брат!.. – Малыш с лаем выпалил. От необузданного гнева он брызгал слюной.

– “Ласточку” мы крышевали. Я стрелял, но никого не убил. Это бизнес.

– Плохой бизнес, раз свои же тебя сдали!.. – чуть ли не заревел Малыш. Большой схватил его за руку, но было поздно: птичка вылетела из гнезда.

Я все понял. Малыш затравленно оглянулся и вновь впился в меня безумными глазами.

“Федька! Сукин сын...”

– Мурад здесь?

– Ты хочешь извиниться? – переспросил Большой, все

еще сжимающий локоть невменяемого товарища.

– Вас подставили... – я подался назад. – Нас всех подставили. Если в ваших котелках мозги, а не опилки, вы меня спокойно выслушаете.

После небольшой паузы Большой нехотя ответил.

– Ты говори, мы слушаем.

– Нас заказали. Я понял. Но зачем вы? Что, сами не могли? Вы об этом подумали?

– ...

– Эта Бригада терпеть не может дагов. Вы друг друга физически не выносите. В последней перестрелке на Комсомольской они уложили троих ваших и сами потеряли бойца. Теперь откуда такое участие?

Я чувствовал нарастающее внимание оппонентов. Даже глаза Малыша становились осмысленными.

– Ты говори по существу... – это Большой.

– А я что?.. У нас свой кипиш. Они сами не решились на расправу, за нами стоят. Вот вас и подставляют. Расчет прост. Вы нас убираете, информация сливается нашим, и обе Бригады славян по всей Москве начинают отстрел дагов.

Тогда в “Ласточке” мы получили приказ завалить вас. Я предотвратил бойню. Вы все обязаны мне жизнью, в том числе, Мурад...

Мужчины растерянно переглянулись. У Большого со лба начали скатываться капли пота. Малыш же в непонятке смотрел то на меня, то на него.

“Пробитый...”

Но и он, видимо, начал улавливать суть.

– Да еще, только меня заказали или всех?

Они вновь переглянулись. Большой нехотя ответил:

– Сказали, девчонку не трогать.

– Ясно... Вы скажете заказчику, что людей в кафе было много и вы не рискнули пальнуть, испугались.

– Что-о! – Малыш опять завелся. – Чтобы мы испугались этих собак?.. А за Комсомольскую ответят. Аллахом клянусь! Суки, напали внезапно, как шакалы!

– На войне как на войне...

Большой кивнул:

– Ты дело говоришь, брат. Ты нам еще что-то скажешь?

Мы уходим.

– Передайте Мураду, что в воскресенье днем я буду ждать его в кабаке “Три Богатыря”. Со мной будет человек, который подтвердит мои слова насчет “Ласточки”...

“Три Богатыря” контролировался Корейцем и был для меня безопасным.

“Глупо. Абсолютной безопасности не бывает.” – Мозг успел опровергнуть свою же мысль.

– ...Пусть зайдет один или с вами. Мы перетерем тему...

Когда уходили, Малыш обернулся:

– Нам сказали, что ты азербайджанец.

– Врут. – Я равнодушно ответил.

Он, оборачиваясь, на ходу товарищу:

– Суки! И в этом наврали...
Далее я не услышал...

Глава XVIII

– А зачем вы скрыли национальность? – это спросила Аталай, которая, вздохнув, наконец, закрыла полураскрытый рот.

– А что мне, трубить надо было? – пожав плечами, возразил Длинный. – Кто знал, тот знал...

После некоторой паузы все же объяснил:

– У меня паспорт был на русского. Я и с Джулией зарегистрировался с этим паспортом.

– Ксенофонтов Олег Малахович, если не ошибаюсь, – тихо произнес Прилизанный.

– У вас хорошая память... – пристально посмотрел на чинушу Длинный. – С ксивой чисто, не подкопаешься.

– Хм... Меня не интересует ваша... ксива, – с досадой проворчал тот.

– Надеюсь... Вы производите впечатление порядочного человека.

– Вы кто сейчас, Ксенофонтов или Гусейнов? – не унималась Аталай.

– Разве это важно? Лучше слушайте дальше.

– А кем являлись эти кавказцы по нации? – вернул аудиторию к теме Арзуман. – Северный Кавказ большой.

– Они были смешанные. Это были, в общем-то, студенты, а не классическое криминальное сообщество. В процес-

се проживания в Москве они сгруппировались на базе этнической общности.

– Ничего себе, студенты? – удивилась Гюля. – Вас чуть не завалили. Ой!..

Длинный:

– Это ничего не значит. В начале 90-ых в Москве у каждого пацана-шестиклассника в кармане имелся хотя бы перочинный ножик. А в атмосфере нетерпимости, особенно этнической, кавказцы, чтобы выжить в среде огромной массы славян, просто должны были объединяться в малочисленные, но сплоченные общины. Это другой вопрос, что нередко они сливались с криминалом. Впрочем, в массе преступности в среде самих славян это была капля в море. Просто неким силам, чтобы управлять народом и отвлекать его от творимого произвола властей, нужно было раздувание кавказского этнического фактора...

Он призадумался. Прикурил очередную сигарету:

– То было диктатом времени. Исчезло понятие – советский человек, исчезла идеология. Уже ничего не объединяло русского, кавказца, узбека или татарина.

– Ладно, идеолог вы наш, – вновь вклинился Прилизанный, – все же объясните, почему хотели встретиться с этим Мурадом? Кстати, встретились?

– Да... – Длинный налил себе в рюмку водки и глотнул. – Надо было выяснить детали несостоявшегося покушения на нас. Кроме того, я хотел обзавестись связями среди дагов.

– Это зачем?

– Один из призывников-дезертиров, если не ошибаюсь, из Худата²⁰, выдал нам информацию, что на территорию Дагестана, вблизи наших границ, федералы массово перебрасывают живую силу и технику, реконструируют старые военные части и склады. У него в Касумкенде²¹ родственники.

А другой дезертир, тоже уроженец северного района Азербайджана, косвенно подтвердил эту информацию, опять-таки через родственников, проживающих в Дербенте и в Табасаране²². И добавил, что среди лезгинского населения Дагестана вновь активизировались садвалисты²³. Появились какие-то новые лидеры. Заново звучат призывы, агитирующие создание так называемого государства “Лезгистан” путем насильственного изменения государственных границ Азербайджана. Искусственно, видимо, с подачи наемных провокаторов, нагнеталось взаимоотношение между лезгинской и азербайджанской части населения Южного Дагестана

²⁰ Худат – город на северо-западе Азербайджана. Близ границ Дагестана и побережья Каспийского моря.

²¹ Касумкенд – село на юге Дагестана.

²² ... в Дербенте и в Табасаране – Дагестан.

²³ садвалисты – члены лезгинской националистической организации “Садвал” (Единство). Основной целью садвалистов является создание лезгинского государства “Лезгистан” на территориях юга Дагестана и севера Азербайджана в местах компактного или чересполосного проживания лезгин. С 1994-го года после взрывов в бакинском метро, где садвалисты выступили исполнителями заказа армянских спецслужб, в Азербайджане приравниваются к экстремистам и террористам.

с вероятной перспективой вливания этнического противостояния на Азербайджан. Что меня зацепило тогда, эти “борцы” за права лезгин призывали создать “государство” непременно в составе РФ, то есть, по существу, речь шла о призывах аннексии части северных территорий Азербайджана в пользу соседнего государства. Чувствовалась планомерность и финансирование процессов. Поскольку сама по себе кучка националистов-provokаторов, не имеющих среди лезгинского народа достаточной социальной базы, не могли самостоятельно не то, что функционировать, но и существовать...

– Эти процессы мы в свое время проследили и приняли упреждающие меры, – перебил рассказчика Прилизанный, – то были банальные политические игры с целью давления на политическую власть в нашей стране. Кстати, когда на высшем уровне утрясли проблемы, исчезла и потребность в таких... грязных методах. Садвалистам на территории РФ велели заткнуться, а у нас их почти всех выловили и осудили.

– На высшем уровне... Знаете, я не являлся политиком, не вращался в кулуарах власти, меня просто заинтересовали полученные сигналы, так как еще свежи были в памяти террористические акты, организованные противником на бакинских метростанциях...

Я вспомнил:

“Первый раз взрывное устройство огромной мощности привелось в действие в вагоне у станции метро “20 января”

19 марта 1994 года. Спустя 3 месяца второй взрыв прогремел между станциями “28 мая” и “Гянджлик”. Я к тому времени уже уволился из армии и только пробовал силы в журналистике. Потому смог прорваться в подземку после первого взрыва, видел последствия. После второго не смог, психику мог подорвать... В совокупности 27 погибших, около сотни раненых, сотни сломленных судеб, лишившихся родных, близких...”

Между тем Длинный продолжал рассказывать...

– ...Потому информация меня зацепила. Вы знаете эту грязную и кровавую историю. Я имею в виду взрывы в бакинском метро в 90-х. По материалам следствия в терактах были замешаны садвалисты, имеющие связи с армянскими службами. Доказано, что террористы проходили военно-диверсионную подготовку на территории Армении.

Исполнителя же второго теракта армяне завербовали в плену, обманным путем заманив его мать в Армению, якобы для переговоров с целью освобождения или выкупа сына. Посредниками выступили садвалисты. А после маму взяли в заложники и потребовали от сына совершить этот гнусный поступок. В случае отказа обещали не очень-то церемониться с нею... Вы же осознаете, что такое понятие “мать” для кавказца?

– Да, эту печальную историю мы знаем, – вздохнул Арзуман. – Но почему использовали садвалистов? Разве трудно

догадаться, что заказчик рано-поздно засветится? Что такие громкие преступления раскрываются.

– Властям Армении тогда было наплевать, что последует далее. Они насколько привыкли к безнаказанности, что могли себе позволить такую “роскошь” – действовать топорно. Цель: посеять в Азербайджане всеобщую панику и страх. В смысле, вас везде достанем, согласитесь на оккупацию земель. Во-вторых, как я и информировал, была поставлена задача спровоцировать азербайджанцев против лезгин и добиться дестабилизации на севере Азербайджана и в Южном Дагестане. Новая территориальная авантюра отвлекла бы Азербайджан от оккупации Карабаха и упростила бы захватнические цели Армении.

Тогда, на начальном этапе, политическое руководство Азербайджана смогло скрыть этнический фактор в преступлении от широкой общественности, а позже грамотно разложило всю провокацию перед народом, который все понял.

– Был ли в этом деле русский след? – я спросил.

– Однозначно, нет. У русских свои интересы в Азербайджане. Но они глобальные. Конечно, в случае необходимости русские охотно реанимируют всякий этнический проект – это их любимый конек, но взрывы в бакинской подземке армяне организовали сами с привлечением ресурсов своих международных террористических организаций. Их к тому времени столько развелось...

“Асала”, военизированные подразделения “Дашнакц-

утион”, СА – “Союз армян”, АНА – Армянская Национальная Армия, официально зарегистрированные вооруженные отряды АОД (Армянское Освободительное Движение), “Давид Сасунский”, “Андроник”, “Мстители” – (Вретарунер), “Евангилей”, “Екрапа”, “Суд армян” – (Айдат), “Муш”, “Лаура”, “Карабах”²⁴...

Подонки последней организации действовали в основном в Карабахе, убивали мирных азербайджанских крестьян, женщин, детей. А “Лаура” была названа “в честь” уроженки г. Сумгаит Лалаян Лауры Геворковны, бывшей работницы паспортного отдела ЖЭУ города. Предположительно, это она дала наводки на местных армян сумгаитскому палачу Григоряну²⁵. Это были те, которые отказались платить взносы в фонд печально известного общества “Крунк”. Позже Лалаян переедет в Ереван, где специализируется на допросах и пытках пленных азербайджанских женщин и детей. Документировано, что она с особой жестокостью умертвила 19 детей – шушинцев.

Надеюсь, излишне объяснять, что под понятием русские и армяне, я имею в виду исключительно их спецслужбы и политическое руководство.

– Получив сигналы по Дагестану, вы все-таки чего опасаетесь?

²⁴ О террористических организациях армян читай в “Преступления армянских террористических и бандитских формирований против человечества (XIX-XXI вв.). Краткая хронологическая хроника”. Баку-2002

²⁵ см. Однажды в Карабахе, История пятая, стр. 162-164; а также по материалам периодической печати.

лись, реанимации “лезгинского” проекта или военной угрозы в целом со стороны России? – спросил Прилизанный.

– И того, и другого. Накопление федеральных сил на границе, равно как и проект “Лезгистан” одинаково угрожали национальной безопасности Азербайджана. Оба проекта могли управляться из единого центра, а могли функционировать и автономно, если допустить фактор интересов России и Армении раздельно.

И еще, если из двух разных источников поступают почти идентичные по теме сигналы, это всегда наводит на размышления. Но когда получаешь третий...

– Да ну! Отсюда, пожалуйста, поподробнее, – оживился Прилизанный...

– Как-то к нам в гости заехали Артур с женой. Супруга его и Джулия были давнишние подруги, дружили и часто встречались. У Гаянэ была такая же благородная душа и открытый характер, как и у Артура. Потому и я приветствовал дружбу Джулии с ними.

Гаянка была неисправимой хохотушкой и, кажется, смогла бы разговорить даже мертвеца в отличие от сдержанной и консервативной Джулии. Может еще и эта противоположность в характерах влекла их друг другу. У Артура и Гаянэ рос трехлетний мальчик, но, когда они заваливались к нам, оставляли малыша с бабушкой.

И на этот раз Артур изначально был подшофе. В послед-

нее время я замечал, что его все больше тянет к выпивке, видел беспокойство в глазах Гаянки, потому старался его не провоцировать. И сегодня, учтя состояние Артура, я предложил холодный компот, чего он с негодованием отверг и потребовал яблочный самогон. Вздохнув, Джулия к водке подала разные холодные закуски, что у нее всегда великолепно получалось, и мы начали наслаждаться тихим, мирным вечером в родственном кругу. Пока внимание Артура не привлекло сообщение в новостях об очередной эскалации армяно-азербайджанского конфликта. Он прослушал, как-то призадумался и с заметно испорченным настроением произнес.

– Теперь уже за лезгин взялись. Мало им, что нашу жизнь испоганили, теперь за лезгин взялись...

– Артур!..

Махнув рукой на укоризненное замечание жены, он продолжил:

– Я же из Ленинакана вчера прилетел. Как-то с одним типом говорил. Он из этих... – покрутил пальцем у виска Артур. – Так вот, он на полном серьезе утверждал, что лезгины и армяне братья и что корни у них одинаковы.

– Да ну! – сердце у меня екнуло. Я наполнил его пустую рюмку. – Где армяне, где лезгины... Настолько мне известно, до русской аннексии Кавказа, армяне не особенно дружили с лезгинами, поскольку те нападали на них и продавали в рабство.

– А ты откуда знаешь? – удивился Артур.

Я прикусил губу:

– Тетя Клара рассказывала. Помнишь, старушку на первом этаже, – обратился я к Джулии. Она также удивленно подняла брови, но кивнула. Я облегченно вздохнул.

– Идиотизм! – продолжал возмущаться Артур. – Этот урод откуда-то выкопал несколько слов, одинаково или схоже звучащие на обоих языках, и по смыслу тоже идентичные... Гайка, – обернувшись, обратился он к жене, которая о чем-то перешептывалась с Джулией, – подскажи, джана, я забыл.

– Ножницы... – не сдержавшись, хихикнула та, – мыкрат²⁶. Артур, ты пьян, не увлекайся.

– Я у брата дома. Где мне еще опьянеть?

– Хочешь сказать, что ножницы у армян и у лезгин звучат одинаково? – я вернул его к теме.

– Ты представляешь? Оказывается, да... – он опрокинул рюмку. – И из этого следует, что мы с ними братья, ну, в худшем случае, родственники.

– Да ладно... – наполнил свою рюмку и я. – Теперь у нас с вами идентичны десятки слов. Например, долма²⁷. А мы

²⁶ мыкрат – ножницы, на армянском, и на лезгинском – микрат, имеют аналогичное понятие.

²⁷ долма – уникальное национальное блюдо азербайджанцев. Название от тюркского “долдурма”, то есть, “заполнение”. Имеется в виду заполнение виноградного листа мясной начинкой. Широко распространена в кухнях народов Кавказа, Балканского полуострова, Передней и Центральной Азии, Северной Африки. По

воюем...

Артур мгновенно преобразился в лице:

– Э, нет... Не мы с тобой воюем, брат, ты не путай... – он указательным пальцем помахал. – Воюют одни мудаки с другими. А мы, нормальные люди, сидим с тобой и пьем. Еще и породнились назло.

– Не все так просто... – я чувствовал, что надо его спровоцировать. – Эта тема не насчет умных или глупых. Если тебе плюнули в щеку, то ты должен или как по Библии, подставить зз... другую, или же развернуться и дать по морде...

Артур вовсе не ожидал такого выпада. Потому некоторое время остолбенело смотрел воспаленными глазами, переосмысливая услышанное. После тихо выговорил:

– Если даже так, то эти оплеванные и замордованные долбоебы, наконец, могут остановиться однажды, зализать раны и подумать, кто их друг на друга натравливает. И, объединившись, дать бой этим ублюдкам... Могут или не могут! – последнюю фразу он почти заорал.

– Артур!..

– Рома!..

Он опять махнул на обеспокоившихся не на шутку женщин.

– Конечно, могут. Так и будет в конце... – я примиритель-

итогам 12-й сессии межправительственного комитета по охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО именно азербайджанская долма была признана одним из элементов нематериального культурного наследия человечества.

но ответил, уловив страх в глазах беременной жены. Но Артур уже был на взводе. Он и так был эмоциональный, тут водка и эта скользкая тема вовсе вывели его из себя.

– Ты думаешь, я пьян и просто так ляпнул про эти хреновы ножницы? – продолжал орать он. – Ты думаешь, этот тип, который сочинил эту туфту, сам не понимает это?

Я обнял его за плечи и попытался успокоить. Оттолкнув меня, он вновь выпалил:

– Он отлично все понимает, а развивает все это из-за того, что мерзавец и один из тех, кто заварил эту кашу в Карабахе. Теперь ты понял, почему меня колышат эти ножницы? Потому что я хорошо понимаю, если этот тип, который не оставляет нас в покое даже здесь, в сотнях тысяч км. вдали от этой долбаной исторической родины, решил скреститься с лезгинами, значит, такую же мусть готовят людям и там...

Тут ко мне на помощь пришла Гаянэ. Она как фурия налетела на подвыпившего мужа, начала кричать и тащить его с дивана.

– Ты что, совсем дурак? – ее истеричный визг заглушил звук телевизора. – На какой черт нам сдался этот Карабах здесь, в Москве, мы еле избавились от этого кошмара в Армении или этим несчастным, – показала она на Джулию, – которые лишились всего у себя там в Баку? Вах!.. Начали с ножниц, закончили Карабахом. У тебя что, другой темы нет? В следующий раз я выгоню этого гадкого старикашку, который все твои мозги просрал...

– Все! Замолчи!.. – визг жены, кажется, отрезвил Артура. Он налил себе в бокал минеральную и выпил. – Ты извини... – немного смущенно обратился ко мне. – И ты, Джуль... Не знаю, что на меня нашло. Я выйду...

Я помог ему встать, передал Гаянке, которая, обняв мужа, повела в ванную. Было слышно ее удаляющееся ворчание.

– А я знаю. Пить надо меньше!.. И чтоб после духа этого Размика с его нахальной шлюшкой у нас дома не было! Ты думаешь, я не видела, как она тебе глазки строила, пока этот старый болван меня историей древней Армении насиловал. Я чуть с ума не сошла! Тьфу!.. Ты хочешь, чтобы я у этой общипанной курицы наглые, раскрашенные глазки выцарапала? Ты этого хочешь?.. Зачем в моем доме ее голые, кривые ножки! – ворчание переросло в пронзительный крик.

– Что ты говоришь? Какие ножки? Они услышат...

– Пусть слышат. Что они, эту шалавку Люську не видали? Повесила свои куриные ножки на шею этого старого индюка, у которого все давно не работает... в буквальном смысле и сосет у него последние гроши вместе с мозгами. Лучше он своих голожопых родственников в Ереване накормил...

Вечер был испорчен, и они, наскоро попрощавшись, уехали. Я чувствовал, что и Джулия была недовольна. Ей было неприятно, что я среагировал на столь щекотливую для нее тему, хотя и пыталась скрыть это, и потому, сославшись на головную боль, пошла спать, оставив меня наедине с тревожными мыслями.

Я понимал, что Артур Манучаров не простой обыватель, и, вероятно, все-таки имеет отношение к подрывной деятельности отца или хотя бы в курсе его дел. Хотя я всегда чувствовал его антипатию к национальным распрям, в частности, между армянами и азербайджанцами. Артур всегда прекрасно относился к азербайджанцам, проживающим в Москве, особенно к бакинцам. Насколько Спартак был неприятен и опасен, настолько открыт и добр был сын. Наверняка, он столкнулся с кем-то из тех, кто рулит в этом направлении в Армении, и, спровоцированный мною, сболтнул конкретную информацию.

“...этот тип... не оставляет нас в покое... здесь...”

Я вдруг осознал, что мозг продолжает озвучивать эту фразу...

Проанализировав всю полученную информацию, мы с Саламовой пришли тогда к выводу, что противник действительно пытается реанимировать этническую карту на севере страны. Вы знаете, с приходом к власти Гейдара Алиева запущенная враждебно настроенными силами программа по федерализации Азербайджана полностью развалилась. Курды, сами превратившиеся в беженцев “благодаря” оккупации, талыши на юге, лезгины и авары на севере не пошли на эту авантюру и выступили с братьями-азербайджанцами, с которыми веками мирно жили бок о бок, единой позицией. Но это не значило, что все было гладко. Многие провокаторы

и националисты, особенно из среды так называемой этнической интеллигенции затаились и мечтали о новой эскалации. Вот где была благодатная среда для вражеских спецслужб.

Чтобы не быть голословным сообщу, что через некоторое время мы раздобыли по этой теме фактический материал с разоблачением нескольких “этнических интеллигентов”, и с доказательной базой их связей с противником отправили в Центр. Помню, одного авантюриста, то ли поэта, то ли публициста из южного региона хотели протолкнуть аж в парламент. Ну, мы его и протолкнули, только сугубо в обратном направлении – заседать на зоне. После наших донесений были произведены аресты также в Баку, в Ленкорани и в Кусарах...

– А по федеральным силам в Дагестане вы разобрались? – перебил Прилизанный.

Длинный кивнул:

– В этом, кстати, помог Мурад. Он предоставил нам по федералам исчерпывающую информацию.

Мы тогда правильно проанализировали, что пока существует де-факто независимая Чечня, на данном этапе от России Азербайджану ничего не грозит. Дестабилизация границы этническим фактором грозила безопасности и самой России, остерегающейся принципа домино в этом вопросе. Кому-кому, русским хорошо было известно, что означает этническая бомба в таком взрывоопасном регионе, как Дагестан.

Так что в “лезгинском” направлении армянские спецслужбы действовали исключительно по своей инициативе.

– Вы так и не объяснили причину активизации русских на наших северных границах.

– Чечня, в первую очередь. Русские собирались основательно утвердиться в этом мятежном регионе. Тут даже их тогдашнее инфантильное руководство понимало, что дальнейшее промедление в этом вопросе грозит развалом империи, вернее, того, что от нее осталось. Дух свободы не вмещается в границы. Особенно, если оно будет подогреваться извне...

Развертывание очередной этнической авантюры на Кавказе, особенно после, когда Азербайджан успешно управился с угрозами федерализации, для русских было бессмысленно, ущербно, да и сил у них для этой цели не хватило бы.

– Расскажите, как вы с Мурадом встретились, – напомнила Аталай.

– С ним мы во всем разобрались. Он в ресторан зашел один. Я так и думал, что ментальная гордость не позволит ему взять с собой внутрь товарищей.

– То есть, они ждали снаружи?

– Да, те двое.

– А вы?

– Сидел в общем зале, тоже один. Нас страховали Романовы, расположившиеся у окон верхнего этажа заведения. Я остерегался Федьки, он мог пронюхать о встрече. Митяй си-

дел за рулем напротив машины гостей, где ожидали своего предводителя уже знакомые нам типы – Малыш и Большой. После я позвал Кощея, и он подтвердил приказ Игорьька о расстреле мурадовской команды в “Ласточке”.

Мурад оказался интересным оппонентом. Учился в МГУ Ломоносова на юридическом, занимался единоборствами. Дядя его занимал некий пост в местном исполнительном аппарате. Он и отправил его на учебу с двоюродным братом, финансировал. Выслушав Митяя и поняв, что действительно обязан мне жизнью, Мурад в последующем стал верным другом.

– Кто он был по нации?

– Кумык. Это тюркский народ, мы почти идентичны. Мы быстро подружились.

– Вы хорошо разбираетесь в этнических особенностях горцев?

– Достаточно. Вам так интересно? – чувствовалось, что наводящие вопросы раздражали Длинного, который при этом терял нить своего достаточно сложного рассказа.

– Мне сейчас все интересно, голубчик, – ответил тот, в очередной раз вытирая вспотевшие очки. – Вы мне другого выбора не оставили.

– Я Мурада подвязал к группе Наили Саламовой. Я знал слабое место молодых дагестанцев. Все они, так или иначе, хотели зацепиться в Москве, в Питере, в любом другом промышленном городе РФ.

Объясняю тем, кто не знает. Многонациональный Дагестан – это аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, азербайджанцы, чеченцы-аккинцы, ногайцы, рутульцы, агулы, цахуры, евреи горские, русские, армяне, таты... Всего, кажется, около 60 народностей. Всем им приходится вариться в едином котле и при этом не лезть в жизненное пространство друг друга. Представляете, какая толерантность и мудрость сосуществования, веками отточенная и основанная на одном простом принципе – живи и дай жить другим...

Но пространство все сужалось в связи с ростом населения и наиболее пассионарным приходилось осваивать новые просторы.

– Вы что, им тоже помогали уклоняться от призыва? – воскликнула Аталай.

– В этом не было необходимости. Дагов в то время и так “деликатно” призывали в армию, учитывая тогдашнюю сложную военно-политическую обстановку в Северо-Кавказском ВО. Мурада же заинтересовали дополнительные возможности легального получения московской и питерской прописки. В основном через фиктивные браки, которые нами уже были поставлены на конвейер. Ведь у каждого дагестанца на родине оставались десятки родственников, которых также надо было устраивать потеплее.

– Господи! – воскликнула Аталай. – Вам что, не жалко было этих русских? Ведь, заселяя их города, по существу,

чужими им по менталитету южанами, вы ссужали их среду обитания, ограничивали жизненный простор!..

– Что вы говорите! – удивился Длинный. – Жизненный простор... Русским раньше надо было об этом думать, когда империю создавали. Пару веков назад их вообще-то никто ни на Кавказ, ни в Туркестан не звал. Теперь должны терпеть обратных визитеров. История-то, ведь, она как бумеранг, сегодня ты машешь, завтра тебя по балде...

Если Россия – империя, то значит там все – русские, татары, кавказцы, туркестанцы, чукчи, да хоть марсиане – все те, которые с “русским миром”. Если это просто Русь, то будьте любезны обратно в Московию. Тогда уходите отовсюду... Да и что значит чужой менталитет? Вот вы, дорогуша, разговариваете со мной на чистом русском, жалеете угнетенный “эмигрантами” русский народ, наверняка по телеку прокручиваете русские каналы почаще, чем отечественные и уверен, что окончили в Баку русский сектор средней школы, так?

– Ну так... Какое это имеет значение? – немного засмутилась она. – У нас, вроде, русскоязычие не запрещено.

– Ну, и слава Богу. Не в этом речь. У нас хоть на иврите говори, лишь бы голос не повышай... Речь о другом. Многое вас отличает от русского в ментальном плане? Я имею в виду понятия, допустим, добра и зла, семья, долг перед отечеством, совесть...

– Не-ет. Вроде нет...

– Или, как вы думаете, например, Ганмуратбеку, наиболее сохранившего свои ментальные черты, где было бы удобно жить? В Штатах или в России?

– У себя в горах! – ляпнул, не сдержавшись, Бакинец и тут же получил тумака по шее от Древнего Огуза.

– Твою!.. – заревел городской житель, ухватившись за пострадавшее место. – Чтоб ты сдох, горилла! Ты же сам эти долбанные горы каждую минуту вспоминаешь?

– Тебе незачем трогать их поганым языком, городской пройдоха... – процедил тот.

– Хочу сказать, что в ментальности кавказца и русского нет особенного различия, раз они столь долгое время проживали совместно, дружили, роднились, воевали с общим врагом и когда-то строили единое коммунистическое будущее. А при желании и двух братьев можно поссорить.

– Ладно, философ вы наш, ответьте, что конкретно вы приобрели от сотрудничества с этими молодыми дагестанцами, – вновь вернул рассказ в русло Прилизанный.

– Оно себя полностью оправдало. Через них мы получили доступ к военно-политической информации непосредственно из территории Дагестана.

Многие тамошние граждане, особенно лезгины, охотно служили на контрактной основе в армии. Это было выгодно обеим сторонам. Для русских это хоть как-то снимало проблемы с трудоустройством местного населения, а во-вторых, укомплектовывались военные части. В то время зарплата у

военнослужащих РФ на ладан дышала. Так что, допустим, должность прапорщика особым почетом среди россиян не пользовалась. Но для местных это было выходом. Служили почти рядом с домом, да и в свободное от службы время можно было картошку на поле посадить. Вот эти и военнослужащие или их родня тоже своих отпрысков в Москве желали устроить, понимаете какой клондайк оперативного материала?

Так что Саламова не скучала. Братья ей содействовали, в основном находились при ней, когда та выбалтывала развединформацию. Да, кстати, у Романовых была одна хорошая черта – не задавали лишних вопросов, если даже какие-то действия сестры не совсем осмысливали. Наверное, давно восприняли ее интеллектуальное лидерство.

Кое-какую информацию мурадовцы раздобыли по заказу, в смысле, за плату.

– Какую? Уточните.

– Это было позже, когда я встретился с Магомедказиевым. Мне надо было уточнить детали маршрутов проникновения ваххабитов в Дагестан, в Чечню и в Азербайджан.

– Маршруты?

– Да, их была несколько. В основном проникали через Грузию, из Панкисского ущелья – это в Чечню. Ну и те, которые просачивались по обе стороны оси Азербайджан-Дагестан под разными предлогами. То они торговые агенты, то представители духовных центров мусульманских стран,

занимающиеся благотворительностью. Имеется в виду в основном арабские монархии Персидского залива. Ну и прочий контингент.

– Мне одно неясно, – это подключился Арзуман, – если мировым силам понадобилось раздробить оставшуюся часть империи русских, то зачем им надо было отправлять на Северный Кавказ непременно этих бородатых товарищей? Не проще было внедрять наемников?

– С помощью религии они рассчитывали преобразить национально-освободительные движения на Кавказе в межконфессиональное, противопоставляя христиан и мусульман с перспективой поползновения процесса и в другие регионы. Они верно прогнозировали, что империя может с легкостью разобратся с отдельными своими взбунтовавшимися частями, а вот религиозный пожар мог бы объединить многих нерусских этносов против титульной нации. Вот тогда окончательный развал России был бы неизбежен. Я думаю, программа – управляемый хаос определенными кругами Запада уже тогда была запущена. Во всяком случае, в постсоветском пространстве.

В какой-то мере на Кавказе это удалось. Постепенно руководство в сопротивлении начали захватывать фигуры, которых наспиговали в арабских странах ваххабитскими идеями о всемирном халифате и прочей бурдой. Вот так и тему “незалежной” Ичкерии постепенно начала заменять тема “Имарат Кавказ”.

Но, говорят, коли хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о планах. Я верю, что в какие-то судьбоносные моменты подключаются высшие силы. Да, я имею в виду Путина... Знаю, коррупция, авторитаризм, прочее... – он жестом предупредил возмущение Аталай, которая, видимо, собралась что-то возразить, – но где их нет? Но вы просто сравните Россию времен Ельцина с путинской. Или сравните Азербайджан... Хотя откуда, вас тогда и в проекте не было, – махнул он на нее рукой, – вы все сразу так вылупились – все умненькие...

Поймите, форма управление оттачивается веками и прежде всего формируется ментальностью народа. Россия, несмотря на разные пышные евроопределения, все-таки больше Восток – Азия. Русские по сути – это те же ордынцы и отсюда фактор сильного, стабильного лидера. Такую большую территорию и столько народов одной демократией не управишь.

Ну и личность Кадырова тоже неординарна. Разное можно услышать, но факт остается фактом – он смог возродить Чечню из пепла и в буквальном смысле спас свой народ от полномасштабного физического уничтожения. Если вы помните, в одно время озлобленные бесконечными кровавыми вендеттами федералы и чеченцы с особой беспощадностью начали истреблять друг друга. Чечня тогда превратилась в руины...

Я не знаю, как и о чем договаривались друг с другом Путин с Кадыровым. Но в результате один спас державу, а другой свой народ. Думаю, это главное и об этом хватит.

– А как прошла встреча с Магомедказиевым? – спросил вновь Прилизанный.

– Мне повезло. Не пришлось имитировать ни внезапно проснувшуюся любовь к религии, ни другой какой прием. Это меня очень тяготило бы. В этом случае я должен был полностью отказаться от спиртного, а в Москве, в особенности в 20-25 градусную зиму...

– Я бы тебя уважать перестал бы... – перебил Ветеран в тельняшке, который как раз в тот момент был занят выжиманием последних капель волшебного напитка из опустевшей бутылки “Распутина”. Окончив процедуру, он возмущенно обратился к публике:

– Представляете, братаны, кругом все молятся, скоро не с кем будет пить!..

Глава XIX

– Как-то при встрече Мансуров с улыбкой заявил о прибытии в столицу бывшего нашего бородатого товарища, – флегматично продолжил Длинный, пропустив реплику Тельняшки. – Ну, я, действительно, обрадовался. Сам по себе Хаджимурат Магомедказиев был искренним, с открытой душой и, действительно, глубоко верующим человеком. Таких кукловоды религий обычно используют как расходный материал, бессовестно эксплуатируя и, нередко, подставляя. К сожалению, большинство их почти невозможно переубедить, взывая ни к логике, ни к фактам. Такое ощущение, что их просто программируют на определенную частоту в подсознании, в восприятие действительности на очень искаженном уровне. Видимо, ключ к этой разгадке и искал полковник Мусаев...

– Ассалам-алекум, о любимец Всевышнего! Чтоб его взоры неустанно следили за тобой и привели, наконец, к стопам ислама, – радостно потряс руку и сдержанно обнял меня мой бывший сокамерник.

– Братец, ты что-то путаешь, он вообще-то мусульманин? – немного удивленно возразил Мансуров.

– Он такой же мусульманин, как и ты, братец, и как любой китаец, который пьет вино и ест свинину, – уклончиво ответил тот, продолжая улыбаться. – Пусть Аллах наградит вашу душу светом истинной веры!

– Твою... – с досадой покачал головой Мансуров. – За два дня он так заср...л мозги, что теперь с каждой рюмкой мне будут мерещиться бородатые черти, ждущие меня с огромными сковородками у адского пламени. Отстань от нас, пьявка!

– Я все равно буду молиться за спасение ваших душ, – смиренно возвел руки к небу исламист, – но спасение утопающих прежде всего дело рук самих утопающих.

– Это тоже написано в Коране?

– Да, братец. Просто не каждый может узреть это...

Хаджимурата уже одели и обули, и он, не смотря на бороду, в черной кожаной куртке очень даже современно смотрелся. Конфузили лишь неприлично засученные вверх брючины, оголяющие носки поверх модных кроссовок.

Уловив мой взгляд, Мансуров ухмыльнулся:

– Это у них дресс-код такой. Брюки должны быть укорочены в противовес бороде. Этим они определяют братьев по вере. Я ему предложил свои цветастые пляжные шорты, но он гордо отказался...

Мы рассмеялись. Этот день провели вместе, помогли временно обустроиться Магомедказиеву...

– А чем он собирался кормиться в Москве? – спросил Прилизанный. – Одними проповедями ведь сыт не будешь?

– У него были деньги, нормальные деньги. Это позже выяснилось. А Мансуров подбросил немного подъемные. Сна-

чала хотели купить для него палатку на площади Трех вокзалов. Но, поразмыслив, отказались от этой затеи.

– Почему?

– Основной доход в палатках шел от спиртного и сигарет. А для Хаджи даже прикасаться к спиртному было неприемлемо. Да и не сошелся бы он со своей религией и бородой с братками, тогда для Москвы это было дико. Для ОМОН-а же каждый бородатый кавказец считался потенциальным террористом.

Тогда я подкинул идею открыть хлебобулочную. Тема понравилась. Тем более я уже, как вы понимаете, был профи в этом вопросе. Пекарни и кондитерские заведения Самвела Манучарова были разбросаны к тому времени по всей Москве. Тесть все более отходил от дел, и ему нравилось, как я успешно справляюсь с семейным бизнесом.

Естественно, навязывая Магомедказиеву хлебобулочную идею, я преследовал свои цели. Находясь экономически на одной волне с Хаджи, я мог бы лучше его контролировать и быть в курсе религиозных разработок Организации.

Все так и получилось. Для Хаджи приобрели небольшое двухэтажное здание совкового типа недалеко от Соборной мечети. Ранее здесь находились офисы нескольких компаний. Позже невидимый хозяин решил вовсе ее продать. На вопрос, откуда деньги на раскрутку, Хаджи, краснея, солгал, что он в Закаталах дом продал, а часть одолжил у друзей. Второй пункт показался более убедительным – однозначно

его инвестировала ячейка. Позже Контора выяснила, что никакой недвижимости Магомедказиев в Закаталах не продавал. В огромном доме, где он ранее проживал, остались его престарелая мать с незамужней сестрой.

Магомедказиев с семьей расположились на втором этаже. А на первом, убрав несколько перегородок, мы организовали небольшой цех, поставили необходимое оборудование, в том числе два тандыра²⁸ и объемную печь для выпечки хлеба. Далее мы расширили помещение за счет улицы, достроив небольшой магазин. Я из своих пекарен перевел к Хаджи двоих таджиков-профессионалов. Наняли других работников, обучили, и в скором предприятии Магомедказиева заработало на полную мощь, наполняя ближайшие улицы ароматом свежесвепеченного хлеба и различных булочных изделий...

– Оказывается, вот кто организовал первые ячейки исламистов в первопрестольной, – ехидно перебила Гюлечка. – Сначала кавказцев пристроили, после этих...

– Дорогуша, вы мои преступления преувеличиваете, – скромно возразил Длинный, – кавказцы и исламисты и до меня облюбовали Россию, я лишь позаботился об их пропитании. Поскольку через короткое время многие молящиеся мусульмане столицы стали клиентами Магомедказиева, и его

²⁸ тандыр – специальная печь из глины для приготовления разнообразных традиционных блюд у многих народов Азии.

идеологические и финансовые дела пошли в гору.

– Вам удалось разузнать, почему русские были заинтересованы в “экстрадиции” Магомедкадиева в Москву? – спросил Прилизанный.

– Русские... Это, пожалуй, слишком обобщенно. Речь идет об организации Корейца и о тех, которые стояли за ней. Я коротко изложу, а после буду развивать тему по необходимости...

Планировалось идеологически преобразить общину Магомедкадиева, развернуть ее в сторону российской государственности, постепенно отрывая ее от прежних устоев. Потому даже скрытно начали содействовать ее становлению, попутно внедряя в нее свою целевую агентуру. В конечном этапе планировалось укоренить ваххабитскую идеологию внутри общины, противопоставляя им постулаты традиционного ислама. Короче, ислам с российским лицом, проще “русский ислам”, – вот была цель Организации насчет общины Магомедкадиева.

Как я понял еще, это было, помимо прочего, своего рода экспериментом. Вы знаете, эти новоявленные радикалы фанатично преданы своим идеям. В случае успешного перевоплощения общины эти разработки планировали практиковать уже непосредственно на Северном Кавказе, в других мусульманских регионах РФ, зараженными ваххабизмом.

Кореец с подачи Мансурова с самого начала сделал ставку на Хаджимурата, как на будущего идеологического лидера,

учитывая его личность и психологический портрет. Хаджи, как я и отметил, был искренно верующим, безупречно честным и порядочным человеком. Его невозможно было вербальнуть, подкупить, утратить. Лишь переубедить.

Насколько мне известно, позже была проведена большая идеологическая работа внутри общины. Адептам регулярно подбрасывали информацию, порочащую Запад с его нетрадиционными гей и лесби институтами, с сатанинскими организациями, разоблачением масонства, деструктивной работой западных спецслужб среди мусульманских народов. Роскошь и богатство арабских шейхов на фоне неопишуемой бедноты-нищенства простых мусульман, прочее...

Мне известно, что ГРУ через общину Магомедказиева в дальнейшем действительно перебросило профессионально подготовленную агентуру в чеченское подполье, и те смогли предпринять внутри сопротивления разлагающие, саботажные действия. Я мог бы назвать имена нескольких одиозных деятелей этой общины, которых просто ликвидировали, устроив им несчастные случаи с бытовой подоплекой, поскольку не смогли ни переубедить, ни подкупить. По существу, эта ветвь исламистов, то есть, условно назовем их магомедказиевцами, до сих пор подконтрольны российским спецслужбам и выполняют их цели и задачи, возможно, вслепую...

– Вы участвовали в этих разработках?

– Нет. Я, скажем так, контактировал с ними по мере необ-

ходимости. В дальнейшем мы смогли предотвратить их действия, нацеленные на подрыв светских устоев в Азербайджане. Вы будете информированы.

– Хотя бы обрисуйте в общих чертах, – попросил Прили-
занный.

– Во-первых, установили маршруты и перевалочные пункты ваххабитских эмиссаров из Москвы в Дагестан, далее в Баку. Дело в том, что приблизительно с этого времени или, может, чуть раньше, новоявленные исламистские центры начали, как грибы расти на российских просторах, активно внедряясь в том числе и в экономику. Начало и середина 90-х Россия была Клондайком для тех, у кого в наличии имелся хоть какой начальный капитал, а для нефтяных шейхов деньги, вообще, как мусор. Так что в скором финансирование исламистских ячеек пошло уже в обратном направлении – с севера на юг и в первое время налом, так как все банковские поступления, связанные со странами Персидского залива, особенно для Кавказского региона, строго контролировались как западными, так и российскими спецслужбами. По этим же путям перевозились религиозная литература, оружие, боеприпасы. Это позже, когда спецслужбы накрыли сухопутные маршруты, для радикалов придумали другие варианты.

– Например?

– Допустим, рейсы отдельных физических лиц на частных самолетах, встречаемых на очень высоком уровне, – тут

не до пограничного контроля – попробуй, подойди... Далее, был такой распространенный способ. Поставлялись в Баку, в Москву или в Казань, неважно, товары по невероятно низким ценам, нередко бесплатно, с мотивацией исламской благотворительности. Это и ювелирные изделия, и электроника, и автомашины... Прибыль от продажи, естественно, оседала в карманах тех, кому она предназначалась, а после вкладывалась в цели, которые преследовались. Или дипломатическая почта...

Господи, да мало ли! Были бы деньги, доставить их куда и кому, поверьте, не проблема.

Учитывая растущий размах общины, интенсивное пополнение их рядов и вливания в нее невероятных финансов, мы с Саламовой ускорили процесс отправки имеющихся у нас материалов бакинским товарищам. Но, к сожалению, там не смогли развить успех в этом направлении. Или не захотели... Дело в том, что эти исламистские центры, ловко подключив финансовые и прочие рычаги, успели закрепиться в самых высоких слоях в Азербайджане, вышли и на тех, которые негласно пользуются статусом неприкосновенности. Дошло даже до абсурда. Детей этих высокопоставленных родителей исламисты тоже начали привлекать в свою среду, а дальше по цепочке: окружение, сверстники, охрана, прочий обслуживающий контингент и т.д. Эта категория вливалась в поток в основном из-за экономических соображений. Кто-то не хотел терять работу, кто, наоборот, хотел подняться выше. Ну и

пропаганда сработала. Ведь одним из столповых принципов “новоявленного” течения было, хоть и смешно звучит, мушкетерская – один за всех и наоборот. Это была очень успешно придуманная модель, которая неплохо сработала еще и из-за коррупционных реалий в Азербайджане, где бесплатно не то, что тебе “здрости” не скажут, даже в лицо не плюнут...

– Что вы болтаете, – разозлился, как и следовало ожидать, Прилизанный. – “Бесплатно в лицо не плюнут!..” – Мне, чтобы доказывать обратное, плевать вам в лицо, что ли?

Длинный помрачнел:

– Скажем так. Я бы вам этого не советовал.

– Тогда не несите околесицу. Вспомните хотя бы своего командира, как его там... Мусаев. Какой честный малый, а!.. Вы же сами изложили, коррупция – бич во всем мире, а у нас ее очень стараются укоренить.

– Вы правы... – Длинный промолчал и на мгновение задумался. После зевнул:

– Признаюсь, я немного переборщил, приношу извинение и вношу исправление. У нас, вернее, уже у вас... черт, одно и то же... могут плюнуть в лицо бесплатно, и не только туда... – и, невинно посмотрев на взбесившегося чинушу, мягко спросил. – Теперь, когда я признал вашу правоту, вы позволите мне продолжить?

–

– Благодарю... – вежливо ответил Длинный, смущенно отводя взгляд от вытарщенных от возмущения глаз оппо-

нента...

– Были проведены несколько громких операций по задержанию радикалов в Баку и в северных районах Азербайджана, ликвидированы несколько схронов оружия и боеприпасов, конфискованы деньги и литература, и этим процессы против радикальных исламистских группировок в Азербайджане захлебнулись. Кого-то выкупили, какую-то часть рядовых членов посадили, и никто не ответил на самый, кажется, главный вопрос в этой кутерьме – как могли широко распространяться в Азербайджане радикальные ячейки, где столетиями практиковался традиционный ислам, прославленный своей мягкостью и толерантностью? И где последователи других концессий чувствовали себя намного комфортнее, чем, в так называемых демократических странах. Кто исполнители сценария радикализации страны? По ком должен звонить колокол? Ведь всем известно, что в централизованном Азербайджане без разрешения соответствующих структур нельзя открыть не то, что религиозный центр или медресе, но даже овощную транзитную лавку на багажнике автомобиля...

– И тут вы не правы, и не все столь драматично, – вновь возразил, но уже более осторожно Прилизанный. – Мы контролируем ситуацию. Существуют несколько причин, из-за которых нельзя действовать одними запретами и силовыми

методами в отношении этих адептов, я не все могу раскрыть. В конце концов, мы их просто загнали бы в подполье...

– А они и так... в подвале... – сонно, икнув, подключился Ветеран в тельняшке. – Вот один поселился подо мной квартирантом и каждое утро как черт выползает оттуда с лохматой бородой и диким взглядом, пугая детишек. Как-то я его чисто по-соседски позвал выпить, так он чуть не убил меня, гад! Соседи разняли.

– Господи, бедный мой Баку, – горько промолвила Гюлечка, – кто невменяемый алкаш, кто невменяемый трезвенник.

– Что ты сказала? – покосился на нее Ветеран в тельняшке.

– Говорит, знай, с кем пьешь... – “спас” Гюлю Бакинец.

– Это верно, – вздохнул тот. – А с кем пить-то? У одного сахарный диабет, другой язвенник, третий какой-то ученый. Голова полная, а карман пустой – все в дармовую лезет. Подумал, хоть этот человеком окажется...

– А те люди, которые перебирались в Сирию с семьями, чтобы воевать в рядах исламистов? – подключился к дебатам Арзуман. – Подумать только, у них под оккупацией отцовские земли в Карабахе, а они идут воевать с Асадом. Нонсенс!

– Им платят, они наемники и преступники, – с досадой проворчал Прилизанный.

– Балабеков, что вы скажете? – спросила Гюля. – Образ пассивного слушателя вам не подходит.

У меня разболелась голова. Я действительно не знал, что ответить и не хотел о чем-то думать.

“Надобно выпить...”

Уловив мой взгляд, Арзуман нажал на кнопку связи.

– Такое ощущение, что все эти глобальные вызовы планируются где-то в небесной канцелярии, – я нехотя произнес. – Но пусть ответит тот, у кого больше информации...

Зашел официант с подносом закусок и емкостью с горячительным. Разложив принесенное по столу, он собрал все ненужное и вышел. Длинный продолжил...

Глава XX

– Как-то я зашел в пекарню Магомедказиева. Хозяин отсутствовал по естественным надобностям. Об этом, хихикая, сообщила молодая таджичка с озорными глазами и смешной тубетейкой. Ее

недавно приняли, и она являла собой заметный контраст с остальными работниками хлебопекарни,

молча и уныло выполняющих каждодневную рутинную работу в черно-белых одеяниях.

Была осень. Я присел за столик хозяина, наслаждаясь теплом и ароматом помещения, как вдруг заметил под прилавком несколько видеокассет. Машинально взял одну, с интересом разглядывая арабскую надпись на ней, как в этот момент зашел хозяин, на ходу вытирая полотенцем руки. Заметив у меня в руках кассету, он занервничал и даже без приветствия, что было не в его духе, протянул руку, чтобы отобрать. Я, наоборот, отвел свою.

– Ты что, братец, киноманом стал? – пошутил я, пытаюсь разрядить ситуацию. – Вам же нельзя даже телевизор смотреть?

– Что ты, что ты, упаси Аллах! – протестующее замахал руками Хаджи, оглядывая работников. – Наши уши открыты лишь для заветов Всевышнего, увековечившихся в аятах Корана. Дай сюда, все равно проку тебе от него не будет.

– А для кого будет? – улыбаясь, спросил я, все еще держа кассету на безопасном расстоянии. Благо, рост позволял.

– Для наших братьев по вере, – решительно заявил он. – Здесь записана проповедь шейха... – тут Хаджи замешкался, – достойнейшего мусульманина и богослова, и он раскрывает для несведущих божественный смысл аятов Корана.

– Так ты не считаешь меня братом, Хаджимурат? – я испытующе посмотрел на него. – Ты считаешь, мои уши настолько ватные, что не достойны слушать заветы Всевышнего?

– Упаси Аллах! – Магомедказиев повторился и растерянно пробормотал. – Клянусь, у меня и в мыслях такого не было! Ты мне дорог, как родной брат, и я до конца своих дней буду благодарен тебе и Мансуру за все, что для меня сделали. Но я не могу кривить душой перед Аллахом. Ты не можешь быть мне братом по вере, пока не молишься единому Аллаху и не соблюдаешь все ритуалы, которые обязательны для истинного мусульманина. Ты пьешь, хотя в отличие от Мансура, не ешь свинину. Тьфу!..

– Тогда мне обязательно следует прослушать эту проповедь шейха... Как его?

– Не помню, братец, какая разница? – привычно покраснел при вранье Магомедказиев. – Главное, его изречения отражают лучи святого Корана!

– Вот именно. Может, они, наконец, озарят и мою незрячую душу, и тогда ты не будешь стесняться дружбы со мной

перед этими достойнейшими людьми, – кивнул я на боро-
датых пекарей и закутанных женщин, наостривших уши и
внимательно слушающих. Шепот одобрения прошелся меж-
ду ними.

– Ты вправду этого хочешь, братец? – глаза у Магомедка-
зива загорелись таким пламенем, что мне стало стыдно за
свое “лицемерие”. – Ты не представляешь, как я хочу, чтобы
вы спасли свои души и примкнули к истинной вере. Ведь я
так люблю вас обоих!.. Бери это и внимательно слушай! –
решительно произнес он. – Один... слушай. Люди не всегда
понимают, где благо для них, где беда. Я все больше убежда-
юсь, что не всем по душе наш путь, ведущий к стопам Аллаха
– Великого и Милосердного. Аллаху Акбар!.. – возвел руки
вверх с традиционным обращением мой верующий товарищ.

– Аллаху Акбар! – единогласно вторили ему присутству-
ющие.

– Аллаху Акбар!.. – еле слышно произнес и я...

Кассету я начал слушать поздно вечером, когда освободился и решил расслабиться перед телевизором. У нас была тетя Аракся – подруга бабушки Джулии. Жена была на седьмом месяце беременности, и если не мама и бабушка, то кто-то из родственниц с ней оставались. У нас дома действительно было очень уютно, а аура Джулии просто притягивала.

Поставив кассету в приставку, я удобно устроился и начал слушать. Прозвучала невероятно успокаивающая, я бы ска-

зал, убаюкивающая музыка, сопровождающая текст проповеди, звучавший на чистом русском, с легкой примесью восточного акцента. Это была аудиозапись. На экране показались тоненькие разноцветные полоски, переплетающиеся в различные причудливые формы. Проповедник действительно мягким, ровным голосом раскрывал суть некоторых аятов Корана, давал им свои комментарии, укрепляя их ссылками, видимо, на авторитетных богословов.

Я почувствовал, как нервы мои беспредельно успокаиваются, мышцы расслабились, взор затуманился, а мозг начал воспринимать богословную речь как бы через измененную реальность...

“– Алиф. Лям. Мим. Сод²⁹...”

“– Следуйте за тем, что ниспослано вам от вашего Господа, и не следуйте за какими-либо покровителями помимо Него. Редко же вы вспоминаете³⁰...”

“– У каждой из общностей людских – свой срок. Когда же наступает их срок, они не могут отдалить или приблизить его даже на час³¹...”

²⁹ Алиф. Лям. Мим. Сад... – Коран. Сура7 – “аль-А‘раф” (Преграды, или Ограды), 1 аят. “Отрезанные буквы” (Хуруф аль-мукотта‘а) в начале некоторых сур. Комментаторы Корана не сошлись в едином мнении насчет отрезанных букв. Некоторые утверждали, что они – имена Аллаха.

³⁰ Следуйте за тем, что ниспослано вам от вашего Господа, и не следуйте за какими-либо покровителями помимо Него. Редко же вы вспоминаете... – Коран. Сура 7 – “аль-А‘раф” (Преграды), 3 аят.

³¹ У каждой из общностей людских – свой срок. Когда же наступает их срок,

Мысли мои, соответствующие аятам, плавно появлялись, заменяя предыдущие. А душа стала невероятно спокойная, как журчащая вода в горном роднике.

“Господи, ведь это все правда! И как же эта правда проста! Наша жизнь – это лишь раскрытое окно, за которым мы просто мелькаем и уходим в небытие...”

– Аминь!..” – словно подтверждая, произносит проповедник. Перед взором появляются средневековые города с величественными минаретами, толпы молящихся перед Пятничной мечетью, бескрайние пустыни Аравии с редкими оазисами на ее груди, как дары Аллаха правоверным мусульманам...

Стройные женщины в черных покрывалах, из прорезей для глаз сверкающие жгучими, призывающими очами; конники в железных доспехах поверх белых одеяний, вихрем и с гиканьем скачущие по расплавленным пескам и оставляющие за собой облака пыли; тусклые солнечные лучи, просачивающиеся сквозь них...

– Рафаэль, что с тобой?

Открыв глаза, я увидел склонившееся надо мной тревожное лицо Джулии. Телевизор мерзко жужжал, закончилась запись. Пульт был зажат в руке, его тщетно пыталась вытащить супруга.

“Нет сомнений в том, что мы грешники...”, – бесконечными волнами прокатились в сознании слова неизвестного

проповедника.

– Ты сам не свой, Рафаэль, я еле тебя разбудила, – испуганно промолвила Джуля, вытирая платком мой вспотевший лоб. – Господи, у тебя такое умиротворенное лицо!.. И что ты смотрел без меня, проказник? – заново вцепилась в пульт жена. – А ну, включай...

Я вздохнул и мягко отвел ее руку.

– Пошли спать, дорогая, я устал... А где ты для Аракси постелила? – я перевел тему. – Не слышно ее ворчания.

– Как где? На ее любимом месте – на твоём диване, – рассмеялась она. – Ты не знаешь, она другого места не признает и пригрозила уйти, если ей там не постеляют... Уже давно спит. Знаешь, который час?..

Ночью я встал и вынул кассету из приставки. Позже Наиля передала ее Адылову, информировав о содержимом...

– Вы хотите сказать, что запись производила на слушателя гипнотическое воздействие? – скептически уточнил Прилизанный.

– Именно так. В следующий раз, когда я слушал ее, соседский мальчик – внук Иннокентия, который всегда прибегал в наш двор поиграть с собаками – потихоньку зашел в комнату, сел рядом и начал замороженно слушать. Естественно, он в тексте ничего не понимал. Его привлекла странная музыка, монотонная речь, и он глаз не мог отвести от разноцветных мелькающих полос на экране... Безусловно, запись действо-

вала на подсознание. Обладающий соответствующими знаниями и силой воли слушатель, конечно, мог бы сопротивляться воздействию, но представляете, что происходило в котелках плохо образованных, склонных к внушению, слабавольных или же изначально религиозных людей. И Бог знает, какие скрытые команды получали их порой недоразвитые мозговые извилины от неизвестных программистов. Думаю, это и имел в виду полковник Мусаев, когда утверждал, что одними классовыми теориями и финансовыми влияниями объяснить столь быстрое распространение ваххабизма в мире нельзя.

– А я верю. Этими технологиями в средние века еще ассасины³² пользовались, – вклинился Арзуман. – А при нынешних возможностях спецслужб это не такая уж безумная гипотеза.

– А куда далее делась эта кассета? – любопытствовала Гюлечка.

– Я не смог проследить ее судьбу в связи с грядущими событиями, о которых, если вы не против, я расскажу, – ответил после небольшой паузы Длинный.

– Вы со своей вежливостью уже изнасиловали наше терпение, – прошипела Аталай.

³² ассасины – или исмаилиты, средневековые “террористы” Ближнего Востока. Были известны своими умело запланированными акциями против сельджукских султанов и видных государственных деятелей султаната. В частности, смерть визиря и автора известного сочинения “Сиасетнамэ” (“Книга о правлении”) Низам аль-Мулька приписывается исмаилитам. Истребились монголами.

Длинный опустошил рюмку и уже сам заново ее наполнил.

– Господи, он пьет и пьет, и не пьянеет, – прошептала мне на ухо Гюля, – как будто лимонад.

Я в прострации, поскольку и у самого градусы зашкаливали, также приглушенно ответил.

– Такое бывает, когда человека постигает несоразмерное с его психикой горе...

Сказал и похолодел. Покосился на Гюлю с внезапно пробудившейся в душе тревогой.

– А вы откуда знаете? – удивилась она. – О боже, вы тоже!..

– Нет... – я с досадой тоже потянулся к бутылке. – Я представил.

– А-а... – чуть отодвинулась она. – Вы, это... не переусердствуйте...

Глава XXI

– Перед тем как перейти к следующей фазе рассказа, я хочу сообщить вам о рождении нашем с Джулией ребенке. Наберитесь терпения и позвольте мне в последний раз в этом повествовании прожить те счастливые мгновения. Потому что в скором мир утратит в моих глазах радужность, и я буду рассказывать о прожитом без всякого удовольствия...

– Накаркали! – зло бросила на меня Гюля.

– Он меня пугает... – вновь приклеилась к Ганмуратбеку Аталай.

– Честно говоря, и меня, – тихо прошептал и удивил нас сказанным Древний Огуз. – Я такую тоску читаю в его глазах, что хочу пойти в лес и срубить самое толстое дерево, или выть на луну, как мои волчьи предки...

– ...У нас родился сын... – взгляд Длинного, уставившийся в прошлое, смягчился. Кажется, он действительно прокручивал в памяти события тех минувших дней кинолентой. – Красивый малыш с широким лбом, белоснежной кожей и с карими, вечно улыбающимися глазами матери. В доме было такое веселье! Особенно тогда, когда привезли из роддома жену с ребенком. Гуляли и в доме, и во дворе. Даже сосед мой Иннокентий Павлович, в свое время заведовав-

ший большим совхозом в Щелковском районе, открыл общую между нашими заборами дверь своего дома и пригласил гостей.

Я ранее оказал ему услугу, вытаскив его младшего сына-сосунка из передраги. После попросил установить между нашими дворами дверь...

– А зачем? – тотчас не выдержала Аталай.

– В целях безопасности, – как бы ожидая вопрос, ответил Длинный. – Мне спокойно было, когда в мое отсутствие дом контролирует надежный человек.

– А он был надежным?

Ганмурат, не сдержавшись, вновь закрыл ладонью рот неугомонной Аталай.

– Скорее благодарный. Эта самая большая надежность.

– А что вы сделали для него? – освободив рот с помощью зубов, выпалила Аталай.

– Младшего некие твари на счетчик посадили. Дело было грязное. Парня развели, чтобы подобраться к папиным деньгам. Я отправил к ним Павла и Толика, и они все уладили.

– Какой мафиози!.. – умиленно протянула Аталай...

– Мы сначала гуляли у нас, но, когда молодежь захотела танцевать и освободиться от родительского “гнета”, шумно перебрались в более широкий соседний двор, где семья Иннокентия также заполнила столы закусками и напитками.

Кстати, я пригласил на торжество и Марину с ее цыганами, чем впечатлил гостей. Все зажглось еще ярче, когда молодая невестка Марины прямо с ходу затянула песню под аккомпанемент гитары своего мужа Шандора, того самого мускулистого угрюмого цыгана со шляпой, которого я встретил на Рижском. Песня, сначала звучавшая грустным напевом, вдруг так зажигательно понеслась, что гости не сдержались и влились за цыганами в пляску. До сих пор помню куплеты из этой песни. Она часто звучит в памяти, когда я вспоминаю те счастливые мгновения – полные счастья глаза Джулии, радужно и смущенно принимающей гостей с подарками, и спящего новорожденного на руках бабушки Розы...

Словно звездочка ночная
В полутьме горит костер.
Прощай, жизнь моя степная,
Прощай, табор кочевой...

Тогда первый раз порог нашего дома переступили Наиля с братьями, а также Митяй с семьей. Мне было особенно приятно, когда вдруг заметил Джулию и Гаянку о чем-то непридуманно болтающих с Наилей, то и дело смеющихся. Чуть позже Павлик с Толиком поочередно взялись дежурить на высоком чердаке Иннокентия, из окон которых отлично наблюдались подходы к моему дому. Митяя не подключили, он был с семьей...

– А чего опасались? – перебила Гюлечка.

– О враждебных замыслах Федьки мы рассказали Мансурову, а он Корейцу. И тот отправил весточку к нему, мол, давай жить дружно, парень, а то яйца открутим. И вроде получил такой же вежливый ответ, что, конечно, и мы вас любим. Получилось недоразумение, даги действовали самовольно, исходя из мести, что клеветают на нас, на честных славян. Но мы-то знали, что это не так, и от Федьки можно всякое ожидать. И как показали грядущие события, оказались правы.

– А что...

– Все по-порядку! – тотчас заткнул открывшийся рот Аталай рассказчик, уже не полагаясь на Ганмурата...

– Мансуров, кстати, тоже зашел, поздравил нас, но недолго пробыл. Немного пообщался с цыганами, которые с любовью облепили его, отвечал на их шутки, даже потанцевал с Мариной, но после извинился, сославшись на неотложное дело, и ушел. Я понял. Он все исподтишка бросал взгляды на Наилю, которая его словно не замечала. Даже неуклюже сделал попытку подойти, но та, заметив, быстро взяла Гаянку за локоть и юркнула в дом. Разочарование Мансура можно было угадать даже сквозь его черные очки...

В общем, веселились тогда на славу. Поздним вечером, когда молодежь все еще бесилась в танцах в соседнем дво-

ре, мы, взрослые, собрались за огромным дубовым столом в зале на самоварное чаепитие, благодаря в душе Бога за такой славный день. Но внезапно в атмосферу этнической толерантности и благодушия внес свой очередной разлад этот мерзкий старикашка, как его всегда открыто обзывала Гаянка, Размик Аллахвердян.

Он был поддатым и все искал слезящимися от возраста глазами Люську, хотя его старческие очи все больше упирались на огромные от природы груди жены Иннокентия Павловича. Сама Люська давно на него положила и отрывалась с цыганами на соседской танцплощадке. Видимо, метаморфоза в глазах и мыслях окончательно добила Размика, и он вдруг возопил:

– Надеюсь, вы не вздумали дать имя новорожденному, не посоветовавшись со мной?

Все помалу замолкли и покосились на него.

– У него вообще-то есть родители, Размик, и они прекрасно смогут обойтись без твоей помощи, – с достоинством ответила Инесса Андреевна. – Вот когда Люська родит, в чем я очень сомневаюсь, учитывая твой возраст и все остальное, свои советы можешь отточить на собственном отпрыске.

Все захихикали. Все-таки не любила тетя Инна этого Размика.

– Напрасно, – ничуть не возмущившись на явный намек, ответил Размик. – Каждое дитя нашей арийской армянской молодежи для меня, как собственный ребенок. Лишь так...

– показал он публике свой сомкнутый кулак, а затем стукнул по столу, – предъявляя миру небывалую сплоченность, мы можем победить наших врагов...

Он исподтишка посмотрел на меня и продолжил:

– Предлагаю назвать это чудо-дитя, этого яркого отпрыска древнего армянского народа... Вазгеном.

Наступила тишина. Если скажу, что даже армяне, привыкшие к надутым изречениям своего “аксакала”, с открытыми ртами уставились на него и не в состоянии были осмыслить услышанное, не солгу.

– Ха, что скажете? – гордо спросил виновник назревающей смуты, довольный фурором, произведенным своей речью.

Джулия слегка прильнула ко мне, взглядом умоляя сохранить спокойствие. Я успел заметить, как побледнел мой тесть и как ухмыльнулся Спартак, сидевший, напротив. И тут взорвался Артур.

– Слушай, какой армянский народ, что ты брешешь, старый перд... – видно было, он еле сдерживается. – Его отец вообще-то азербайджанец!.. И зачем он должен назвать своего сына именем твоего отца. Ты что, совсем из ума выжил?

– Артур, успокойся, – прошептала на ухо Гаянка и обняла, – видишь, он пьян...

– Ва! Инчес асым³³? – театрально удивился Размик. – Азербийджанец? Ара, я совсем забыл. Простите меня, ста-

³³ Ва! Инчес асым? – “Что ты говоришь?”, на армянском.

рого – это возраст, – сокрушился на миг он. – Тогда давайте назовем это чудо арм... арийского народа древним азербайджанским именем... Карапет...

На этот раз тишина звучала еще дольше. Меня же это история с именем даже забавила. Была интересна реакция самих армян на это шутовство.

Но тут возмутился один из гостей, давний приятель братьев Манучаровых и владелец мясной лавки на Таганке Карапет Татевосов.

– Слуший, Размик, – гаркнул он со всей мощью своего грузного тела, – с каких пор Карапет стал азербайджанским. Ты что болтаешь?

– А ты не знал? – перепросил как еврей Размик. – Карапет, от слова “кара”, по-азербайджански, значит – “черный”. А “пет”... – хрен знает что, но тоже, видимо, азербайджанский. Получается черный азербайджанский хрен... Ха-ха-ха!.. – он так затащился от своей бестолковой речи, что чуть не свалился.

– Сам ты... хрен! – заревел на него, как озверевший племенной бык Карапет, попытался встать и наброситься на своего обидчика, но неосторожно задел пузом краешек стола. И на наших глазах, как на замедленной съемке в фильме ужасов, большой самовар опрокинулся и кипятком ошпарил рядом сидевших, а больше всего самого виновника ссоры.

– Вай, мама!.. – завопил Размик Аллахвердян, когда кипящая вода вылилась туда, откуда он вот уже несколько лет без-

успешно пытался воспроизводить армяно-арийское потомство от Люськи. Боль, наверное, отключила оставшиеся проблески разума старого маразматика, и он дальше уже матом заорал:

– Вай, маман кун...м!..

Дальше не успел, потому что тоже обожженная и пытавшаяся успокоить не на шутку разозлившегося мужа жена Карапета Диана развернулась и дала Размику своей упитанной пятерней такую оплеуху, что тот не удержался и свалился со стула, стукнулся головой об стену и отключился.

На этой трагикомичной нотке наше веселье закончилось. Джулия ни в какую не соглашалась оставить пострадавшего “дедушку” у нас дома, как ни старались ее уговорить. Потому его кое-как засунули в машину вместе с причитающей рядом Люськой и отправили то ли в больницу, то ли в пенаты. Гости тоже разошлись. Последними ушли Артур с Гаянкой, то смеясь, то возмущаясь выходкой Размика. С нами остались только родители Джулии и бабушки – Инна и Аракся...

Когда все улеглись, мы с Джулей укутались одеялами и сели на открытой веранде за чашкой кофе, упиваясь свежим, холодным воздухом Подмосковья. Царила полуночная тишина. Под балконом шныряли, иногда скуля или потихоньку рыча, собаки. Твари были тренированные, просто так не лаяли.

Мы очень любили эти мгновения и порой просто молча

сидели рядом, наслаждаясь тишиной и покоем или лениво обсуждали события пережитого дня. И сейчас, касаясь выходки Размика Аллахвердяна, Джулия виновато улыбнулась.

– Ты не обижайся на него. Он просто старый, беззлобный дурак. Я признательна тебе за выдержку, Рома. Но у меня нет на этой чужбине никого, кроме них, и я люблю даже этого старого хейвана³⁴, понимаешь?

Я покачал головой:

– Ты тут причем? Я только не понимаю, почему это Размик так вцепился в Карапета? Ведь он действительно его оскорбил. Надо же, назвать...

Джулия потянулась и, смеясь, закрыла мне рот маленькой ладонью.

– А ты не знаешь? – продолжала все еще беззвучно смеяться она. – Эту историю, кажется, знают все. Размик как-то закупил у него мясо, подозрительно красного цвета. Какой-то умник решил то ли подшутить над ним, то ли предупредить, в общем, надоумил его, что мясо ослиное. Тут такое началось!.. В ответ на прилюдно брошенное в него обвинение, взбесившийся Карапет начал орать на всю улицу, что, мол, в Москве ослы не водятся. И единственным ослом в этом городе может быть только Размик Аллахвердян, если он этого не знает. Их еле разняли. Видимо, Размик начал эту тему, чтобы тебя раздражить. Но ему не повезло, имя

³⁴ хейван – на азерб. – “животное”. Употребляется у народов Азербайджана также в качестве ругательства.

неудачно выбрал. Ха-ха!..

У Джулии был такой заразительный смех, что я тоже невольно улыбнулся:

– Ну, значит, его Бог наказал за вредность. Мне же даже понравилось. Объявив Карапета нашим, он невольно и Карабах признал азербайджанским. Ведь и он отталкивается от тюркского – “кара”.

– Опять этот Карабах!.. – моментально изменилась в лице Джулия. – Кажется, от него никуда не деться... Скажи, Рафаэль, только честно, тебе действительно важно, кому должно принадлежать это Богом проклятое место? Столько крови пролито из-за него. Мы же бакинцы! Папа говорит, у нас нет другой родины, кроме Баку. Нас не должен волновать ни Карабах, ни Ереван, ни еще что-то...

Я пригубил из чашки. Воздух становился все холоднее, и, потянувшись, я поправил спавшее немного с плеч Джулии легкое одеяло.

– Я тебя огорчила, Рафаэль? – она печально промолвила.

Я опять потянулся к ней, с нежностью посмотрев в глаза:

– Твои обиды слаще меда. Но у меня к тебе просьба, родная...

– ...

– Не задавай мне вопросы, ответы которых могут тебя... возможно, огорчить.

– Я все поняла... – она быстро смахнула предательскую слезинку.

– Теперь спать... – я обнял ее за плечи, помогая подняться. – Скоро надо кормить ребенка, хоть немного отдохни. Хорошо, родня твоя нас не оставляет...

Длинный зажег сигарету и затянулся. Взгляд был затуманенный. Видно было, сцены былых дней все еще продолжали прокручиваться в его памяти.

– А как вы назвали сына? – спросила Аталай.

Ответ прозвучал не сразу. Докурив сигарету, Длинный потянулся к рюмке, медленно возвращаясь в действительность.

– Тимуром.

– То есть русским аналогом грозного Тамерлана, – авторитетно констатировал Прилизанный. – Тимур Ленг – Хромой Тимур.

Длинный мрачно уставился на него.

– Джулия всегда хотела, чтобы наш сын вырос благородный и смелый, как герой книги Гайдара.

– Так-так... – видимо, сконфузился Прилизанный.

– Почему вы о супруге рассказываете словно в прошлом времени? Вы что с ней, разошлись? – не сумев осадить любопытство, вновь лягнула Аталай.

Длинный медленно перевел на нее ничего не выражающий взгляд.

– А-а что? – растерянно проблеяла бойкая деваха. – Я просто... для уточнения... Вы же не развелись?

– Нет...

Глава XXII

После этого празднования события вокруг меня закрутились с такой интенсивностью, что порой сам удивлялся, как за ними вообще поспевал. Такое ощущение, что само провидение вдруг пробудилось от спячки и начало помогать нам в выполнении поставленных задач, заодно внося и коррективы в наши судьбы по собственному усмотрению.

Все началось с эпизода в Измайловском гостиничном комплексе, где я уже который раз сопровождал своего генерала в отставке Петра Владимировича на якобы деловую встречу. Я вот уже пару месяцев находился при нем в качестве охраны и водителя. Генерал ранее занимал высокий пост, был однокашником тогдашнего министра обороны Грачева и, соответственно, владел связями, кои он задействовал в интересах Организации. Почему “якобы”, потому что distinguished генерал в бронированном Организацией на неопределенное время для него номере решал и собственные задачи: встречался с молодой любовницей, очаровательной блондинкой Татьяной Васильевной. Она когда-то служила в Генштабе под началом Петра Владимировича, и, видимо, с тех времен их связывали нежно-деликатные отношения. Стареющий генерал души не чаял в любимой женщине и, помимо содержания, постоянно осыпал ее дорогими подарками.

И сегодня было понятно, что генерал вызвал меня вовсе не для служебного времяпровождения, так как он без конца мурлыкал под нос свою любимую – “Сердце, тебе не хочется покоя...”, чего мурлыкал исключительно по вышеуказанному мотиву.

Когда на пороге номера появилась Татьяна и, вся сияя от осознанной красоты, окунула нас в волшебный мир французского парфюма, повторилась традиционно-ожидаемая сцена. Генерал, смущенно кашлянув, обратился ко мне, в смысле, Рома, ну, сам понимаешь, третий лишний, и подсунул мне 100 долларовую банкноту для содержательного времяпрепровождения. При выходе Татьяна незаметно моргнула мне и подарила ослепительную улыбку, чего я постарался принять очень сдержанно. Когда я сталкивался с женскими чарами, передо мной всегда возникал образ Джулии с ее родной для меня улыбкой, и всякие чары моментально испарялись...

Длинный опрокинул оставшуюся на дне рюмки водку и понюхал ломтик лимона. Пользуясь случаем, схожую церемонию повторили и слушатели.

– Такого верного экземпляра, наверное, уже днем с огнем не сыщешь, – прошептала Гюле Аталай.

– С прожектором, – подтвердила та и тихо добавила, – и то достался армянке. Закон, как говорится, подлости.

– Тихо!.. Закудахтали... – с досадой зашипел на них Ба-

кинец. – Тоже мне, цацы...

– ...Я оставил своего великовозрастного подопечного с любовницей наедине и поднялся в кафе-бар, находящийся на четырнадцатом этаже строения, – продолжил Длинный. – Это было очень уютное заведение. Столов, наверно, было десять-двенадцать, зато вся публика была как на подносе у персонала и обслуживалась на должном уровне. В это время клиентов бывало не так уж много, и я привычно сел за свободный столик с краю. В тот же миг ко мне подошла улыбающаяся миловидная официантка, безусловно, помнящая меня с прежних посещений, поскольку я всегда по ментальной привычке оставляю щедрые чаевые, и приняла заказ. Пока она приносила пиво и фисташки, я бегло рассмотрел посетителей кафе.

Этих накачанных анаболиками качков я знаю, они сутенеры и заодно приглядывают за безопасностью заведения. На большее они и не были пригодны, так как их профессия в теневом мире России считается чуть престижней самой древней. Вот и их товар – длинноногие девицы в общем-то нормального пошива и, как полагается, полуголые и с вызывающей косметикой. Они что-то щебечут между собой и опа... поглядывают, кажется, в мою сторону.

Я удивился. Эти девки и прежде бывало стреляли в меня взглядами, как любому другому потенциальному клиенту, но на этот раз, казалось, примерялись прицельно.

Несколько столов заняли случайные посетители. Напротив, видимо, влюбленная пара очень серьезно смотрят друг другу в глаза и сидят как на колу. Та веселая молодежная компания в спортинках – спортсмены-провинциалы. Ребята лопают все подряд, а девушки кажутся чересчур радостными посещением за казенный счет столицы. Эти два хмыря, явно, тихие алкоголики, пожирающие накопления предков. Ну и подобные еще несколько комплектов публики за дальними столами.

А вот следующая братия уже интереснее. Два стола объединили меж собой армянские воры. Ребята вполне серьезные и холеные. Тихо сидят за столами, полными яств, и, видимо, перетирают какой-то базар...

– Про них откуда знали? – выразила удивление Аталай.

– Я часто провожал генерала в этот гостиничный комплекс и, естественно, старался владеть хоть какой информацией. Эти ребята были заметные, держались вместе и любили просиживать в фойе на первом этаже гостиницы. Информацию же о них выдал мне Мансуров, который как-то со мной зашел в комплекс и кивком поздоровался с ними.

– А ему что надо было? – это Прилизанный.

– Мансур был связником между Корейцем и генералом. Они проводили коммерческие сделки. Повторяю, у Петра Владимировича были обширные связи среди российского генералитета и вообще в среде силовиков. Кореец с его участи-

ем иранцам и туркам железо толкал. Это была устаревшая военная техника, списанные железнодорожные рельсы, вагоны, цветные металлы и т.д. После я узнал, что они под видом металлолома действующую военную технику тоже толкали посредникам из третьих стран через подставные фирмы... Короче, генерал после увольнения в запас полностью пахал на Корейца. Надо же было содержать молодую любовницу. Одной пенсией, пусть даже генеральской, это было невозможно.

– Шерше ля фам... – иронично озвучила Гюлечка.

– Что она сказала? – тихо спросил Ганмуратбек у Аталай.

– Она сказала... она сказала... – Аталай рассмеялась. –

Впрочем, неважно. Ты свою беду уже нашел.

– А-а... – на всякий случай согласился Древний Огуз. –

Ты смотри-ка...

– Ну, воры как воры, пусть даже армянские, – недовольно пробурчал Арзуман. – Есть воры, есть менты. Что тебя акцентировало? Они имеют отношение к твоему рассказу?

– Разумеется, – кивнул Длинный. – Самое непосредственное...

– ...Я заметил, как кто-то из них развернулся и посмотрел на нас. А остальная братва вдруг шумно расхохоталась.

“Только этого не хватало...”, – я с досадой пригубил холодное пиво. Оно было превосходное. В этот миг прозвучала музыка и в заведении чуть приглушили свет. Две из трех

девиц с соседнего стола телепортировались на площадку и начали изгибаться телами в ритме музыки. Они отрывались в танцевальном угаре и, в общем-то, недурно смотрелись. Спортивная команда шумно поддержала их и влилась в танец. Я пил свое пиво, грыз фисташки и наслаждался музыкой, как вдруг узрел танцующих девиц перед собой. Они эротично виляли попами, выпячивали из-под узких лифчиков груди, сексуально облизывали губы, короче, всем видом демонстрировали, что готовы к труду и обороне. И, видимо, ждали приглашения сесть за стол.

Я посмотрел на часы. Генерал с любовницей будут кувыряться еще где-то час. Ну и час на последующие процедуры – принятие душа, банальная трепотня, то есть обещание верности и материальных благ с одной стороны, причитания на тяжелую жизнь, подлости мужа и т.д. с другой. Но у меня не было желания флиртовать с валиками. Также мне не понравилось, что сутенерская публика напряженно следила за ситуацией. Я решил ничего не предпринимать и просто наслаждаться зрелищем. Благо, я не давал повода и, если кто-то обломается, это не моя проблема.

Танец закончился. Дамы, обиженно надув губки, обвели меня презрительными взглядами и поплыли к себе. Но поднялся плотный парень с рыжими волосами и нагловатой физиономией – явно старший и, обняв обеих за талии, увлек обратно.

– Можно присесть, мужик? А то у нас тесно. Сидим жопа

к жопе...

Мне ничего не оставалось, как кивнуть, тем более они, не дожидаясь согласия, уже сели. Официантка тут как тут прибежала и, уловив кивок парня, простучала каблуками обратно к стойке. Я с досадой наблюдал, как постепенно столик наполняется фирменными напитками, балыком, прочими деликатесами. Вот присели еще один сутенер и третья девушка. Еще двое ребят же остались за своим столиком, периодически обмениваясь с коллегами самыми что ни на есть дебильными улыбками.

Я с неохотой отвечал на навязчивые вопросы “гостей”, типа, кто ты, чем занимаешься, прочее. С такой же неохотой поднимал пивную кружку, когда произносили тосты и при этом бурно улюлюкали, особенно девки. Одна из них успела обвить рукой мою шею и плотоядно облизала ухо.

– Нравится? – подмигнул мне Рыжий, подталкивая наглую девку еще ближе. – Попка как мячик. Зла...бучая. Все соки выжимает.

– Соковыжималка, что ли?

– Что?

– ...

– Возьми хоть всех. Эти не хуже. Аня!..

Я пока терпеливо наблюдал, как официантка, рассмеявшись, побежала за очередным заказом. Кажется, внимание всего зала было приковано к нам. Краешком глаза заметил, что армянская публика тоже внимательно следит за ситуа-

цией.

“Самый что ни есть банальный развод”, – подумал. – “Неужели я похож на лоха? Надо в зеркало присмотреться...”

Тут еще заметил, что ранее развернувшийся армянин встал и направился к нам. И даже не успел удивиться, когда этот высокий и худощавый тип с неестественно блестящими глазами на ходу бесцеремонно схватил у соседнего стола стул и уселся, напротив. Меланхолично застывший взгляд хачика уставился на меня и внимательно начал изучать.

Также не отводя глаз, я внутренне сжался и приготовился к развязке. Публика за столом резко прекратила свою активность и тоже сникла. Хачик же словно их не замечал, продолжая буравить меня спокойным, но настырным взглядом.

– Я армянин... – наконец выговорил он. – А ты, брат, кто?

Когда этот сутенер Рыжик спросил меня, кто я по нации, я, чтобы отвязаться, ответил – еврей, что эту публику бурно развеселило. Но не назваться перед армянином!.. Во-первых, это бессмысленно, у нас словно чутье друг на друга. Среди сотни представителей кавказской национальности любой армянин безошибочно определяет азербайджанца, и наоборот. Во-вторых, во мне проснулась ментальная злоба, он же наверняка знал, кто я.

– Азербайджанец...

“Разобью харю!” – я сжал пивную кружку. – “Будь что будет...”

Хоть я пытался выглядеть спокойно, но злость, видимо, из мозгов просачивалась в глаза, и это было заметно.

Словно прочитав мои мысли, хачик вдруг натянуто улыбнулся.

– Все нормально, расслабься. Мы не в Карабахе, тут свои правила.

– Что тебе надо?

– Ты сейчас поймешь... – покачал головой он. – Значит, пригред я на груди одного азербайджанца. Он попал в трудную ситуацию, залез в долги к серьезным людям, в общем, оказался в дерьме. От него отказались даже земляки, с кем дела проворачивал. Он выглядел таким жалким, что я вдруг пожалел его и решил помочь, хотя, сам понимаешь, особенного желания для этого у меня не должно было возникнуть... Как бы то ни было, я помог ему немного материально, оговорил время с кредиторами, мол, заработает – отдаст. А после и вовсе поселил в своем номере, так как он не в состоянии был даже расплачиваться за съемную квартиру...

Армянин неожиданно закашлялся. Или от волнения, или, может, болезнь. Кажется, второе. Уж больно бледно он выглядел. Его большие вылупленные глаза снизу обрамляли темноватые мешки. Секунду подумав, я налил в пустой бокал минеральную и подвинул к нему. Он благодарно кивнул, пригубил несколько глотков и, вроде, кашель прошел. Порусски говорил чисто, почти без характерного у небакинских армян неприятного акцента, видно, давно оставил родные

пенаты.

– ...Короче, он меня кинул. Однажды утром я проснулся и обнаружил, что карманы пусты, золотые часы и прочие побрякушки исчезли, пропали даже мои шлепанцы.

Вечером, перед тем как впасть в небытие, видимо, от клофелина, я помню, что был накрыт стол, мы ели, пили за здоровье друг друга и проклинали вражду между нашими народами...

Мне, ты поверь, ничего не жаль. Ни денег, ни шмоток... Даже то, что я теперь вынужден оплачивать его долги, так как люди с меня спросили, когда он исчез. Ведь я поручился!

Он мне нанес душевную рану. Как можно перед такой подлостью хлеб-соль делить, о семье рассказывать?..

Хачик зажег сигарету и глубоко затянулся. Тут Рыжик презрительно ухмыльнулся:

– Лоханули тебя, Арам. Сам виноват. А не знал? Не верь, не бойся, не проси...

– Заткнись, курва. Щас кишки на столе потанцуют!

Застывшие глаза армянина заблестели. Рыжик заметно побледнел:

– Ты что, брат, я как своему...

– Слушай, ты мне не брат и не свой... – Арам презрительно скривил губы. – Иди шлюшкам пи...ды расчесывай...

Я с интересом наблюдал за перепалкой. Этого и следовало ожидать. Блатной заткнул рот зарвавшемуся сутенеру.

Тут свои касты. Каждый должен знать свое место.

Качки беспокойно переглянулись. Одна из девок, оторвавшаяся от халявного заказа, благоразумно потащила другую танцевать. Рыжик, весь зеленый от бессильной ярости, оглянулся к армянским столам. Оттуда по-прежнему пристально следили.

– Ну, нарвался на негодяя. В каждом стаде есть паршивая овца... А от меня чего хочешь? – я все еще не мог врубиться, к чему клонит этот странный субъект.

– Ничего. – Арам после паузы спокойно ответил. – Душу отлил... Ты просто ответь, если сможешь. Неужели все азербайджанцы думают, что всем армянам надо мстить, обманывать, убивать из-за этой проклятой войны? Ведь я не воевал, ваших не убивал, я вообще редко бываю в Армении, и у меня до этих событий всегда были азербайджанские друзья. Неужели нельзя хотя бы здесь сохранить нормальные человеческие отношения?..

Даже Рыжий и его разнополая команда, словно забыв обиду, уставились на меня.

“Черт!..”

– Что тебе ответить? Ведь те азербайджанцы, проживавшие среди вас, тоже не понимали, за что вдруг их начали убивать, грабить, выселять из отцовских земель недавние их соседи, с которыми они тоже ели, пили, справляли свадьбы, рождались, клялись в вечной кавказской дружбе... Ты возмущаешься подлостью одного человека, а что сказать тогда о предательстве...

– Ах, вот ты как все развернул... – Арам еще больше по-мрачнел. – Ты вроде не дурак? Должен понимать, что мы тут ни при чем. Кто-то, кому нужно было, заварил эту кашу.

– Удобная позиция – виновных нет. Но начали-то вы!.. – я понимал, что все далеко заходит, но не мог остановиться:

– А почему нас не смогли спровоцировать? Почему азербайджанцы ни разу не посягали на земли соседей? Почему ни у вас, ни у грузин мы ни разу не пытались перекраивать границы, хотя все знают, что азербайджанцы на этих землях проживают веками?..

– ...

– Потому, что при всех своих недостатках, а у кого их нет, у нас есть одна черта, которую не сможете оспаривать даже вы, армяне. Мы никогда соседу кинжал в спину не вонзали и никогда, зайдя в гости, хозяина из его дома не выставляли.

– Что-то завоняло политикой. Я не за этим пришел... – у Арама забегали глаза, в которых вновь зажегся этот безумный блеск. Он захаркал и потянулся за пивной кружкой.

– Не совершай поступок, за который придется отвечать... – я внутренне сжался, как зверь перед прыжком.

Рука армянина застыла на ручке кружки. Наши взгляды скрестились. В это время подошла официантка и протянула ему записку. Арам словно нехотя отвел руку, взял записку, взглянул... и неожиданно рассмеялся, поворачиваясь к своим. Те тоже смеялись.

– Знаешь, что написали мои друзья? – развернулся он

вновь ко мне, все еще смеясь. – Что, хотя бы с этим турком не подружись. А то вообще без штанов останешься. Ха-ха-ха!..

Смех его опять заглушился продолжительным кашлем. Он вытащил платок и вытер почти синие губы.

– Тогда иди к своим, от греха подальше...

– Может, ты и прав. Я пойду... – Арам медленно приподнялся. – Не буду омрачать вечер друзьям. Но ты нас ненавидишь... – он указательным пальцем ткнул в мою сторону. – Все азербайджанцы люто ненавидят армян. Теперь я это точно знаю.

– А за что вас любить? – я выпалил.

Арам махнул рукой, собираясь уходить. Я тоже, наверное, должен был закрыть тему. Но почему-то захотелось до конца его добить. Нельзя было вот так, уверенного в своей правоте, его отпустить. И хорошо, что я высказался...

– А если скажу, что на свете есть одна представительница вашего племени, которую я люблю больше своей жизни, что ты на это скажешь?

Арам как-то не в понятке посмотрел на меня, после губы скривились в презрительной усмешке:

– И кто же она, эта наша представительница? Небось, твоя шмара, которую на вокзале подцепил?

– Моя жена. А ты о своих соотечественницах не очень-то высокого мнения...

Наверное, если я дал бы Араму пощечину, она не произвела бы того эффекта, чем это замечание. Он тупо уставил-

ся на меня, чтобы осмыслить услышанное. После покраснел, как рак после варки.

– Ты хочешь сказать, что твоя жена армянка?

– ...

– И ты с ней живешь со всеми этими мыслями о нас?

– Тебе не понять.

– Почему же, – он натяжно усмехнулся, – Бог меня как раз-таки понятием не обидел.

– Он тебя с местом рождения обидел. Тебе надо было в Баку родиться, чтобы понять. И таких как мы, десятки тысяч...

Арам отвернулся, неуверенно шагнув к своему столику, откуда его аплодисментами и гиканьем начали поощрять. Но вдруг остановился и вернулся.

– Ты это... пошли к нам. Тут не твой компот... – он кивнул на Рыжика и “К”, которые враждебными взглядами его испепеляли. Я покачал головой:

– Ты хочешь своих до инфаркта довести? Еще одного “турка” они не переживут. Спасибо. Я разберусь...

Пригубляя пиво, я наблюдал за его уходом и размышлял.

“Как странно все устроено. Минуту назад мы могли бы вцепиться друг другу в глотки. А какая-то упирающаяся в логику фраза изменила весь расклад...”

– Ты его хорошо заткнул, братан, – Рыжик панибратски положил руку на мое плечо. – Ты его поймел...

– Это тебя поймали.

– Что?

– Убери грабли!

Рыжик нехотя отвел руку.

– Вы за моим столом хозяйничаете. Я что, повод дал?

– А-а... Из из-за капусты базаришь? – Рыжик нахально развалился, подмигнув подельникам. – Что, жим-жим пошло? У вас бабла много, делиться надо.

– С тобой что ли? – я усмехнулся. – Ты сначала оборотку давать научись, терпила...

И резко поднялся. Сидя, я был уязвим, хоть и понимал, что вряд ли люди, отвечающие за порядок, сами его нарушат. Тут главное грамотно базарить. Потому что, родные мои, Россия всегда была, есть и будет страной понятий. И если ты неправ, то всегда есть вероятность, что с тебя спросят, и ты никуда не денешься, несмотря ни на какие твои понты, портмоне и бицепсы.

Это понимали и Рыжик с командой. Потому, им ничего другого не оставалось, как взбесившимися от ярости глазами смотреть за моей медленно удаляющейся походкой к стойке. Публика с интересом наблюдала, чем закончится этот сюжет. Прибежала официантка и встала рядом со светловолосой барменшей в короткой кожаной юбке. Я вскользь прошелся по невероятно заоблачному счету и бросил бумагу на стойку.

– Я тебе что заказывал?

– А-а... – официантка растерялась.

– Фисташки и пиво, верно?

– Да-а... – вновь залепетала Аннушка, ломая ручки. –

Но...

– А это они, дорогуша, – я демонстративно и, чтобы все видели, указал пальцем в сторону Рыжика, – я их не знаю. Попросились... Пожалел... Подобрал...

Я заплатил улыбающейся барменше по своему счету, бросил обалдевшей Аннушке чаевые и хотел уйти. Взгляд уперся на армянский столик. Арам, обхватив голову руками, сидел ко мне спиной, а вольготно расположившийся напротив кучерявый седой тип что-то внушительно ему вдалбливал. Наверное, о вредности для армян отношений с турками.

– А этот коньяк, дорогуша, – кивнул я на дорожную бутылку в витрине, – отнесите-ка во-от на тот столик, – указал я пальцем. – Поставишь перед парнем в черной рубашке. Вот... – бросил купюру на поднос. – Сдачи не надо.

– От кого, если спросят? – засуетилась Аннушка. Барменша по-прежнему улыбалась.

“Кажется, она не любит Рыжика...”

– Скажи, от азербайджанца, чтущего понятия.

– И все?

– И все...

Когда перед Арамом поставили бутылку и передали послание, он сначала в недоумении развернулся, посмотрев в указанном Аннушкой направлении, после резко встал. И я впервые увидел на его угрюмом лице наподобие улыбки. Он

несколько раз помахал рукой, как бы приглашая за стол.

“Нет уж. Брататься с вами не буду. Сначала земли отвоюем...”

Я кивком его поблагодарил. Невольно посмотрел и в сторону теперь уже столика Рыжего. Там, кажется, начался баблан. Один из качков – из тех, которые не пересели к нам – что-то орал на Рыжика, а девушки, как пробки выскакивали с мест.

“Пожалуй, самое время уйти. Все по счетам...”

Тогда я представить себе не мог, к каким последствиям приведет это вроде обычная по своей сути и банальности “межэтническая” перетирка...

Через несколько дней ко мне подъехал Мансуров.

– Какие у тебя дела с армянами?

Я сделал удивленный фейс.

Поняв абсурдность вопроса, он уточнил:

– С блатными.

– Никаких.

– А почему кое-кто с тобой встречи ищет?

– Арам, что ли?

Мансуров снял очки и внимательно меня оглядел.

– Да ничего такого, – я успокаивающе ответил. – Побазарили немного.

– Расскажи, – потребовал он.

Я коротко. Мансуров задумался, казалось, про меня за-

был.

– Что-то не так?

– Ты все грамотно сделал... – он присел на скамейку у калитки, отказываясь войти в дом. – Этот Рыжик у Федьки на побегушках. Собрал такую же кодлу, им девочек поставляет. Постарайся не реагировать на них, велик почет. Но если начнут борзеть, гаси на месте. Пырни кого-нибудь в зад или в ногу, большего не стоят. Мы отмажем.

– Понял.

– Что касается Арама... – он опять задумался.

– Да не нужен он мне. Хочешь, вообще, не встречусь.

– Нет, почему же... Узнай, что хочет.

– А тебе не сказал?

– Говорит, нагрубил тебе. Хочет перетереть вопрос... А он реально нагрубил? – Мансуров вновь пытливо посмотрел.

– Да нет же. У него возникла такая мысль. После благоразумно передумал. Что тебя беспокоит?

– Не то, чтобы беспокоит... Просто перетереть уже перетертый вопрос звучит неубедительно. Наверняка, тебе что-то предложат.

– Мне? – тут я действительно удивился. – С какой стати? Они едва меня знают, и я азербайджанец...

– Ты не слышал, когда родился армянин, еврей заплакал... – Мансуров вновь надел очки, которые перед этим хорошенько протер. – Арам – нормальный тип. У него, кажется, даже не туб, а рак легких. Он и так всегда был прямой, в

лоб говорил. А теперь ему вообще терять нечего. Год назад на Шереметьево двух скинхедов зарезал. Те к узкоглазым докололись, начали бить цепями. А он без разбору сразу залез в их толпу и начал резать. Успел всех достать. Армяне еле его отмазали. Этот Рыжик поэтому зассал, когда тот наехал.

– Нормально...

– Не спорю. Но остальные скользкие. Арам для них как торпедо. Поэтому предложение, которое возможно тебе сделают, будет исходить от кого угодно, только не от него.

– ...

– О тебе навели справки. Вышли на Бригаду. Ты же знаешь, Федька этот комплекс крышует. Может тебя снять из сопровождения? Боюсь, подставят. В любом раскладе ты хачам чужой...

Я задумался. Генерал – источник информации, нельзя его терять. Неделю назад, ночью, пока он резвился с проститутками в сауне в закрытом военном городке, я успел переписать содержимое его записной книжки. Адреса, телефоны – домашние, служебные и т. д. многих ответственных военно-служащих тогдашнего российского Генштаба...

– Зачем вам нужен был российский Генштаб? – разозлился Прилизанный.

– Там были армянские фамилии. По-вашему, я должен был пролистать и вежливо положить блокнот обратно только из-за того, что мы против России не работаем? Россия тоже

вроде против нас не работает, однако это не мешало ее военным подразделениям участвовать в оккупации наших земель на стороне Армении, а ее спецслужбам предоставлять противнику оперативное обеспечение.

– Это было при Ельцине.

– Какая разница? Я переписал все подряд, передал по назначению. А аналитики наверно вычислили, кто представлял для нас оперативную ценность, а кто нет.

– Продолжайте, – с очередной досадой ответил Прилизанный.

– Подождите... – это я. – А что за военный городок?

– Там находился штаб РВСН – Ракетные войска стратегического назначения. Один из замов командующего был закадычным другом Петра Владимировича. Он и нас... вернее, его приглашал.

Бакинец продолжительно присвистнул:

– Батюшки, хорошо, что ты на американцев не работал. Ты бы эту Россию на кусочки раздробил...

Прилизанный получил словно электрический заряд.

– Хватит! – завопил он вздыбленными волосинками на плешивой голове. – Черт знает что! Только международного скандала нам не хватает! Расскажите по существу!

– А я что делаю? – удивился Длинный...

...Потому я Мансурова успокоил:

– Думаю, не стоит. Генерал в ближайшую неделю в гости-

ницу не поедет. Сильно простыл после последних переговоров... – я невольно представил Татьяну Васильевну в рабочем ракурсе. – А до тех пор я встречусь с Арамом и все выясню.

Мансуров кивнул:

– Возможно, я сгущаю краски. Арам не законник, хотя его авторитет больше любого их вора. Может, действительно хочет извиниться. Тем более ты в конце ему такой жест сделал перед остальной публикой... – Мансуров улыбнулся. – Да, и уточни, что за тип его кинул? – он сплюнул. – Из-за таких ублюдков...

Глава XXIII

С Арамом мы встретились недалеко от гостиницы, в ближайшем сквере. Я за ним отправил Павла, и он указал на мою скамейку. Арам медленно, засунув руки в карманы своего длинного черного пальто, приблизился.

– Ну, здравствуй, дорогой... – он улыбнулся. Я встал навстречу, и мы сдержанно поздоровались. – Правильно сделал, что выбрал открытое место. Эти кафешки и кабаки с их тупой музыкой мне на нервы действуют. А тут тихо. Птички щебечут... – после паузы с грустью добавил:

– Как на кладбище...

Я вспомнил про его болезнь. Словно в подтверждении, Арам вытащил платок и вытер губы.

– А ты не рискуешь, что, встречаясь со мной, будешь опять посмешищем у земляков? – я решил уйти от загробной темы.

– И так смеются, – он махнул рукой, – разве людям рты зашьешь? А я и не обижаюсь. Заслужил...

– Назови его, мы разберемся.

– Зачем? – он удивленно посмотрел. – Думаешь, сам не справлюсь? У него на родине тоже враги, и их кинул. Далеко не уйдет, уже идут по следу. Прячется под Питером...

Немного подумав, он опять махнул. Я еще с бара запомнил эту его привычку.

– ...Он несчастный человек. Его Бог накажет. Бог не фразер, предателей не любит.

– А как же его долги?

– Это для него большие деньги, для меня так... Часть оплатил, а часть списала братва... – он вновь задумался. – Глупый. Я присматривался, хотел помочь...

Мы замолчали. Арам закурил. Протянул пачку и мне. Я отказался.

“Арин-берд...”

Невольно вспомнил убийство гизира Мамедова.

Кажется, Мансуров прав, он явно что-то хочет предложить, пока колеблется.

Арам начал издали.

– Ты молодец. Этого Рыжика ниже плинтуса опустил. Все пацаны ржут. И спасибо за коньяк, ты его вовремя послал...

Я кивнул и в душе улыбнулся. Братва в тот момент, наверное, отчитывала его за демарш с очередным “турком”.

– Мы про тебя кое-что узнали... – он исподтишка взглянул.

– ...

– Этот Рыжик – стукачок у Федьки, шлюшек ему поставляет. Потому нахальный такой. Ты его остерегайся.

– Да он червяк, – я улыбнулся.

– Червяк-то червяк. Но подлый червяк... – Арам щелчком выкинул докуренную сигарету в урну, но промахнулся и с досадой добавил:

– Федька на тебя зуб точит. Считай, это дружеское предостережение.

– Зачем ты это делаешь? – я действительно озадачился. – Я для вас чужой.

– Это Федька чужой. Еще ганд...н и стукачок. Рано-поздно пришьют. А ты свой, хоть и наполовину...

Он, как мне показалось, снисходительно улыбнулся.

“Надо же...”

Я посмотрел на часы и решил помочь.

– Зачем я вам понадобился?

Арам немного сконфузился.

– С чего взял, что понадобился?

– Не Рыжика же ты пришел обсуждать?

Он не ответил и вновь потянулся за сигаретой.

– Арам, переходи к делу, – я присмотрелся в его вдруг забежавшие глаза. – Я тоже про тебя разузнал. Обещаю, если что-то не устроит, я просто забуду. Можешь мне верить.

Он глубоко затянулся. Я заметил дрожь в его руках, когда манипулировал с сигаретой.

– Ладно, давай начистоту. Нельзя до конца быть уверенным в человеке, но почему-то ты внушаешь доверие.

– Звучит интригующе... – я сосредоточился.

После нескольких затяжек и сопровождающего сухого кашля он начал:

– Знаешь, наша масть далека здесь от войны. Мы хотим лишь, чтоб был порядок: народ не борзел, менты не беспре-

дельничали, зоны грелись, и овцы были целы, и волки сыты. Кто из какого народа при таком раскладе имеет последнее место, но каждый пастух, хочешь не хочешь, больше пасет свое стадо, чем лезет к соседям. Ты согласен?

Я кивнул. Мысли начали хаотично метаться и мною овладело волнение. Я чувствовал, что сталкиваюсь сейчас с той волшебной удачей, которая выпадает в судьбе разведчика, может, раз в жизни...

– Где-то года два-три назад тут появились какие-то типа крутые ребята из Еревана, – начал, не торопясь, Арам. – Мне сказали тогда, что у них был список чуть ли не всех состоятельных армян Москвы. В общем, эта военная шайка начала объезжать предприятия и точки нашего брата, и требовать пожертвования для общего дела. Ну, ты понял... – немного замялся Арам. – Типа, до победы осталось мало. Русские, америкосы, не знаю еще какие ху...есосы за нами, скоро турков, то есть вас, вытурим за Куру и объединим все наши земли.

Многие поддались на эту туфту, а те, которым все это было по фени, и я в том числе и братва наша, тоже дали им в лапы немного лаве. Пойми, мы просто хотели, чтобы от нас отвязались. У всех в Армении родня, и сами порой ездим и не хотим портить отношение с властями. В принципе, мы привыкли, что периодически какие-то голожопые из Армении приезжают сюда и клянут деньги. Главное, сами ничем не помогают, но как дело доходит до лаве, все патриоты.

Правда, всегда у меня в голове крутилась одна мысль: а кто контролирует этот поток? Куда реально деваются деньги?

А этим военным, видимо, процесс понравился, и они постепенно начали не просить, а требовать, заодно и увеличили ставки... Тьфу... поборы. В общем, дело поставили на конвейер и даже установили сроки. Когда люди реально возмутились, те показали зубы. Кого-то застрелили, кого непонятно почему пырнули, а у некоторых на родине начались проблемы – их арестовывали прямо у трапа при возвращении.

Ты знаешь, армяне – трудолюбивый народ, и кусок хлеба мы здесь, среди русаков, зарабатываем кровью и потом. А эти карабахские вояки, которые щас у нас у власти, решили грабить народ не только там, но и здесь. Мы провели расследование – у нас свои каналы, и убедились, что действительно львиная доля этих денег оседает в чьих-то карманах, превращаются в виллы и банковские счета, в том числе и здесь, в России. Парни настолько наглые, что даже не скрывают свои приобретения.

Тогда люди обратились по инстанции, то есть туда, куда и следовало обращаться при таких вопросах... – Арам опять покосился на меня. – Мол, что происходит? Разберитесь!..

Нет, я лично считаю, что те армяне, которые вошли под крышу Корейца, сделали правильный выбор. Это серьезнее, чем разные солнцевские, измайловские, таганские... – Арам сплюнул. – Рано-поздно всех отстреляют...

Я невольно улыбнулся. Бригады с воровским миром ни-

когда не ладили, хотя вынуждены были терпеть друг друга.
Конкуренция.

– ...И знаешь, какой ответ мы получили?

– ...

– Смысл звучал приблизительно так: ребята, меж собой сами разберитесь. Мол, если славяне, чехи, хоть кто, мы их погасим. А разные армяне – это мелочь.

– Так может действительно мелочь?

– Ничего себе мелочь? – Арам с досадой начал искать свою пачку сигарет. Наконец, вытащил ее из внутреннего кармана. – Ты не понял, братан? За ними государство стоит, со всеми вытекающими отсюда нюансами. Кореец, если захотел, отстрелял бы их как птичек. Но не захотел влезать в политику, понимаешь? Политика – дерьмо даже для Корейца...

Я понял. Организацию с этой военщиной тоже связывали взаимные интересы и, возможно, гораздо серьезнее. Об этом я кое-что изложил.

“Чего же он задумал?”

Я все еще не мог уловить ход его мыслей.

– Ты хочешь, чтобы я попросил Корейца вам помочь?

Арам снисходительно улыбнулся:

– Слушай, мы все обо всех знаем. Ты для Корейца слишком мелкая сошка, чтобы он к тебе прислушался. И еще, если он однажды сказал нет, то никто не изменит его решение. Мы это тоже знаем.

– Тогда...

– Ты послушай, не перебивай. И про наш базар не должен знать никто, даже Мансур. Мы знаем, что ты в его команде...

Арам посмотрел на мои недоуменные глаза и вдруг резко все выложил:

– Ты должен их... образумить. Мы хорошо заплатим.

“Образумить...”

– Ты предлагаешь, чтобы я пошел против Корейца?

– Слушай, почему сразу против? – Арам вновь привычно махнул. – Они что, тебе запретили бы замочить пару мерзавцев? Ты им просто ничего не скажешь... – он на миг промолчал, после тихо добавил:

– У тебя ребенок родился. Левак не помешает...

“Вот оно...” – я понял. Меня воспринимают как киллера. А намек насчет ребенка... То есть, про тебя все знаем. Подставишь, даже ребенка не пощадим...

Я в упор посмотрел в глаза Арама. Он свои отвел. Из пачки вынул сигарету.

– В общем, это заказ...

– А без разницы. Мы хотим решить проблему. Хочешь с ними воспитательную беседу проводи, только вряд ли прок будет. А так, если исчезнут несколько мразей, поверь, никто по ним панихиду не будет справлять.

У тебя свои люди. Ты сможешь...

– Мне надо подумать.

– А что думать? – вновь этот нетерпеливый жест. – Скажи

да или нет. Если да, то я нарисую тебе всю картину и дам аванс. Если нет, закрыли тему и разбежались. И лучше нам не видаться...

Он сигарету пальцами так помял, что решил выбросить. Вытащил новую и на этот раз закурил. Жадно втянул ароматный дым. Табак его немного успокоил.

– Арам, а почему я? – наконец я задал вопрос, который, наверное, он и ожидал. – Ведь я азербайджанец...

Он объяснился предельно ясно:

– Мы сами не можем. Сразу вычислят. Мы с ними базла-нили, ругались...

Со стороны нанимать рискованно. Тема может просочиться.

А ты пока “человек-невидимка”. Мы знаем, ты аккуратный, знаешь свое дело.

И мы тебя не воспринимаем как азербайджанца в классическом определении. Ты азербайджанец, женившийся на армянке – седьмая вода на киселе для всех. То есть, тебе и те, и другие по фене. Тебе важна семья. Это нас устраивает...

Немного помолчав, он произнес мысли вслух:

– Даже хорошо, что ты азербайджанец...

“То есть никому и в голову не придет, что армяне заказали своих азербайджанцу. А в случае провала мотив “на лицо” – азербайджанец мстит армянам за то, что те деньги собирают для войны в Карабахе.

Я буду молчать, так как в случае огласки Кореец не про-

стит мне самовольство, а Мансур – обман, поскольку ждет отчета от этой встречи.

Вот те и воры. Даже дьявол не смог бы лучше придумать...”

– Вас за столом было человек восемь. При таком количестве тайна перестает быть тайной.

– С этой позиции я отвечаю головой.

– Ты говоришь, про тебя это знаем, другое знаем...

– Знать про всех, с кем пересекаются наши пути, это обычная практика. И только в том случае, если ты становишься проблемой, вся эта информация оборачивается против тебя. Но в этом деле только ты, я... и еще один человек...

Я вопросительно взглянул.

– ...Тот, который все придумал. Его имя тебе незачем знать. Со временем сам догадаешься... Он мой учитель, считай, отец. Всему, чего добился в жизни, я обязан ему. Мне-то по лодыжке, а он здорово рискует. Потому будет немой при любом раскладе.

– Почему тебе все равно? В смысле, ты крутой?

Еще недавно горевшие его глаза потускнели.

– В смысле, мне недолго осталось...

Я понял. Он выполнял, может, последнее в жизни задание своего цеха и эту тайну должен унести в могилу.

– Скажи, Арам, – я решил все выяснить до конца, – мои родственники участвуют в этом военном процессе?

– Конечно, братан, – усмехнулся он, – и, естественно, тебе

не скажут – ты все-таки айзер... Брат твоего тестя Спартак с ними в одной упряжке. Еще тот зверь. Это он собирает для военных сходку армянских воротил, которые находятся под крышей Корейца. По существу, люди платят и тем, и другим. Эти тупорылые трудоголики обращаются по своим бедам к кому угодно, только не к тем, к кому полагается... – он вновь зло сплюнул. – Ничего, и с них спрос будет... Кстати, Спартак входил в какую-то карабахскую организацию, которая заварила эту кашу.

– “Крунк”, что ли?

– Нет, там другое было... – он попытался вспомнить, но безрезультатно. – Самвел, тесть твой, сидит как овощ. Для него вся эта туфта не имеет значения, тем более зять – азербайджанец. Но молчит из-за брата... Да, еще артачится сын Спартака Артур. У того вообще нет тормозов, и он кроет военных чуть ли не матом. На этой почве конфликт с отцом. На последней сходке Спартак хотел его ударить, люди вмешались.

– А почему он против?

– Он понимает, что это лохотрон. В принципе, все понимают, кроме нескольких дебилов. Просто Артур не боится. Кто его тронет, он сын Спартака. Из-за отца же открыто не может выступить, потому требует прозрачность в финансах. Предлагает посадить собранные деньги на специальный счет их военного ведомства. И чтоб эти вояки каждый раз отчитывались перед общиной – что, куда, зачем...

– А те?

– Против, конечно. Лаве от них тогда уплывает... И еще, на этой сходке эти твари моего наставника реально оскорбили, когда тот поддержал Артура... – Арам стиснул зубы. – Нельзя вот так просто оскорбить уважаемого человека. Мы сами их с удовольствием загрызли бы, но Учитель против.

– Он мудрый человек.

– Да-а, мудрый... – глаза Арама вновь блеснули. – Самый умный, я только его и слушаю. Он меня с малолетки лепил. Все его или уважают, или боятся. А эти твари взяли и оскорбили...

“И подписали себе приговор.”

– ...Меня не было тогда, повезло этому ублюдку, я бы не стерпел. Зовут его Ашот Багдасарян. Он главный. Он должен быть наказан...

Арам вдруг как бы очнулся:

– Слушай, ты все спрашиваешь, спрашиваешь... Я тебе, считай, весь расклад выложил, а ты так и не ответил: берешься за дело или нет?

– Сколько?..

Арам облегченно вздохнул, и бледное его лицо чуть порозовело. Раскрыл он мне действительно всю колоду, прикинь, если выяснилось, зря. В этот день мы с ним многое обсудили...

Глава XXIV

Сходка армянских воротил г. Москвы, сгруппировавшихся вокруг Спартака Манучарова, проводилась на его стекольном заводе в Мытищах. Информация Мусаева подтвердилась.

Предприятие неплохо работало и в советское время. Во время развала страны оно сначала целенаправленно обанкротилось, а после за копейки было приватизировано предприимчивым Манучаровым. В завод были вложены нехилые деньги, вмонтировано современное оборудование, были приглашены специалисты из Франции, обучен технический персонал, и все это в последующем оправдалось. Попробуйте представить масштабы строительства для такого мегаполиса, как Москва и области, и все поймете. Ведь были еще и другие регионы, где экспедиторы-агенты Манучарова, вроде Эльшана Мансурова, шныряли в поисках клиентов и выгодных заказов. Одно время какая-то Бригада хотела отобрать прибыльный объект, но не успела. Спартак вовремя вошел под крыло Корейца. Посодействовал процессу Эльшан. Поташил Спартак с собой и все свое предприимчивое армянское окружение.

Вот и военных из Армении решили принять на этом заводе, когда те появились. А им место так понравилось, что попросили у хозяина выделить небольшое помещение, кото-

рое стало их как бы штаб-квартирой. Тут постоянно околачивались какие-то подтянутые тихие субъекты с исторической родины и, как правило, никто у них не спрашивал, кто они и чем занимаются. Постепенно с их подачи Спартак уволил с завода или перевел на другие объекты всех лиц неармянской национальности. Об этих и других нюансах я позже узнал, когда повторно встретился с Арамом для обсуждения деталей...

– А сколько вам обещали за выполнение заказа? – это спросила Гюлечка.

– Какое вам дело? – слегка удивился Длинный. – Решили финансовый аудит проводить?

– Мне интересно. Ведь принимая заказ, вы практически должны были выступить в роли киллера.

– Вот оно что... – ухмыльнулся Длинный. – Вы намекаете на неправомерность или аморальность ведения убойных методов против указанной вражеской организации? Организации, благодаря деятельности которой покупались танки, пулеметы, ракетные установки и из которых стреляли по нашим солдатам? А их смерть и увечья вы, надеюсь, тоже будете учитывать, как смягчающее обстоятельство?

– Я вообще против любого насилия, тем более в деятельности спецслужб. Я считаю, что разведка должна быть интеллектуальная, а не убойная.

– К сожалению, в мире не придерживаются этой романти-

ки... – возразил было Длинный, но тут на Гюлечку наехал обычно неконфликтный Арзуман.

– Гражданка, если вы ничего ни бельмеса³⁵ в этих вопросах, не лучше ли просто затк... слушать и не мешать процессу?

– Да, пусть заткнется... – воткнул нож в цельную курицу Ветеран в тельняшке и начал разделявать. – Терпеть не могу, когда баба к мужикам лезет.

– Ну да, – моментально отреагировала Гюлечка, – понимаю, в тюрьме привык... к своим...

– Сука! – огрызнулся Ветеран в тельняшке. – Порешил бы...

– Ну, ты!.. – разозлился Бакинец. – Тоже мне, потрошитель. Выражайся культурно!

– Я щас твою культуру... – медленно начал вытаскивать нож из курицы Ветеран в тельняшке.

– Молчать! Немедленно молчать! – снова выступил в роли третейского судьи Прилизанный, стукнув кулаком по столу. – Опять? Думал, уже очеловечились!

– Мне хочется выпить! – решительно заявил Ветеран в тельняшке. – От этих рассказов у меня синдром войны пробуждается. Я хочу стрелять, убивать, закапывать живьем, стереть в порошок...

– Кого, армян?

³⁵ ни бельмеса – не знает (не понимает), фразеология на русском языке, приобретенная с тюркского.

– Ментов! – заорал он на Бакинца.

– Так все! – обратился Прилизанный к Арзуману. – Глушите его синдром, только в разумных пропорциях.

– А мы? – жалобно заскулил Режиссер. – У всех у нас... синдром...

Прилизанный махнул рукой. После очередного возлияния Аталай, как фурия, обрушилась на Ветерана в тельняшке.

– Если вам неинтересно, уходите в свою тюрьму!

– Уже интересно, – довольно хмыкнул возмутитель спокойствия. – Ну, давай, рассказывай, братан, как ты порешил этих хачиков.

– Никого я не порешил... – огрызнулся Длинный.

– А жаль, – вздохнул Ветеран в тельняшке, – ты бы ускорил решение карабахской проблемы. Я все больше убеждаюсь, что хороший армянин, как хороший мент... – он икнул.

– Сам заткнешься или помочь? – уже спокойно спросил Длинный. Тот пьяными глазами удивленно уставился на него и вдруг стукнул ладонью по лбу.

– Твою мать!.. Совсем забыл... Добавлю, что во всем всегда есть приятное исключение.

– Слушайте, кто-нибудь заткнет этого пьяного уголовника? – уже впала в истерику Аталай. – Я не могу, не могу уже слышать этот треп!..

Ганмурат попытался успокоить ее, зыркая взглядом на Тельняшку, но без видимой злости.

– У него уже язык заплетается, – подло шепнул Прилизан-

ному Режиссер, но рядом услышали. – Чтобы полностью отключить, налейте ему убойную дозу в бокал, а мне в рюмку – за рациональное предложение.

Тот кивнул. Все с интересом начали наблюдать, как это предложение внедряется в жизнь...

Через некоторое время Прилизанный удовлетворенно крякнул:

– Каналья, вы свою рюмку заслужили, – похвалил он Режиссера, – теперь прислоните его, чтобы не свалился. Думаю, нам уже не грозит срыв графика. Продолжайте, голубчик, – традиционно обратился он к рассказчику...

– Естественно, я все обсудил с Наилей. Как и предполагал, она согласилась, что нам выпал уникальный шанс, который ни в коем случае нельзя упускать. Обсуждая детали, мы все больше убеждались, что судьба практически на блюдечке преподнесла нам подарок, о котором даже не мечтали. Но одной радостью дело не продвинешь, и мы решили немедленно приступить к его осуществлению.

Поверьте, тогда мы сами не до конца понимали, что можно извлечь из этой ситуации. И времени было мало, так как Арам сообщил, что предполагаемая сходка-собрание армянских дельцов совместно с военными должна была произойти на следующей неделе. Конкретное число он обещал сообщить ближе к дате. Значит, о долгосрочной разработке не могло быть речи.

Арам описал двоих. Они руководили собраниями и манипулировали поборами. Ашот Багдасарян, средних лет, он был коренастый и полный. Таким телосложением обычно владеют бывшие борцы, добравшиеся до хорошей жизни. Спартак с ним держался нарочито вежливо, и обращались они друг к другу исключительно на “вы”. Видно было, отношения холодные, рабочие. Со вторым он был на более короткой ноге. Звали его тоже Арамом, и чтобы не путать с первым Арамом, я его буду называть Арам-военный. Он был более подвижный, юркий, левую щеку рассекал небольшой шрам, вероятно, от ножевого ранения или лезвия, и придававший его физиономии уголовный оттенок. Я вспомнил Федьку...

Арам-военный и Спартак Манучаров знали друг друга еще до войны, поскольку оба были ленинканские. Багдасарян же был карабахский и входил в близкое окружение тогдашнего военного министра Армении.

Остальные трое в основном молчали и участвовали в сходках как бы в качестве интерьерера. Их крепкое телосложение, более молодой возраст и обслуживающие действия подсказывали, что они находились на вторых ролях. Состав почти монолитный, за два года заменили лишь одного молодого.

Ашот с двумя проживал в двухкомнатной съемной квартире в многоэтажном доме в тех же Мытищах. А “лицо со шрамом” с оставшимся бойцом ютились на заводе. Это раз-

деление существенно облегчало нашу задачу, поскольку расправиться сразу со всей пятеркой было бы сложнее...

– Как ты думаешь, почему Ашот проживает с двумя в двухкомнатной квартире? – задумавшись, спросила тогда Наиля. – Это, наверное, неудобно в бытовом плане. Их трое, а комнат две...

Я улыбнулся. Мы мыслили одинаково. Наверняка, молодые выполняли охранные функции. А охраняли, конечно же, кассу – собранные у соотечественников деньги. Но квартира, видимо, являлась временным пристанищем. Где-то должно было находиться основательно укрепленное логово.

Также предположили, что этот Ашот Араму-военному не доверяет или просто держит на расстоянии от денег. Поэтому и его с третьим бойцом поселили на заводе.

Мы решили брать квартиру и брать ее после сходки – с баблом. Естественно, надо было задействовать Павла и Толика, но втемную. Им сказали, что по наводке надо обчистить хату с хачами. В доме имеется много денег и наркоты. Те, конечно, согласились. Они, по существу, были классическими бандитами и уже приняли мою главенствующую роль в нашей маленькой “семейке”, особенно после перехода к Корейцу. Потому и решили – мне виднее. Тем более, их обожаемая сестренка тоже разделяла эту разбойную мысль...

– А Мансуров? – спросила Аталай. – Как вы отчитались?

– Мансур у я сказал, что Арам действительно хотел извиниться за грубость и приглашает меня на застолье с друзьями, которые были тогда в баре. Он, типа, очень хотел им доказать, что люди разные. Если он, Арам, прокололся с одним азербайджанцем, это еще ничего не значит. Вот другой, для которого человеческие понятия приоритетны, если он в таком раскладе решил связать судьбу с армянкой...

Мансур улынулся:

– Это на него похоже. Арам, в общем-то, с ног до головы идеалист, чего не скажешь об остальных... И все?

– Да. – Я придал голосу максимум уверенности.

– Ты согласился? – с интересом уставился Мансур. Избегая его взгляда, я ответил:

– Нет, конечно. Мне это ни к чему. Сослался на занятость. Но сказал, что всегда буду рад пропустить с ним парочку бокалов пива. Мы на следующий день так и сделали... Сам же сказал, он нормальный...

Этим заявлением я как бы легитимировал предстоящие встречи с Арамом.

Мансур пожал плечами:

– Против Арама ничего не имею. Но все равно не увлекайся. Этот человек непредсказуемый...

Три дня наружного наблюдения, проведенные перед домом, где проживали “клиенты”, позволило нам изучить их график, в том числе досуг. Ашот особой нравственностью

не отличался. Может, он на собраниях вел себя солидно, но “дома” полностью раскрывался и далеко не в лучшую сторону. За все три дня, которые мы наблюдали за ними, привозились новые девочки. Обычно один из молодых оставался с Ашотом, а другой ездил за девками и провиантом. После оба оставляли проститутку с боссом, спускались в кафе-кабак, находящийся прямо перед домом и, видимо, заодно и наблюдали за подъездом. Через часа два-три возвращались в квартиру, в которой Ашот, вероятно, уже дрыхал после энергозатрачивающих утех. Поздней ночью, а иногда утром приезжала старенькая иномарка и увозила девочек обратно. Где-то в 10 – 11 хачики и сами выезжали, обычно на завод.

Мы обследовали этаж. На большой площадке постоянно играли дети из квартиры напротив, двери которой всегда были открыты настежь. Оттуда толстая и неопрятная мамаша и девочка-подросток в мужской майке и с оголенными ножками безуданно наблюдали за ними, периодически загоняли вовнутрь, а после выгоняли обратно. Иногда мы слышали хриплый баритон главы семьи, похожий на голос Высоцкого, но звучащий, судя по содержанию, из явно нетрезвой глотки.

Мы предположили, что вряд ли армяне оставили бы квартиру бесхозной, если там можно было чем поживиться. Очередные финансовые поступления их ожидали на запланированной уже в скором времени сходке.

По словам Арама, обычно эти гастролеры-военные отбы-

вали в Армению сразу же на следующий день после собрания, видимо, не желая рисковать баблом. Но не всегда. Так как они являлись конкурентами вора, те старались держать их на обозрении и заметили, что Ашотова тройка иногда попросту исчезала. Но военные выполняли еще и свои профессиональные задачи, потому воровской цех на этом не зацикливался.

В скором от источника из авиакассы был получен сигнал о том, что билеты уже приобретены, и мы установили время отбытия группы Багдасаряна. Значит, предположительно за день до этого будет проведено собрание. У нас оставалось еще четыре дня...

– А что, разве время собрания держалось под строгой тайной? – полюбопытствовала Аталай.

– Не то, чтобы это была секретная информация, – подумав, ответил Длинный, – скорее соблюдались элементарные меры безопасности, не трубили.

– Так что же вы хотели предпринять? – зыркнув в сторону Аталай, спросил Прилизанный. После недовольно обратилась к ней:

– Деточка, у нас уже есть Джеймс Бонд, – кивнул он в сторону Длинного, – еще и Мата Хари наше сознание не осилит, не мешайте.

Она обиженно надула губки, но промолчала...

– Мы решили использовать Наилю как приманку, исходя из результатов наблюдений, – продолжил Длинный. – До этого анализировали разные варианты, в том числе налет на их тачку. Это предложил Павел. Он никак не мог понять, почему мы придумываем разные сложности. Есть объект, есть деньги. Надо просто расстрелять машину с ее содержимым, забрать бабло и приказать долго искать. Никто “зверей”, – тут он, посмотрев на меня, смущенно кашлянул, – то есть лиц кавказской национальности, которые, кажется, сами смахивали на бандитов, искать не будет.

Что ж, с точки зрения бандита, вполне приемлемый сценарий. И пришлось осторожно вводить братьев в курс, хотя бы насчет Корейца. То есть эти хачи промышляют под его крылышком. Потому надо действовать аккуратно и желательно без крови.

Я обалдел, когда узрел разодетую, расфуфыренную Наилю, и готов был биться об заклад, что и братья впервые пожалели о кровном родстве с ней. Перед нами, как в волшебной сказке, появилась Джулия Робертс из фильма “Красотка”. Образ почти был идентичный. Высокие ботфорты на длинных ножках, кожаная мини юбка, прекрасно оформляющая ее упругую попку, покрашенные в алый цвет чувственные губы и даже светлый парик в стиле каре. Позже она призналась, что этот “сценический” образ она действительно позаимствовала из этого фильма.

Мы сразу поняли, что Ашот клонет на наживку. Теперь

оставалось грамотно преподнести Наильку его взору. Но как?

Один из вариантов сценария выглядел приблизительно так.

Мы очень надеялись, что после собрания Ашот с подельниками не исчезнут, как иногда это происходило, а возвратятся в квартиру. В этом случае двое молодых или опять будут ждать в кабаке, если повторится традиционный сценарий с проститутками, или в любом случае кто-то спустится за едой, так как они всегда заказывали пропитание в этой кафешке. И что важно, заказав еду, дожидались, сидя за привычным столиком у широкого окна, откуда прекрасно наблюдался подъезд дома.

Ашот за все время нашего наблюдения ни разу не спустился в кафе и, маловероятно, что изменит привычке и на этот раз. При таком раскладе Наиля, ожидающая свой выход, должна была пройти перед заведением и неосторожно сломать заранее ослабленный каблук.

“Больно растянув” ступню, она должна была немного помяться, как бы растерявшись. Противник по идее должен был выскочить на улицу и предложить помощь. Или же Наиля сама должна была проковылять в кафе. В любом раскладе мы очень надеялись, что она окажется в обществе с хачами...

– Неужели все так и произошло? – на этот раз не выдержала Гюлечка.

Длинный, как бы воспользовавшись вопросом, не торопясь прикурил и с наслаждением затянулся.

– У нас были другие варианты в зависимости от ситуации. Не буду перечислять, они негодились. Мы просто знали, что ни в коем случае не должны были допустить уход этих денег в Ереван, зная их предназначение. Потому готовы были в случае необходимости и на вооруженный налет.

– А если они все-таки не возвратились? – спросил Прилизанный, нервно теребя пальцами. – Как бы нашли их?

– За заводом следил Толик. Если хачи поехали бы в ином направлении, он должен был установить их местонахождение. Если мы все равно их потеряли бы, то оставался Арам. Он должен был владеть информацией. Мы договорились, что Арам по любому будет сидеть в кабаке, где мы с ним встречались. Будет сидеть допоздна, на всякий случай...

Больше учесть все нюансы, поверьте, было невозможно, учитывая сжатость срока. Потому лучше расскажу, как все произошло, чем будем анализировать то, чего не случилось.

– Логично, – кивнул Прилизанный и рассказчик продолжил...

Глава XXV

Мы запланировали правильно. Толик обогнал гастролеров и предупредил нас. И мы заняли позицию. Я начну с того момента, когда Наиля перед кабаком красиво “подвернула” ногу и сломала каблук. Пока она, сидя на корточках, ахала и охала, хачик – а он был один и ждал, как мы и предполагали, заказ – пулей вылетел из кафе и, не веря своей удаче, облепил Наилю участием. Она благодарно подарила ему улыбку, тряся его древнеармянскую душу вдоль и поперек и, опершись на его плечо, зашла в заведение.

Так, – довольно крикнул Павлик, – Третьяковская галерея.

“Кажется, повезло. Багдасарян, видимо, собрал жирный куш и не хочет рисковать с проститутками...”

Я вытер вспотевший от напряжения лоб.

– Ты думаешь, она сможет развести хачика на квартиру? – беспокойно заерзал Толик.

– Уверен. – Павлик.

– А вдруг не рискнет без позволения старшего?

– Ты видел, какими глазами он пожирал ее? Плевать он хотел на Ашота.

– Видел... – мрачно процедил Толик. – Лучше б не видел... – он со злостью плюнул через открытое окно. – Встречу, выколю фары...

Через минут двадцать, мы, наконец, свободно вздохнули. Наиля, трепетно прильнув к хачику, хромая, показалась у входа. Тот одной рукой “галантно” обхватил талию девушки, а другой – бумажный кулек с провиантом и что-то шептал ей на ухо, а она звонко смеялась, правда, не забывая охать, когда наступала на “больную” ногу. Каблук, видимо, ей в кафешке прикрепили. После “сладкая парочка”, не торопясь, пересекла узенькую дорожку и направилась к подъезду дома...

– Пора... – шепнул я Павлику, и мы оба выскочили из машины. Квартира была на четвертом этаже. Мы на лифте поднялись на шестой, открыли сумку, которую Павел снял с плеча, разложили содержимое на подоконнике, предварительно застелив газетой. Это были бутылка непочатой водки, алюминиевые кружки, пара рыбных консервов, которые Романов тотчас разрезал, черный хлеб и неполная банка огурцов. На дне сумки лежали две калаши-ксюши³⁶ с завязанными изолентой двойными магазинами и несколько пачек с патронами.

Этажом мы определились во время наблюдения. Здесь собирались бомжеватые любители спиртных напитков, потому и мы соответственно выглядели. Старые джинсы, помятые

³⁶ ксюша – военный жаргон. Она же ксюха, сука, ублюдок, кастрат. Имеется в виду укороченно-складывающий вариант автомата Калашникова – АКС-74У или упрощенно – АКСУ.

кепки, небритые лица. Бомжи или выпивохи приходили к одному из жильцов, но, видимо, предпочитали расположиться на относительно чистом подоконнике подъезда. Остальным соседям или на все на это было наплевать, или они вообще отсутствовали, так как мы никого больше не видели. Обычно к этому времени, а был уже одиннадцатый час, эти тихие выпивохи уходили.

Разлив в кружки спиртное, одну протянул мне Павлик. Я залпом опустошил ее содержимое. Нервы наши действительно нуждались в смазке.

В следующий миг мы насторожились. Послышался скрип двери и приглушенные мужские голоса. Тотчас следом за захлопнувшейся дверью кто-то, бормоча, начал спускаться вниз. С окна мы увидели, как мужская фигура в спортивке и в бейсболке вразвалку направилась в сторону кабака.

– Это другой... – шепнул мне Павлик. – Тип с Наилей был выше.

– Малыша выгнали на улицу.

– Так значит, хачи там... вдвоем? – в голосе Павла зазвучало беспокойство.

– Да. – И я был в напряге. – Значит, не поделили...

– И что теперь? – Романов потянулся к сумке.

– Она справится. Мы же договорились, если что, она должна разбить окно или кричать. Тогда вломимся, не вопрос.

– Нет ничего хуже, когда вот так ждешь... – с досадой от-

ветил Павел и опрокинул свою кружку...

Скоро и я начал терять терпение. Сознание зарисовывало различные варианты происходящего в квартире. Мы заранее постарались учесть каждую деталь, прогнозировали варианты, в самообладании Наили же я не сомневался. Но как можно было предугадать поведение этих субъектов, судя по образу жизни – моральных уродов...

Толпа молодых ребят и девочек с шумом вломилась в подъезд. Послышался протяжный скрип вызываемого лифта. Мы быстро наполнили кружки, изображая давно “разогретую” компанию. Лифт остановился на нашем этаже.

“Черт...”

Дверь на площадку с толчком распахнулась. Несколько молодых харей и девичьих рож с красными щеками и всколоченными волосами вломились в проем.

– Твою мать!.. – кто-то с досадой выпалил при виде нас и плюнул. Видимо, сегодня на эту площадку были и у них планы.

– Замочить бы! – храбро выпалил самый хилый, стараясь изобразить крутизну.

– Сынок... – “пьяно” махнул на него как на муху Павлик. – У-уйди...

– Да ну их, пацаны! – выкрикнула звонкая девичья глотка. – Айда наверх, к Севке...

Мы напряженно прислушались к шуму поднимающегося

лифта, стараясь угадать следующую его остановку и с облегчением вздохнули, когда шум этот затих на самом, кажется, верхнем этаже.

Вновь вереница безжалостных мгновений.

– Надо было ей дамский пистолет дать, – пробормотал Романов.

– У нее баллончик, – ответил я, вытирая капли пота со лба.

– Если вернется третий, надо вслед рвануть в хату, я больше не могу... – Павел схватил бутылку и приложился к ней.

Я не ответил. От напряжения, кажется, и у меня в голове готовы были лопнуть сосуды...

– А зачем вообще эту несчастную отправили в этот притон? – вдруг возмутилась Гюля. – Какого черта? Я бы в жизни не согласилась.

– То вы... – вздохнул Длинный, у которого в голосе послышалась досада. Видно было, он заново переживал эти нелегкие мгновения. – А то она...

Гюля фыркнула и хотела ответить, но не успела.

– Вы надоели. Я щас уйду!.. – Длинный решительно заявил.

Все зацокали на Гюлю, да так, что она убежала в ванную комнату и оттуда крикнула:

– Шантажист!

Длинный снисходительно улыбнулся, продолжил...

– ...Потому, когда заново закрипела дверь, у нас остановилось дыхание. Схватив калаша, мы тихо подошли к перилам. Поверьте, я пережил смерть брата, изменение психики от этого горя мамы, обвинение в убийстве и т.д., но реальные седые волосы у меня появились, кажется, в эти мгновения.

В следующий миг услышали чьи-то крадущиеся шажки по ступенькам.

– Наиля!.. – с облегчением вздохнул Павел, подымая голову из-за перил...

Пропустив нас в квартиру, Наиля бесшумно закрыла дверь на замок и молча указала на комнату, где хачи лежали кто где. Ашот отключился на раскрытом диване, где, наверное, и любил проводить оргии. Одна нога с тапочком на босую ногу смешно болталась, а другая была согнута. Край белой майки с изображением какой-то хипповатой девицы, почему-то смотрящей в свой округлый зад, задрался вверх и оголил отвратительное пивное пузо со вспотевшей вонючей растительностью. Редкие, слегка выющиеся волосы прилипли к его блестящему под электрическим светом лбу. Ашот раскатисто храпел и удивляло, как он не просыпается от своего рыка.

Другой хачик растянулся плашмя на полу. Наверное, перед падением сидел на стуле, а после отключился и свалился. На столе лежали куски остывшего свиного шашлыка в раз-

резанной поперек буханки хлеба и прочая закуска к разнообразным спиртным напиткам. Картину завершала большая хрустальная пепельница, доверху наполненная окурками, отвратительный запах которых, казалось, впитался повсюду. Я впервые может со дня знакомства посмотрел на Наилю с восхищением. В этом хрупком теле скрывался непоколебимый дух воительницы.

– Сколько же ты им накачала клофелина?

– Я вообще-то впервые в роли аферистки, – иронично ответила она, – потому о дозах не имею нормального представления. По две таблетки, чтобы наверняка. Подумала, в худшем случае сдохнут, что невелика потеря.

– Слона можно было завалить... – присвистнул Павел.

– А как все провернула? – улыбнулся я.

– Представь, без особого напряжения. Я Арсену, – она показала на валяющегося под столом хачика, – в кафе наплела, что завтра собиралась на собеседование в иностранную фирму. А теперь нога опухла и вряд ли это получится. И стала скулить. Тут он начал мне золотые горы сулить. Мол, мы такие крутые-борзые, самую лучшую работу для тебя найдем. Смотрю, он не на шутку втюрился и даже не хочет меня в квартиру брать, чтобы ни с кем не делить. И тогда я сделала вид, что собираюсь уходить. Мол, больно, надо отлежаться. Только тогда он нехотя пригласил, попутно объяснив, что его босс сможет решить любые вопросы. Ну, я помялась для приличия, после прикинулась ушастиком и согласилась под-

няться к ним на чашку кофе, чтобы обсудить вопросы трудоустройства.

Ашот же, как меня увидел, сразу встал на задние лапы и начал слюни пускать, что не понравилось Арсену, который в бессилии зыркал на босса. Одного подельника Ашот без проблем выпроводил. А этот что-то на своем балакал и не хотел уходить. Тем временем я предложила выпить шампанское, подумав, что клофелин в нем лучше растворится. После первого бокала они продолжали базарить, из чего я поняла, что Ашот хочет и Арсена выпроводить, как бы используя служебное положение. Но тот уперся и ни в какую. И тогда они оба вышли на балкон, якобы покурить на свежем воздухе, на самом деле перетереть вопрос. Ну, я в этот момент и...

– Красава!.. – я ее похвалил, смущенно уловив радостный блеск в ее глазах. – Ты не определила, где бабло?

– Думаю, там... – она показала на небольшой шифоньер. – Ашот оттуда деньги достал и дал товарищу, ну, тому, который вышел.

Мы не успели проверить догадку, поскольку услышали тревожный голос Павла, занявшего позицию у окна, из которого как на ладони прослеживалось пространство от кафешки до дома.

– Афтунг! Хачик идет...

Третий армянин с той же развязной походкой возвращался. С ним также расправились быстро. Дверь открыла улыбающаяся Наила в мужской сорочке, едва прикрывающей

ее точеные ножки. И пока хачик сориентировался, таращась на возникшее перед ним волшебное видение, тяжелый кулак Павла кувалдой опустил на его шею...

Бац!

Длинный по инерции стукнул кулаком по столу, как бы изображая процесс. Посуда тревожно зазвенела. Курочка, в которую успел воткнуть вилку Бакинец, выскочила и влетела на тарелку Ветерана в тельняшке, забрызгав его капельками жира. Тот открыл глаза и обалдело уставился перед собой.

– А наливать?.. Хг... – он противно икнул.

– Дьявол! – с досадой воскликнул Бакинец, наблюдая, как полудреmlющий Тельняшка вцепился зубами в его курицу.

– Да пусть хоть закусит, – усмехнулась Гюлечка, – может, режим очеловечения включится.

– Целая бройлерская ферма этому не поможет, – мстительно пробурчала Аталай.

– Что-то эти куры... раскудахтались... – попытался пьяными мозгами осознать услышанное Ветеран в тельняшке.

– Ты закусывай, голубчик, закусывай. Мозги надо подпитывать... Так что же дальше было? – вновь обратился к рассказчику Прилизанный. – Не смакуйте наше терпение...

– Мы запеленали хачиков как младенцев и прислонили к стене, – отпив несколько глотков минеральной, продолжил Длинный. – После ринулись к шифоньеру, на дне которо-

го нашли то, что искали. Черная спортивная сумка была наполнена 100 долларовыми купюрами США в пачках. Мы насчитали 240 тысяч с лишним. Позже посчитали, тогда было некогда.

За диваном нашли дипломат, в котором обнаружили записи оперативного характера. Короткие заметки и тексты были в основном на армянском, в некоторых местах же на русском, что помогло определить их назначение. Позже Саламова переправила их в Баку, и только тогда по-настоящему осознали, как нам повезло. Короче, у нас на руках оказался список лиц армянской национальности, занимающихся предпринимательской деятельностью в городе Москва, и области, и сотрудничающих с военными спецслужбами Армении. Эти люди были подконтрольны в том числе и организации Корейца через Спартака Манучарова.

Кроме информации на “доноров”, кто сколько заплатил, с именами, адресами, у кого сколько долгов осталось, разные отметки в плане бизнеса и т.д., определили лиц, ведущих агентурную деятельность. Разумеется, они были записаны под псевдонимами, но некоторые “засветились” и настоящими именами.

Каждую деталь я не буду упоминать, скажу лишь, что особенно меня заинтересовало. Наши аналитики выявили среди записей несколько псевдонимов откровенно азербайджанского характера. Их я хорошо запомнил: “Мамед”, “Турк”, “Алихан”, “Алим”... В коротких заметках было зафиксиро-

вано время и места встреч, переданные им суммы. В одной из бумаг речь шла о деятельности некоего Алимардана, которого идентифицировали с “Алим”. Позже мы его легко вычислили на одном из предприятий Спартака Манучарова и ликвидировали. Он оказался активным источником информации для противника, поскольку брат его занимал ответственный пост в структуре МО Азербайджана.

“Алим” являлся скрытым наркоманом, “обиженным” – это достаточно распространенный тип неудачников и слизняков, но не в блатном смысле. Они привыкли во всех неудачах винить кого угодно, но только не себя. Это и невнимательные родители, и соседи, и власть... В общем, законченная мразь...

– Подождите, что значит ликвидировали? – ошарашенно промолвила Аталай. – Вы его убили?

– Да! – раздраженно выпалил Длинный. – Что его, по голове надо было гладить? Он продался противнику в обмен на деньги и дозы и, по обнаруженным нами текстам, был у них в определенном “почете”. Часто ездил в Баку, якобы проводить семью, на самом деле выполнял задание заказчика, выманивал информацию у брата и у его окружения. Предателя аккуратно пырнули ножом под сердце в подъезде, где он снимал квартиру. Всего за пятьсот зелененьких. В кармане оставили дозу и шприц, чтобы отвлечь следствие. Впрочем, его никто и не стал искать.

– Кто п... пырнул? – вновь пролепетала Аталай, с округлившимися от ужаса глазами. – Вы?

– Это Толик. Вернее, его люди. У Младшего была масса связей среди беспредельной шпаны и скинхедов, с которыми он сталкивался в боксерских залах. Те даже для удовольствия могли замочить “темнокожего”, тем более, если на него кто-то из своих зуб имел. Скинхеды иногда проводили для ново поступающих такого рода проверочные мероприятия. Типа, боевое крещение.

– Господи, вот мрази!.. – прошептала Гюля.

– Кто спорит... Но в данном случае их мерзость послужила по назначению.

– А брат его не искал? – спросила Аталай. – Вы, кажется, упомянули, что он был важным военным чином?

– Ему в скором не до брата стало. Люди Мусаева конкретно за него взялись. В результате, был снят с должности, так как в его служебной деятельности обнаружили массу изъянов. По одному из эпизодов открыли уголовное дело. Кажется, он кого-то устроил за плату в оборонное ведомство.

Впрочем, к шпионажу он не был причастен. Алим его втемную использовал.

– Приказ о ликвидации поступил из вашей Конторы? – как бы между прочим спросил Прилизанный, не смотря в глаза оппоненту.

– Нет, конечно... – ухмыльнулся тот, качая головой. – Просто Наиля передала мне слова Мусаева – как таких лю-

дей земля носит? Несколько раз повторила, как бы с настойчивостью, не отрывая от меня взгляда. Мол, чтоб они сдохли, а в особенности этот Алим. Почему-то он Старика больше разозлил.

– Могли бы арестовать, когда он в Баку возвращался... – бросила Гюлечка.

– Не могли. Армяне, поверьте, не идиоты. Сразу поняли бы что, засекли их агента. А так, убийство с криминальной подоплекой.

– А как другие предатели? – спросил Прилизанный. – Их тоже... ликвидировали?

Длинный покачал головой:

– Не успели. “Мамеда” и “Турка” установить не удалось. На армянских предприятиях работали несколько “Мамедов” – Магомедов из Азербайджана, как понимаете, это достаточно распространенное имя. И под “Турком” мог подразумеваться любой азербайджанец. Честно говоря, у нас времени не хватило на основательную установку. Последующие события оказались столь фатальными, что не до этого стало...

Но “Алихана” успели вычислить. Выяснили, что этот субъект уже является российским гражданином и был на стадии разработки у Багдасаряна. Он был разбогатевшим торговцем фруктами на Петровско-Разумовском рынке. По характеру доверчивый, любитель разных утех, в том числе и амурных, он был членом какого-то российского земляче-

ства азербайджанцев. Амурова же стрела сыграла с ним злую шутку в лице сексапильной армянки Лолиты, которая устроилась на одну из его точек продавщицей. Она была уроженкой Минвод и была внедрена к “Алихану” людьми Багдасаряна. Впрочем, наш “герой” всюду ее представлял, как грузинку. Короче, мы шепнули про эту связь в его землячество, в том числе и о подозрительной деятельности самой Лолиты-Лолы, и в скором ни Алихана, ни его протезе на этом рынке не оказалось. Азербайджанцы так на него разозлились, что, говорят, полностью разорили его бизнес, и он, не солоно хлебавши, уехал в какую-то российскую глушь заново испытывать счастье с помощью отечественных фруктов.

– Так ему надо, козлу! – удовлетворительно крикнул Прилизанный. – Но, опомнившись, покраснел.

– Однако! – улыбаясь, осторожно намекнула Гюля.

– Были ли другие интересные эпизоды в этих бумагах? – не унимался Прилизанный.

– Тексты были короткие, скорее заметки. Вероятно, этот Ашот или кто-то другой сделал отметки для последующего составления справок-отчетов для своего ведомства...

Интересные... К примеру, мы выяснили, что противник, кроме прочего, проявляет интерес к российским НИИ, которые в это время находились в плачевном состоянии из-за скудного финансирования. Я забыл фамилию, указанную в одном из текстов армянина, которого хотели протолкнуть на руководящую должность в одном из НИИ города Москвы.

То ли Айрикян, то ли Арутюнян... Мусаев очень интересовался по этому эпизоду, просил исчерпывающую информацию. Мы позже собрали и отправили. Что было дальше, не знаю...

Позже, заинтересовавшись этим направлением, мы вычислили в одном из московских НИИ физика-азербайджанца и дали на него наводку в Баку. Мусаеву удалось с ним контактировать и оказалось, что он достаточно талантливый ученый, в том числе в области военных разработок. И что немаловажно – большой патриот. Его очень угнетало тогдашнее состояние Азербайджана, оккупация Карабаха и прочее. Он тотчас предложил свои услуги и обрисовал несколько интересных проектов в области военных технологий.

– Каких? – взбодрился Прилизанный.

Длинный на миг призадумался:

– Помню один. Кажется, назывался “самонаводящиеся сухопутные торпеды”, реагирующие на тепловые, световые, электромагнитные излучения бронетехники или иного оружия на скрытых позициях противника. Как мне объяснили, хоть я и не так грамотно понял, по назначению и устройству эта установка была схожа с современными управляемыми ПТУР-ами³⁷, могла запускаться вручную, с легкой броне-

³⁷ ПТУР – управляемая ракета, предназначенная для поражения танков и других бронированных целей. Входит в состав боевых средств противотанкового ракетного комплекса (ПТРК). В тексте подразумевается по типу прицеливания – самонаводящиеся ПТУР-ы.

техники или же с полноразмерного пикапа тяжелой категории в зависимости от мощности снаряда, местности и характера боевых действий.

Не забудьте, речь идет о 90-х...

– Вы, вернее, оборонное ведомство, воспользовались услугами этого физика? – Прилизанный чуть не уронил очки, которые снял со вспотевшего носа.

– Нет.

– Почему, черт возьми? – с досадой прошипел чинуша.

– Хрен его знает. Спросите что-то полегче.

– Хотя бы помните его имя?

– Помню. Но зачем подставлять человека? Все надобно было вовремя делать...

В текстах какая-то Римма с Монтина жаловалась на ее недостаточное финансирование. Грозилась

покинуть Баку, если ее вопрос не решат. Рядом аккуратно была поставлена, типа резолюции – “срочно”.

Всего не вспомнишь...

Тогда же мы быстро собрались, захватили с собой, кроме денег и дипломата оружие, которое обнаружили в квартире – два пистолета “ТТ” и “Макар”. Нашли и две эргэдэшки³⁸. Гранаты оставили, но поменяли месторасположение – “спрятали” под ванной...

– А это зачем? – Аталай.

³⁸ эргэдэшки – военный жаргон, ручная осколочная наступательная граната – РГД-5.

– Чтобы менты нашли, – коротко подсказала Гюлечка.

– Да-а, батюшкины гены проявляются, – уважительно подала Бакинец.

Гюлечка расплылась в улыбке.

– А деньги куда дели, братан, – вдруг оживился Бакинец. – Подумай только, столько бабла! Только не говори, что оформили на Контору. Потому что, если ты это скажешь, я открою окно и как Маугли буду выть с третьего этажа на луну.

– Луна еще... вообще-то, не взошла... – смущенно откашлявшись, ответил Длинный. – Ты меня вечно перебиваешь...

– Не оформил! – Бакинец довольно ухмыльнулся Ветерану в тельняшке. – Наш человек.

– Кстати, так было бы порядочно, – съязвил Прилизанный.

– Вы считаете меня непорядочным? – спокойно спросил Длинный.

– Возможно, я не так выразился... – покраснел оппонент.

– Все нормально. Дело в том, что порядочность, как и другие определения, типа совесть, честь и т.д. – понятие относительное. Тут нет правил, у каждого свой обзор. Ведь и я, не в обиду, вас недостаточно порядочным считаю из-за того, что вы служите власти в обмен на разные бонусы, тогда как большинство простых граждан их не имеют. И дело вовсе не в том, что у нас хорошая или плохая власть, а в том, что любая власть – инструмент для порабощения трудящихся...

– Ваши анархистские мысли, которыми вы и ранее бреди-

ли, мне абсолютно неинтересны, – с показным равнодушием перебил Прилизанный, притворно зевая. – Они беспочвенны, вредны для простого обывателя, поскольку затуманивают его сознание нереальными грезами и опасны для любого общества. У вас нет даже альтернативной программы против института власти, который плохо-хорошо регулирует человечество. Может, есть? – с сарказмом спросил он.

– К сожалению, нет, – вздохнул Длинный. – Единственное, что я могу предложить, надо построить храм справедливости в своей душе, пусть даже исходя из этих относительных определений.

– Братан, плевать хотели люди на твои определения, – хмыкнул Бакинец, – как и плевали они на других созревших для справедливости умников. Ты лучше не дави на психику и сообщи, куда дел бабло?

– Точно. Хватит мозги пудрить! Скажи, куда заначку стырил? – совершенно отрезвел от алчности

Ветеран в тельняшке.

Длинный осудительно покачал головой:

– Нетерпение, как порок, присуще более женщинам...

Да, чуть не забыл... Перед уходом я попросил братьев слегка разукрасить физиономии наших клиентов, особенно Ашота, чего они незамедлительно сделали, даже не вникая в суть. В процессе экзекуции пленные, видимо, в полуотключке мычали под закутавшими их лица покрывалами, так как в рот им всунули кляпы. Все было выполнено согласно до-

говору с Арамом, который хотел отбить им охоту ко всякой деятельности в Москве, что и нас устраивало...

Через три дня после описанных событий мы встретились с Арамом, как и условились, в пивнушке, где он все последующие вечера меня ждал. Мы сдержанно поздоровались и заказали пиво с креветками. Лишь убедившись, что мы не в досягаемости чужого слуха, Арам тихо сообщил:

– Их разместили в больницу. Ведется следствие. Мы с Учителем позаботились, чтобы все наши узнали. Не думаю, что после такой лажи вояки вновь появятся.

– Может появятся другие, – я улыбнулся, – но у вас будет повод послать их куда подальше.

– Это верно, – улыбнулся и Арам. – Но надо было убить хотя бы Ашота. Он оскорбил Учителя.

– Это усложнило бы дело, эти люди непростые, сам знаешь... А Ашот и так убитый. Ведь он представлял себя крутым парнем, а подставился как обычный лох.

– И это верно... – еще больше просиял Арам. – Крутой орешек изнутри оказался гнилым... А где деньги?

– Не знаю. В квартире их не было... – я притворно зевнул. – Может и были, но мы торопились... А что, они реально пропали?

– Говорят, да... – Арам пристально посмотрел. Улыбка растаяла.

– Так это к лучшему. Теперь с Ашота будет спрос за про-

фуканное народное бабло.

– Наверно... – Арам немного промолчал, потупив взгляд, после добавил:

– Надо развить эту мысль...

Я не ответил. Пиво было холодное и приятное на вкус. Допивая, я подумал, неплохо бы повторить заказ.

– Ты больше ничего не хочешь сказать? – Арам прикурил сигарету и затянулся.

– А что? Дело сделано. Претензии есть?

– Претензий нет... – я заметил знакомый блеск в его глазах, который он, кажется, постарался погасить. – Вот... – он вытащил из внутреннего кармана упитанный пакет и швырнул в мою сторону. – Как договорились. Можешь не считать...

Я улыбнулся. Арам не способен был скрывать чувства. Он посчитал меня хапугой, как тот парень, который его ограбил. Но я действовал по понятиям. Трофейный дележ между нами не был обговорен. А задачу я выполнил.

Я слегка отодвинул пакет обратно.

– Думаю, в этом нет необходимости. Считаю, я тебе оказал услугу. Дружескую услугу... Ведь друзья должны помогать? Сегодня я тебе, завтра ты...

– И это верно... – Арам на глазах просветлел. Но, думаю, деньги были ни при чем. Пакет он небрежно всунул обратно. – Повторим? – он указал на пустые бокалы.

Я кивнул...

– А зачем вы прямым текстом не признались, что деньги взяли? – спросила Аталай. – Зачем усложнять?

– А зачем лишняя болтуха, милая моя, – Длинный после паузы ответил. – Кто знает, какой оборот это дело приняло бы. А так, был такой итальянский фильм под очень актуальным названием: “Я знаю, что ты знаешь, что я знаю”. Мы друг друга поняли.

– Что было дальше? – Прилизанный. – Наверное, было продолжение этой истории?

– Вы правы... – вздохнул Длинный. – И, к сожалению, оно развилось не в лучшую сторону. Мы не рассчитывали на такой сюжет. Ведь все ходы противника невозможно рассчитать даже на шахматной доске, а это жизнь.

Через неделю расстреляли Артура...

– Вай, что вы говорите, – ахнула Аталай. – А его зачем? Такой хороший армянин был. Не хотел войны...

– Хороших армян не бывает! – зло рявкнул Ветеран в тельняшке. – Бывают относительно хорошие армяне.

– Ты смотри, протрезвел! – с сожалением констатировала Гюлечка.

– Так налейте... – предложил Бакинец. Все одобрительно закивали.

– Не понял!.. – разозлился вдруг Тельняшка. – Вы что, спаиваете меня? Не буду! – он решительно отодвинул бокал,

который наполнил ему водкой Арзуман.

– Тогда молчи и не воняй, – огрызнулся Бакинец. – Без тебя тошно...

Прилизанный привычно застучал по столу...

Глава XXVI

Как-то утром я проснулся от пронзительного крика Джулии, которая, бросив телефонную трубку, стала горько и безутешно рыдать, – продолжил Длинный. – Я мигом соскочил с кровати и оказался рядом, заключив ее в объятия.

– Что случилось, дорогая, успокойся...

– Рома, Артур!.. – только и смогла выговорить Джулия сквозь рыдания. Я быстро схватил трубку, набрал номер тещи...

Его застрелили, когда он выходил из булочной напротив своего дома. Мы все знали его слабость к горячим булочкам с джемом – он без них не завтракал и каждое утро сам спускался за ними. Дядя Самвел очень обижался, что он заходит в чужое заведение и платит за печеное. Артур лишь улыбался, оправдываясь, что наши пекарни далеко, а он предпочитает горячие булочки.

Но мы-то хорошо знали Артура. Он никогда бы не согласился взять хоть у родного человека что-то бесплатно.

И вот, он лежал мертвый, а булочки, как мне передали, рассыпались у его ног...

Застрелили его из пистолетов два субъекта славянской внешности в дешевых спортивных штанах и сразу же побежали через переулок в соседний двор. Где-то, наверняка, их ждала машина. Лица их были настолько серые и невзрачные, что да-

же случайные свидетели не могли толком описать. Впрочем, ясно было, это не профи. Нигде не нашли брошенного оружия. Зато кругом валялись отстрелянные гильзы. В беднягу выпустили почти две обоймы. Так действуют дилетанты от страха, что вдруг жертва оживет и деньги придется возвращать.

Артур никогда не лез в криминальные разборки, в сомнительные махинации, так как по характеру был добр, милосерден и неалчный. Но был эмоциональный. Не восприятие несправедливости граничило у него порой с безрассудством и чуть ли не с манией. Он легко мог спуститься ночью к заезжей шпане и наорать на них, если те своими гиками или музыкой нарушали покой. Для беспредельной Москвы того времени это, я бы сказал, было очень храбрым поступком.

Одно из его любимых занятий было по утрам кормить дворовых собак и кошек. Те настолько привыкли, что сворами ходили за ним хоть утром, хоть вечером, когда он возвращался. Репутация всесильного отца являлась для него как бы гарантом неприкосновенности. Он даже оружие не носил от страха, что забудет где-нибудь или уронит в общественном туалете, так как был еще и жутко рассеянным. Все знали, что за Артуром стоит сплоченный клан Манучаровых. И потому никто не ожидал, что так могли поступить с ним – с самым добрым и беззлобным представителем вышеназванного семейства.

Когда я прибыл к месту трагедии, труп уже увезли. Мно-

гочисленная толпа родственников, соседей и земляков окружили Спартака Манучарова, который был в шоке и, видимо, пока недостаточно осознавал, что трагедия случилась именно с ним. Этого не может быть! С кем угодно, только не с ним! Что произошла чудовищная ошибка, застрелили другого человека! Артур скоро появится и от души засмеется, как только он мог смеяться над недоразумениями, которые вечно с ним происходили.

Какие-то парни в штатском тщетно пытались разговорить соседей в надежде найти свидетелей происшествия. Но от них просто отмахивались, особенно армяне, следуя проверенному принципу: не связывайся с ментами, целее будешь. Все знали, что Спартак гибель сына безнаказанно не оставит, это вопрос времени.

Недалеко была припаркована машина скорой. Мне сообщили, что маму Артура еле успокоили, вколов порядочную дозу снотворного. А Гаянку с ребенком увезли к родителям. Та, как будто окаменела – ни слезинки, ни плача. Это самое опасное проявления горя. Так люди сходят с ума...

– Хватит, не травите душу... – с досадой проворчал Прилизанный. – Вы так смакуете подробности, что мы сами здесь скоро чокнемся. Говорите по существу: кто убил этого несчастного малого и зачем это понадобилось?

– Да, и мне стало плохо. Дайте воды... – Аталай трясущимися руками приняла бокал от верного Огуза. – Вам бы ме-

лодрамы сочинять. Садист...

– Простите, – пробормотал Длинный. – Но я рассказываю лишь то, что воскрешается в памяти...

– Мы быстро вычислили заказчика. Это был Ашот Багдасарян. Дело в том, что на последнем собрании, предшествующему трагедии, после уже традиционной перепалки Артура с Ашотом, покойный с присущей ему эмоциональностью выпалил следующее: кровью будете харкать эти деньги. Они достаются нам с кровью и потом, а вы нас грабите. Ашот демонстративно повернулся к нему задом и обратился к Спартаку, мол, наконец, заткни рот своему сынку, пока мы сами это не сделали. Артур же вообще взбесился и ответил, что если кому-то и надо затыкать рот, то это Ашоту, и он, Артур, об этом позаботится. И вообще, он выходит из этого лохотрона, в котором участвовал из-за уважения к отцу. И всем это советует...

Их еле разняли. Я это от Арама узнал, и сердце мое похолодело. Так, выходит, Ашот подумал, что именно Артур причастен к налету. То, что их избili уже после ограбления, еще больше должно было убедить Багдасаряна, что это была спланированная акция.

Значит, я косвенно стал соучастником убийства своего, можно сказать, друга и родственника...

– Почему вовремя не рассказал! – не сдержавшись, гарк-

нул я на Арама, когда мы вновь встретились в знакомой вам кафешке.

– Кто знал... – пробормотал тот. – Они вечно грызлись. Я и не придал значения.

– Эх, Арам... – я в бессилии сжал кулаки. – Ты понимаешь, что мы загнали парня в могилу. Как я буду смотреть в глаза его жене, своей. Мы так любили его!

Арам неуклюже стал оправдываться:

– Слушай, кто знал? Кто мог предположить, что эти мудаки подумают на Артура. Ведь и муху не обидел бы, просто грозился.

– А больше кто? – я вновь огрызнулся. – Твой Учитель “мудро” промолчал, когда его оскорбили. А этот открыто лез на рожон. Вот на него и подумали. Подумали, что Артур, как и обещал, “заткнул рот” обидчику, а заодно и отобрал награбленное.

– Слушай... Поздно уже причитать, его не вернуть. Судьба так распорядилась... А ты уверен, что действовал чисто? Твои не разболтают?

– Нет!..

– Вот и хорошо... – Арам на миг задумался. – Я уверен, что Спартак за мезтью обратится к Корейцу. Нас он всерьез не воспринимает. Но у Корейца с Ашотом свои завязки... – он ухмыльнулся. – Ему придется сделать выбор и, думаю, это будет не в пользу Ашота.

– Почему?

– Ашот в последнее время зажрался и потерял чувство реальности. Самолично наказывал отказавшихся платить, а те через Спартака находятся под крышей Корейца. Тот, видимо, терпел, не желая вмешиваться в политику. Теперь Ашот переступил черту. У Корейца не будет выбора.

Спартак непростой. Одно его слово – армяне отвернуться от вас... Ты с Мансуром давно виделся?

– Забыл, как выглядит.

– Опять промышляет... – он вновь ушел в раздумье. – Пока нам нежелательно встречаться. Если что срочно, заходи в кафе. Обратишься к пожилой женщине-армянке, которая убирает. Ты ее видел.

Я кивнул:

– А где сейчас Ашот и его люди?

– Арам-военный вылетел в Ереван сразу после вашего налета и еще до убийства Артура.

– Мог бы предупредить... – я с досадой.

– Он не в курсе был. Я тезку хорошо знаю, он сам отсидел до войны. Они с Ашотом не очень-то ладили, и он не упустил бы возможность досадить Ашоту.

Ашот – карабахский и все денежные вопросы подмял под себя, что очень не нравилось Араму, который за глаза обзывал его не иначе, как ишаком. А это Ашоту передавали. Скорее Арам соскочил, чтобы самолично и подробно докладывать о провале Багдасаряна хозяевам.

– А где сам Ашот?

– Ему дорога домой заказана... – Арам прикурил. – Ему дорога везде заказана. Армяне, которые ему лаве отсчитали, чувствуют себя олухами. В Ереване его не простят, он профукал реальные бабки. Спартак, сам понимаешь, в каких чувствах. И мы собираемся предъявить счет. Как думаешь, он долго протянет?

– Нет.

– И еще, на них уголовное дело открыли. В квартире нашли неучтенный боеприпас. Это вы постарались? – Арам с интересом посмотрел.

Я кивком подтвердил.

– Наши акции повысились, – Арам улыбнулся. – Люди вспомнили старые времена и традиции. Обратились к нам, чтобы возвратить исчезнувшие деньги. С расчетом 50 на 50. Учитель согласился.

– И как вы собираетесь это сделать? – я с настороженностью.

– Ты поможешь, дорогой. Воистину тебя нам сам Аствац или Аллах ваш послал.

– Арам, говори яснее, – я чувствовал, что опять вхожу в роль подопытного кролика. – С чего взял, что я захочу помочь и зачем мне это?

– Сам же сказал, друзья должны помогать...

Он развернулся и сделал знак официанту, молодому белобрысому отроку с ярко выраженной аферистической внешностью. Тот мигом притащил две кружки пива. Араму все-

гда подавали теплое из-за болезни. И вообще, я заметил, что к нему здесь особенно трепетно относятся.

Я пригубил пиво:

– Допустим, соглашусь. Что дальше?

Арам тоже потянулся к кружке. Я терпеливо ждал, пока он пил. Видимо, обдумывал предложение.

– У тебя есть легальное право отомстить за родственника. Если ты этого хочешь, конечно... – он бросил на меня короткий взгляд.

– Нет!

– Просто я тут слышал много слов о дружбе, о родстве, о чувстве вины...

– Красиво оформляешь! – я в сердцах высказался. – Признайся только, эта твоя мысль или Учителя?

– Ну его... – Арам притворно зевнул, потягиваясь. – Какая разница? Первое дело ты провернул. Вот и второе.

“До чего эти блатные хитрые. Особенно этот Учитель...”

– Ты предлагаешь завалить Ашота?

– Их всех...

Я был в растерянности. Понятно, налет дал нам дивиденды. Мы сорвали разработку противника, внесли в его лагерь смертельное противостояние, приобрели в лице армянских воров “союзников” и при этом неплохо наварились.

А что дала бы нам ликвидация Багдасаряна? Банальная месть? Что-то я себя в роли “кровника” не представлял. Конечно, за Артура больно, и при случае я с удовольствием

пришел бы этого подонка Ашота. Но планировать специальное мероприятие, засветить своих людей, вновь подвести их к риску... Очень непрост этот Учитель.

Я внимательно посмотрел в глаза оппоненту.

– Ты так и не ответил, как вы собираетесь возвращать деньги?

Внезапно появившийся кашель помешал Араму тотчас ответить. Он почти посинел после продолжительного кашля. Я заметил, именно продолжительного. При мне он так долго никогда не кашлял.

Он платком протер бледные губы.

– У Ашота заначка. Там, где он сейчас прячется. Ни Спартак, ни Кореец не смогут его найти. Во всяком случае, быстрее чем мы... Ашот хочет соскочить. С такими деньгами нетрудно исчезнуть.

– Хочешь сказать, руки у вас длиннее, чем у Корейца?

Вновь пауза. Арам, не торопясь, продолжал глотать пиво. Казалось, он наслаждался не вкусом, а процессом.

– Ваша главная ошибка заключается в том, что вы себя переоцениваете. Кореец, конечно, серьезная фигура. Но когда он, держась за мамину юбку ходил в первый класс, воры заправляли всем, в том числе его школой. Мы были везде: в Кремле, на партийных трибунах, в ментовках, на зонах... Даже советскую власть финансировали воры: Сталин и Камо...

– А что не удержали? Все своровали?

Подумал, Арам разозлится, а он улыбнулся:

– Знаешь, какая разница между нами?

–...

– Я вор, ты бандит. Моя масть выше. Дороги наши, видимо, когда-то пересекутся. Мы останемся. А вы исчезнете или передадите эстафету другим, таким же временным и бездарным образованиям, будь хоть бригады, спецслужбы или еще что-то. И, знаешь, в чем наша сила?..

Я не ответил. Почувствовал нарастающее раздражение внутри.

– ...В простых людях. Всегда, во все времена чиновники и бандиты грабили народ. Я их не разделяю – эта одна и та же масть. Хотя порой менты творят еще больший беспредел... И к кому тогда должен обращаться простой люд?.. Правильно, к нам. И, если даже мы где-то, как-то ослабли, обескровились, люди заново нас возродят, восполнят. Надо будет, заново придумают. Против власти может противостоять только антивласть, и народ это всегда понимал...

– Ты своих идеализируешь. Может, когда-то так и было, но сейчас вы тоже со всеми спелись, нередко с ментами в одной упряжке.

– Времена меняются... – Арам пропустил паузу. – И мы приспособляемся. Есть человеческий фактор. Оборотни и в нашей среде. У нас тоже происходят периодические чистки...

Но единственное, что не меняется – это понятия. В Рос-

сии они всегда будут. Это в самом духе русского человека. Неприятие несправедливости. Если забрал не свое, заставят вернуть. Если быкуешь, рога пообломают. Если неправ или фуфлогон, заставят заткнуться, по шапке дадут. И плевали они на твои деньги или власть!

А насчет единой упряжки, это, считай, видимость. Лишь кажется, что мы с ментами или они верховодят. На деле все наоборот. Мы платим, они танцуют. Ведь самый, кажется, всесильный мент тоже старается играть по правилам от греха подальше или заработать поверх своей жалкой зарплаты.

Словил – посади. Это твоя работа, хоть и позорная в нашем понятии. Надо будет, вытащим, выкупим или просто отсидим, от нас не убудет.

Но не шей дело, не беспредельничай, не унижай тех, кто в кандалах. Ведь от тюрьмы и от сумы никто не застрахован, будь хоть папа римский. И всегда можно послать весточку на волю, где проживают родные, близкие этого мента, он сам, наконец. И найдутся те, кто спросят...

– Слишком гладко получается. Честные воры и подлые, продажные менты. Ты думаешь, при случае эти определения не могут поменяться местами?

– Я же сказал, людской фактор. Все бывает. По мне, честный мент, хоть такого уже можно в Красную книгу занести, лучше, чем гнилой вор...

Однако, мы отошли от темы. Если подпишешься, лавэ Ашота поделим. По-братски. Оттуда заплатим землякам.

Вот и весь расклад. У тебя свои дивиденды, у нас свои. Что скажешь?..

Я понял. Помимо прочего, нарисованная мне картина будет носить рекламный характер. В результате армянские во-ры подомнут под себя весь российский теневой рынок еди-ноплеменников.

– ...Твои люди надежные, они тебе как псы преданы – мы знаем. Соглашайся. Такое лавэ на дороге не валяется. Если нет, разбежались. Найдем, кого запрячь...

Я подумал. Новые люди, новый риск. Всегда есть вероят-ность утечки. Если выползет мое участие в деле Багдасаря-на, то мне в Москве капут. Кореец будет копать дальше и в конце меня закопает. А родственники вообще возненавидят, считая меня виновником гибели Артура. Я представил осуж-дающие взгляды Гаянэ, Джулии, прочих... И похолодел.

Пожалуй, в этом деле точку придется поставить все-таки мне...

– Я отомщу за Артура. И сделаю это бесплатно.

– Разумеется, – ухмыльнулся Арам, – там такое бабло ле-жит.

– Ты уверен, что оно там лежит?

– Более чем... – Арам внимательно посмотрел поверх оч-ков, совсем как Мансуров или Толик.

“Бог мой, как эти люди похожи!”

– ...Ты уж повнимательнее ищи. Не то, что в первый раз.

Я улыбнулся:

– Ты знаешь, где он забурился?

– Я узнаю, скажем, завтра. Может, послезавтра. Кольцо ссужается.

Я не смог справиться с любопытством.

– Может, все-таки объяснишь. Мне жутко интересно.

Арам улыбнулся:

– Теперь можно. Ты подписался...

Он, не торопясь, вновь прикурил сигарету, сладко затянулся и начал.

– У вас, у азербайджанцев, есть очень, я бы сказал, актуальная поговорка. Что-то вроде, умная птичка попадает в капкан с клюва.

Так вот, этот Ашот тоже себя большим умником считал. Он умно отодвинул Арама от денег, умно присвоил их львиную долю, в общем, умник был, кажется, во всем. Но я вспомнил слова своей покойной бабушки. Она, царство ей небесное, святая женщина была. Я помню, хоть и маленький был... – тут он перекрестился. – Бабушка всегда говорила, что даже у самого умного человека раз в году проявляется... ослиность. Поскольку я всегда внимательно вникал в мысли бабушки, то задумался. А в чем же проявился ослиность этого Ашота? И почти легко угадал – в женщинах! Ведь о похождениях Ашота балладу можно было сочинять...

И я начал искать женщину, с которой у Ашота могли быть особенно “теплые” отношения. Ведь порой даже очень крутой мужчина перед женщиной раскрывает не только коше-

лек, но и, на свою беду, этот самый клюв.

Когда мы начали выявлять контакты Ашота в Москве, поступила информация, что Ашот устроил некую женщину – молодую, красивую армянку из Еревана в состоятельную семью домработницей, представив ее как родственницу. И что он, когда бывает в Москве, ее регулярно и не очень-то породственному навещает...

Копнули дальше. Эта девица когда-то у Ашота в Ереване тоже работала домработницей. Ясно, что он не мог упустить такую лакомку и после некоторых усилий сломил ее сопротивление. Девушка была молода, честолюбива, в меру глупа и потому повелась на его обещания о золотых горах, об устройстве в Москве и прочем. Ашот щедро ее одаривал дорогими подарками, которые приобретал на деньги наших несчастных армян, содержал и на славу наслаждался.

Шила в мешке не утаишь. Об этой связи стало известно жене. Разразился жуткий скандал, и нашему герою пришлось сдержать обещание перед Марго и взять ее с собой в Москву.

Здесь Ашот ее устроил на якобы временную работу у некоего армянина, сыну которого он помог уклониться от службы и переправить к отцу. Этим его участие в судьбе молодой девицы закончилось. Он, конечно, продолжал подкидывать ей деньги. Но так платят обычно валику, которую на скорую руку поимеешь. В общем, Марго в скором поняла, что ни об обещанной московской квартире, ни о статусе московской жены ей не мечтать.

Это все я узнал после того, как подкатил к ней и познакомился. Душа ее истосковалась по ласке, и мы пару раз встретились. Я осторожно начал выпытывать у Маргариты, таково было ее полное имя, интересующие нас подробности. И вот что узнал. Оказывается, Ашот как-то отвез ее с собой в Смоленскую область на какую-то навороченную то ли виллу, то ли дачу. Дом был изнутри и снаружи красиво оформлен. Их обслуживал некий молчаливый высокий армянин в форме. Ну, в смысле, готовил еду, ходил в магазин за сигаретами и выпивкой и т.д. Этот же молодой человек в последующем приезжал за ней и отвозил к Ашоту на свидания уже на съемную квартиру. Она покраснела, когда упомянула об этом парне и сказала, что не помнит его имя.

Думаю, она наврала. Это и неважно, мы всех поименно знаем в команде Ашота, и я сразу понял, о ком идет речь.

В припадке хорошего настроения Ашот как-то обещал Марго сделать ее хозяйкой этого дома. Но встречи становились все реже, и в настоящем она жутко ненавидит Ашота, считая его виновником своей жизненной трагедии. Ведь у нее был молодой человек в Ереване, они хотели создать семью и имели хоть посредственный, но какой-то вид на будущее. Дьявол ее попутал в лице Ашота и в результате она – дешевая содержанка и прислуга в чужом городе. Обратно, как ты понимаешь, семья ее уже не примет. И теперь Марго с ужасом думает, куда денется, если потеряет пусть и эту не ахти какую работу и, соответственно, временное жилье, ко-

торое ей предоставили в доме этого богатого армянина. Хозяин стар, скуп, отвратителен в манерах и, чувствуя угасающий интерес Ашота к “родственнице”, все больше распускает руки. И уже прямым текстом намекает, что если она откажет, то в скором может идти на все четыре стороны.

Войдя в положение несчастной, я понял, что с ней надо сыграть в открытую. Я сказал, что Ашота песенка спета. Он перешел дорогу серьезным людям и скоро сыграет в ящик. Мы можем ей содействовать со становлением новой жизни, но она должна помочь обнаружить этот самый дом под Смоленском...

Тут у Арама запершило горло от длинного рассказа, и он большими глотками начал опустошать содержимое своего бокала.

– Она согласилась... – я вернул его к теме.

– У нее не было выхода. Теперь Марго с моими пацанами колесят по всей Смоленской области в поисках двухэтажного чердачного дома с огромным двором, высокими зелеными стенами и большими, такими же зелеными куполообразными воротами. Так она этот дом запомнила.

– Имея такие приметы, можно и самим установить этот дом без помощи этой телки, – я вставил.

– Откуда мне знать, может, ворота перекрасили, забор снесли, построили третий этаж... – с раздражением ответил собеседник. – Она, наверняка, дом узнает, если увидит... И

не надо называть ее телкой!.. – вдруг выпалил он.

Я с удивлением посмотрел.

– Она просто запутавшаяся женщина. Такое бывает...

– ...

– Мы начали встречаться. Я все равно умру. Рядом никого. Вот завещаю ей свой скарб, хоть кто-то может могилу навестит.

– Извини... – я смутился.

Он махнул рукой:

– Так мы все обсудили? Ты сможешь? – спросил.

Ответил я после некоторого молчания, еще раз все обдумав:

– Надо, чтобы указание исходило от Корейца. Все осложнилось. Я уже не смогу выполнить заказ без его санкции.

Арам кивнул:

– Я понимаю. Мы эту мысль подадим Спартаку. Он слышан о тебе. В конце концов, ты его близкий родственник. Если не ты, то кто?..

На этой вопросительной нотке мы расстались. Вся дальнейшая музыка прозвучала почти по нотам. Утром следующего дня за мной заехал Тощий и повез загород к Корейцу. Ким меня встретил в военном плаще с капюшоном, одетом поверх теплой матросской тельняшки на берегу небольшого озера. Вернее, я поздоровался и сел рядом. Настроение у него было хорошее. В ведерке колыхались и бились хвоста-

ми несколько свежепойманных рыбешек. Один из его ребят приблизился и передал мне уже готовую снасть. Я осторожно закинул ее в воду.

– Сразу видно – не рыбак... – презрительно фыркнул Кореец, наблюдая за процессом. Я понял. Он рыбак-фанатик. Чтобы заслужить его уважение, надо еще быть отменным рыбаком.

Кореец между фразами, относящимися сугубо к рыболовству, скупно выразил мне соболезнование по Артуру. После, кажется, забыл эту тему и почти час радовался, как ребенок, процессу ловли. Я тоже, к своему удивлению, выловил несколько тощих рыбешек и, наконец, прочитал в его взгляде что-то похожее на снисходительное одобрение. И только после, как мы скоротечно “трапезничали” поджаренными на углях рыбешками, он вернулся к теме и спросил, что я думаю о случившемся.

– Темное дело... – я “задумчиво” ответил. – Артур и мышку не обидел бы. Надо быть олухом, чтобы на него подумать по поводу разбоя. Но факт – его убили. Значит, были основания.

– Так кто же тогда спланировал эту операцию? И почему подставили Артура?

– А кот его знает. Но ясно, замешан свой...

Сказал и похолодел.

Кореец призадумался. После некоторого молчания спросил.

– А к тебе он не обращался?

Я напрягся:

– Не понял...

– Артур к тебе не обращался? – Кореец метнул на меня резкий взгляд. – Они с Ашотом сцепились. Друг друга оскорбляли. Теоретически он мог бы обратиться к тебе, как к родственнику. А также по назначению...

Я понял, что сейчас понадобится вся моя выдержка. Как ни странно, она проявилась. Может, именно с тех пор у меня при экстремальных ситуациях вырабатывается отменное хладнокровие. Ким был очень чувствительным. Малейшая фальшь в голосе могла направить его на верный след.

У меня же включился режим автомата, и я рассмеялся:

– Жаль, не обратился. Я этого Ашота с удовольствием пришел бы. Оказывается, этот ублюдок собирал деньги на войну в Карабахе.

– А тебе-то что? – Кореец зевнул. – Это бизнес. Ты что, патриот?

– Я такой же патриот, как ты, – холодно возразил, – в меру. Просто из-за таких вот бизнесменов простые люди страдают.

– Ты хочешь сказать, ничего не знал об этих сходках?

– Откуда? Мне после рассказали. Не забыл, я азербайджанец. Даже, женившись на армянке, я для них чужой. В том числе и для покойного Артура, пусть земля будет ему пухом – он был лучшим из них. И мне сказали, он был против поборов, поэтому и спорил с Ашотом.

– Но ты же не веришь, что это он организовал налет? Ты допускаешь, что Артур мог спланировать такое?

– Думаю, вряд ли. У него не было криминальных завязок. На сколько знаю, и киллеры не профи... Хотя, кто знает? Человеческая душа – ведь потемки. Даже котенка можно спровоцировать на агрессию...

Ким задумался. Знать бы какие мысли крутятся у него в голове. И что мне ответить, если вдруг спросит – где мы были в ночь нападения на Багдасаряна.

Опять этот мерзкий холодок в теле. Упущение. Мы не отработали все варианты развития событий. Черт, я олух...

Я осторожно начал “прокладывать рельсы” к мыслям Кореяца.

– Может, этот Ашот сымитировал нападение, чтобы списать деньги? Ведь, говорят, их не нашли.

– Зачем? Он и так брал, сколько хотел...

Казалось, Кореец думает о другом. Выглядел рассеянным.

– Все-таки, почему Артур? – он повторился.

– ...

– Это нелогично. И то, что не укладывается в логику, вызывает тревогу. И мне не нравится, когда чужие орудуют под носом. Грамотно орудуют...

Мое мнение – это внутриобщинные разборки. Кто-то захотел сорвать куш. Как версию можно было предположить Арама, его заместителя. У того был мотив. Но и алиби.

– Может, он специально обеспечил себе алиби?

– Нет. Арам был сильно простужен. Даже на этом собрании кашлял и чихал, мне передали. Ночью они с товарищем попросили у сторожа растопить заводскую баньку и чуть ли всю ночь парились. Сторож подтвердил. Старик все ворчал, так как рассчитывал, что, как всегда, сможет задремать в своей будке. А тут дров принеси, самовар растопи... Вряд ли Арам специально простудился, чтобы обеспечить себе алиби. А удрал, чтобы настучать на Ашота, он метит на его место...

Тебя же я позвал по конкретному делу. Надо ликвидировать заказчика. Ну, Багдасаряна.

Я “недоуменно” уставился.

– Знаю, ты не любишь подобное. Мы особенно и не напрягаем. Но тут особый случай.

Ты знаешь, Манучарово крыло армян под нами. Спартак верой и правдой служит нам. Если откажем в “просьбе”, вера его поколеблется. Отойдут и другие. Поскольку все они собрались вокруг именно этого субъекта.

Мы, конечно, сможем их сломать. Но зачем прибегать к силе, если есть вариант лояльности. И, честно говоря, я не верю в результативность силовых методов. Все это временно. При случае они воткнут нам нож в спину. Сам знаешь, это армяне.

– Но почему я? Нет, конечно, если это приказ...

– Объясню, – Кореец перебил. – Багдасарян как бы служивый. Тема поборов замыкается у них чуть ли в самих вер-

хах. У них параллельные связи с нашими долбаными властями. Ну и с нами... И я не хочу влезать в политику, рано. И так пальцем тычут... А ты кровник. Все поймут, что это не политика и с тебя спроса не будет. Это будет приемлемо и Спартаку – повысит его рейтинг. Хоть и айзер, тыходишь в клан Манучаровых. Ты удобный вариант для всех. Это будет выглядеть в духе ваших вендетт. Как это? Око за око, кровь за кровь... – Кореец улыбнулся.

“Вот тебе и воры...”

– Информационное и прочее обеспечение будет, – Ким развернулся и кивнул на Тощего, заводящего машину. – Трофим будет с тобой до конца операции. Детали разработаешь сам...

Уже провожая меня до машины, он неожиданно, как бы невзначай, спросил:

– Да, как там наша Шемаханская царица?

Привычный холод вновь кольнул в сердце. Я вопросительно посмотрел.

– Ну, ты понял. Как ее там, Наиля Са-ля-мова? – вероятно, чтобы не ошибиться, по слогам произнес он.

– Нормально. Как и прежде, с призывниками. Что-то не так?

– Да нет, я бы сказал, даже очень так... Я как-то пролистал ее отчеты. Кто, откуда, куда устроен, что может, адреса, фотки. Все грамотно... А ребята твои как?

– Митяй с Мансуром, братья со мной. В основном по объ-

ектам работаем.

– Вас надо более рационально использовать... А эту связку с призывниками кто придумал?

– Ну, Наиля... – холод в сердце стал еще пронизывающее. – Умная она. Правда, доходы уже не те...

Кореец перебил:

– Эти списки скоро понадобятся... А она разобралась с женихом?

– Да, кажется, уже окончательно. Он приехал. Сначала с цветами, подарками. После устроил дебош. Да так, что ребята спустили его с лестницы.

– Да? – Ким любопытствовал. – А ну, расскажи!

– Придурок он, этот жених – полный кретин. Я, правда, не сталкивался. Ему, видите ли, не понравилось, что Наиля остается вместе с братьями и ходит при них в коротких шортах. Начал орать на нее, на братьев рыпался. Ну, те сначала грамотно молчали, все-таки кандидат в родственники. Но когда терпение уже их сестрички лопнуло, и она послала этого олуха куда подальше, братья с удовольствием проводили его по назначению аж до дверей подъезда. Вряд ли он после такого появится.

– В шортах... – Кореец рассмеялся. – Действительно, Восток – дело тонкое.

– Так ты сам восточный? – и я невольно улыбнулся.

– Да, но не до такой степени...

Он, все еще смеясь, хлопнул дверцей машины...

Уже по дороге старался проанализировать его реплики. Я-то хорошо знал – Ким просто так ничего не скажет. Меня очень беспокоило его внимание к Наиле. Уже второй раз при мне он прицельно интересовался ею.

В вопросе, что я не в курсе армянских дел с того, что я азербайджанец, видимо, сработало. Пока. Чисто логически. Я вспомнил слова Арама: “даже хорошо, что ты азербайджанец...”

Но я был уверен, Ким не отстанет. Он понимал, что наводчик из своих. Когда все возможные варианты отпадут, он вновь вернется к исходной точке. И не исключено, что в том числе будет выяснять: где мы были в ту ночь.

Во-вторых, с большой долей вероятности, что они займутся и блатными. Ведь и они конфликтовали с Багдасаряном. Если выйдут на Арама, то и до меня рукой подать.

Мансур!..

Внезапно появившаяся мысль пронзила стрелой. Вот где слабое звено! Мансур со своим изворотливым умом непременно докопается до сути. Ведь он в курсе, что накануне налета на хату Арам искал встречи со мной.

Я платком вытер вспотевший лоб:

– Ты не в курсе, когда вернется мой друган?

– А он тебе не сказал?

– Нет. Он всегда исчезает резко.

– Вот так и появится...

Дорога была длинная. Через некоторое время я все-таки разговорил этого угрюмого Трофима. И он мне скупно сообщил, что стрелявших в Артура киллеров вычислили. Оба серпуховские. Оказывается, они и до этого оказывали Ашоту подобные услуги. Одного уже поймали, вывезли в лес и закопали живьем в присутствии Спартака, безмолвно и с окаменевшим лицом, наблюдавшим за казнью. Перед смертью киллер признался во всех заказах, полученных от Ашота, в том числе в убийстве двух московских армян, вероятно, тоже заартачившихся против поборов. Не то, что киллеры были профи, просто за них толком только сейчас взялись.

Другой пока в бегах. Но далеко не уйдет. Уже идут по следу...

“Мансур обычно пропадает на дней двадцать, месяц. Теоретически у меня еще дней пятнадцать. Надо искать выход. Хорошо бы с Арамом посоветоваться. Предупредить. Нет. Кореец роет. Черт...”

Я для себя по жизни выработал одно железное правило, которое не раз меня выручало.

Если не знаешь, что делать, лучше ничего не делать.

Бездействие порой тоже действие.

По крайней мере, не совершишь ошибку.

Вот и сейчас...

Через день нам стали известны координаты Ашота. Мне сообщил Тоший. Вспомнив диалог с Арамом, я невольно

улыбнулся. Воры вели бандитов.

Мы начали готовиться...

– Одну минуточку, у меня вопрос, – подал голос Прилизанный, – потом забуду.

– Сам нарушает, а нам рот затыкает, – тихо заворчала Аталай.

– Хочу уточнить насчет призывников-дезертиров, – сделал вид, что не услышал реплику, начал Прилизанный. – Значит, вы всю добытую информацию выдавали Корейцу?

– Ну да... – словно нехотя подтвердил Длинный. – Не лично ему, конечно...

– По сути, вы являлись двойным агентом, – мягко продолжал стелить Прилизанный.

– Что вы мелете? – Длинный не смог скрыть раздражение. – Не устали меня провоцировать?

– Это вы тут... черт знает, что!.. – в тон ответил Прилизанный. – Ранее сами признались, что вызвались передавать Организации всю информацию о призывниках, в том числе с подробным анализом их возможностей. Вы подтверждаете?

– Не всю... Черт!.. Я же объяснил, чтобы перетащить своих людей с целью сохранения их жизней и, заодно, войти в доверие, я должен был заинтересовать Корейца. В тот момент, увы, мою бедовую голову никакая другая мысль не озарила.

– Но вы же передавали информацию и об азербайджан-

ских дезертирах, так?

– ...

– Мало того, что вы способствовали распространению дезертирства в нашей армии, вы еще и передавали данные на наших молодых ребят спецслужбе, активно сотрудничавшей с противником, прекрасно осознавая, что этим подвергаете их вербовочному риску...

– Вот вы как!.. – Длинный побледнел от гнева, хотя продолжал владеть собой, не позволяя голосу ни на тон повыситься. – С этого момента прошу внимательно следить за моей речью, чтобы у вас не появилось желание вновь ее исковеркать.

Если помните, я ясно сказал, что военные разведчики изначально боролись с этим позорным явлением, выявляя лица, способствующие дезертирству. Только после, когда поняли бесперспективность этих действий, поскольку одних негодяев заменяли другие, а им, видимо, дали по шапке, решили сменить тактику и использовать этот отходный материал в оперативных целях. Об этом я уже говорил, повторяю лишь для особенно непонятливых.

А что касается выдачи информации о соотечественниках, скажу следующее: конечно, выдавали. Конечно, предоставив информации об армянах, грузинах, таджиках, даже о молдаванах, мы не могли не выдавать об азербайджанцах. Нас сразу вычислили бы...

Но выдавали выборочно. То есть, если человек способ-

ный, русскоязычный, из состоятельной или влиятельной семьи и с вырисовывающимися отсюда оперативными возможностями, мы его не раскрывали. Это же касалось и призывников-дезертиров из Армении и Грузии. Если кто-то нас заинтересовывал в оперативном плане, мы его оставляли себе. Так что Организации доставалась не совсем полезная часть наших молодых ребят...

– А грузин зачем? – перебил Арзуман – он был родом из Грузии. – С грузинами у нас проблем нет и у нас одинаковая беда – отторгнутые территории. Мы прекрасно друг друга понимаем.

– Среди грузин много этнических армян, нередко с измененными на грузинский лад фамилиями. Мы их по ходу вычисляли. Нам были известны факты, что через них армянские спецслужбы подогревали сепаратистские настроения единоплеменников в Ахалкалаки, а также спровоцировали межнациональные распри грузин с азербайджанцами. Помните, в конце 80-х, в начале 90-х столкновения сванов с азербайджанцами? Есть информация, что это была спланированная акция. А зачинщиками являлась агентура противника в среде этнических армян, скрывающимися под грузинскими фамилиями.

– Я просто... уточнял... – пробубнил слегка сконфуженный Прилизанный.

– А теперь, если вы не против, я продолжу рассказ, поскольку очень желаю его закончить.

– Не против... – хором подтвердили остальные присутствующие, коллективно зыркнув на Прилизанного...

Глава XXVII

Через день Тоший информировал меня о деталях проживания Ашотовой команды в небольшом поселке под Смоленском. Сам Ашот появлялся на людях редко. За продуктами и прочим выходил один из его ребят.

Двухэтажный чердачный дом с салатовой раскраской выглядел аккуратно и находился на территории большого земельного участка на самом отшибе поселка. Видно было, это позднее строение. Высокий каменный забор такого же оттенка надежно загораживал его со всех сторон. Во дворе почти постоянно бегали несколько кавказских овчарок и слышен был их злой лай. Попытка местных аборигенов проникнуть на территорию, как правило, заканчивалась безуспешно. Им не открывали двери.

В прошлом году в окрестностях нашли одного пьянчугу с перегрызенными горлом и конечностями. Народ пошумел. Местные менты нанесли визит к чужакам, и этим все закончилось. Людям сказали, жители Зеленого дома тут ни при чем, а бедолагу, вероятно, загрызли бродячие собаки. Все поняли, что те откупились. После этого случая местные криминогенные элементы оставили чужаков в покое, которые, по их мнению, были то ли армяне, то ли кто, и не лезли с назойливыми просьбами о материальной помощи и предложениями защиты их чести, кошелька и жизни...

– Ты сам видел этот дом?

– Нет, но есть чертеж. – Тощий вынул из кармана сложенный лист.

– А это что, магазин? – ткнул я пальцем на наброски двухэтажного строения в схеме с припаркованными перед ней автомашинами. Их изобразили в виде аккуратных квадратиков с колесиками. Я обратил внимание на один, который нарисовали более объемным, чем остальные. Это должно было обозначать грузовик. Я улыбнулся. Неизвестный художник, видимо, являлся педантом...

– Да, – подтвердил Тощий. – Знал, что заинтересуешься. Тут они отовариваются.

– Ты уверен, что только здесь?

– Не уверен. Но в округе нет больше крупных продуктовых. Только маленькие, типа – мясо, рыба, яйца.

– Выяснили насчет владельца дома?

– Он числится за неким Демьяненко Алексеем Петровичем, 1921 г.р. Жители помнят его. Это был тихий, безобидный старичок, живущий в своей убогой деревянной лачуге. Правда, двор у него был большой и зеленый, засаженный фруктовыми деревьями. И огород. Он, наверное, этим и кормился – продавал плоды. В том числе варенье, соленье, прочее...

После, старик с хибарой куда-то исчезли. Появились эти и отгрохали дом.

– Понятно... У Ашота, видимо, гендоверенность. Это

удобно, затрудняет установку. Старика где-то держат. Или же в этом уже нет необходимости...

План действий моментально нарисовался, сам удивился.

– Трофим, понадобится форма сержанта милиции с соответствующей ксивой. Это для Павла. А также удостоверение офицера милиции в звании... допустим, майора.

– Для тебя... – Тощий уточнил.

Я кивнул.

– Легко. Наши что угодно нарисуют. Хоть ФСБ.

– А также милицейский уазик.

– Есть армейский, – после короткого раздумья он ответил.

– Сойдет. Но камуфлируйте под мусорской. Ну, мигалка, расцветка... Да и еще, узнайте, кто ведет дело Багдасаряна? Вообще, все об этом деле. Хачам должно быть предъявлено обвинение в незаконном хранении боеприпасов.

– Если их отпустили, значит, откупились. Скорее оформили добровольную сдачу.

– Неважно. Любая информация.

– Это все?

– И ПНВ³⁹. Любой ночник или труба.

– Тогда поехали. Надо вас сфоткать...

В Смоленск по указанному адресу мы выехали уже поздно вечером следующего дня. Павлик в форме сидел рядом с рулящим Толиком, я – на заднем. Погода была пасмурная.

³⁹ ПНВ – прибор ночного видения

С перерывами шел дождь. Из-за сильного тумана порой еле различали дорогу. Повезло, имелось противотуманное освещение. Под утро доехали, по адресу и схеме нашли указанный район.

С территории магазина хорошо просматривался Зеленый дом, находящийся на относительной возвышенности, и узкая дорога с кривыми зигзагами, ведущая к дому. Мы въехали на пустую парковку. Увидев старый “Камаз”, я невольно улыбнулся. Помимо грузовика, несколько подержанных и, по-видимому, нерабочих автомашин “скрашивали” унылый пейзаж этой провинциальной картины, почти точно копирующую схему.

– Вдруг не приедут... – заворчал Толик. – Мож, нет аппетита?

– Приедут.

– Ну, приедут... – вновь заныл Романов. – Неизвестно, когда. Мож, постучимся, типа менты...

– Толик, ты не кавказец... – приблизив с объектива Зеленый дом, я ответил.

– Причем тут Кавказ? Что ты порешь?

– А притом, что любой уроженец Кавказа предпочтет завтракать со свежим ароматным хлебом, тем более, если у него много денег и почти нет развлечений. После случившегося они отлеживаются и, скорее, шарахаются от женщин. Так что даже эти походы за продуктами для них вроде развлечения...

Толик сплюнул в окно и замолчал. Павлик же развлекал-

ся, то и дело вытягиваясь и разглядывая свою ментовскую фуражку в лобовом зеркале.

– Что, нравится? – решил отыгаться на нем Толик.

– Подходит, – тот залыбился. – Может, сменить профессию?

– Давай-давай... – потакал Толик. – Это щас хлебно. А я вот застрелюсь.

– Зачем? – отвлекшись от нового имиджа, подозрительно покосился Павлик.

– Потому что лучше иметь сестру-проститутку, чем брата мента. Тьфу!..

Посмотрев на раздосадованную и мигом покрасневшую физиономию Павла, я не смог удержаться от смеха. Через секунду все мы ржали, как дети, забыв и злость, и дорожную усталость, и ожидающий нас, вероятно, непростой расклад...

Когда продуктовый открылся, я вошел и немного походил. Хлебный уголок находился справа, сразу после вино-водочного. Под недоброжелательным взглядом толстого охранника в дурацкой голубой фуражке я взял с прилавка бутылку “Кремлевская” и приблизился к молоденькой касирше, которая, узрев в моих руках небрежно вынутую пачку купюр, засияла, как утренняя звезда.

“Сразу вычисляют залетных фраеров”, – подумал я и тоже улыбнулся, нарочито задержав взгляд на глубоком вырезе ее кофточки. Белоснежная добротная грудь, словно желая

скинуть “оковы”, протестующее заколыхалась. Девушка зарделась.

“Пригодится”, – я подумал, смутно чувствуя себя виноватым оттого, что она действительно мне понравилась...

Машина марки “Нива” отъехала от Зеленого дома приблизительно через час. Мы следили за домом из небольшой, но мощной подзорной трубы белорусского производства. Откупорив бутылку, я сделал несколько глубоких глотков. Спирт впитался в меня с запахом и приятно прошелся по застывшим от прохлады и бездействия жилам...

Когда мы с Толиком вновь появились в магазине, первое, что заметил – радостный взгляд кассирши. Девушка быстро поправила челку и, не обращая внимания на ухмылку охранника, лениво прислонившегося к стойке, слегка помахала мне ручкой. Улыбка, словно заразная, сама по себе нарисовалась и на моей физиономии.

– Вкусная у вас водка, – проходя мимо, бросил ей. – Мы, пожалуй, еще возьмем...

Тень разочарования прошла по ее милому личику и застыла. Тут, видимо, своих выпивох хватало.

“Более глупого подхода к девушке ты не смог придумать...” – невольно обратился я к себе и тут же получил хлесткий ответ.

“А тебе что, детей с ней крестить? Вот шепну Джуле...”

Я “испуганно” засеменял в винно-водочный. Ассорти-

мент здесь был, конечно, не Москва, но тоже приличный. Налепив на себе серьезную мину, я внимательно начал изучать витрину, типа, в поиске качественного огненного напитка.

– Он один, – шепнул Толик, пройдя мимо. – Как вошел, сразу в хлебобулочную. Черт!..

Взяв с витрины, пожалуй, самую дорогую водку, я развязной походкой направился в соседний отдел. Объект набирал в корзину свежие хлебные батончики. Маленький рост, спортивная куртка с капюшоном, белые в полосочку кроссовки. Это был Малыш, которого Павлик в квартире оглушил кулаком.

“Аветисов Сейран Рубенович...” – вспомнил полученную от Трофима информацию.

Рядом нагнулась древняя старушка в старенькой телогрейке, выбирая себе с нижних полок хлебушек почернее. Хачик быстрым взглядом окинул меня, но развязная походка, блуждающий взгляд и бутылка в руке, видимо, его успокоили.

– Мамаша, в вашем возрасте опасно так... нагибаться... – я, икая, беспардонно ляпнул.

– А ты что, сынок, пристроиться хочешь? – вдруг не постарушечьи прошипела она, выправив осанку и зыркнув на меня злыми глазами.

Хачик слегка ухмыльнулся.

– Неа-а... – я растерянно проблеял. – Радикулит... прихватите...

“Во ведьма!..”

– Тоже мне, сыночек... – вновь фыркнула старушка и быстро прошмыгнула рядом, сжимая на высохшей груди свой хлебушек...

Когда у прохода появилась тень Толика, хачик интуитивно задергался. Но, узрев направленное на него дуло пистолета, оцепенел.

– Тихо-тихо... – тихо же шепнул я ему, подойдя вплотную. – Руки!..

Мы вцепились взглядами. Хачик запаниковал и хотел что-то предпринять, но не успел. Толик быстрым движением надел на него наручники и приковал к своей руке.

Я убрал пистолет.

– Ты арестован.

– Что? – заметавшийся хачик вдруг замер.

– РУБОП. – Я раскрыл перед его носом свое липовое удостоверение:

– Майор Федотов.

Поняв, что в руках “родной” милиции, он как-то даже успокоился. Понятно, каких визитеров он опасался.

– Э-э, тут ошибочка... – к нему вернулась, видимо, привычная наглость, и он одернул руку. – Я гражданин...

Толик коротким ударом ущемил его легкие. Тот ахнул и согнулся надвое.

– Не дергайся. Гражданином будешь в соответствующих местах...

Поставив бутылку на хлебную полку, я быстрым движением прошелся по его телу. Странно, но оружия не оказалось.

“Голубой” охранник показался у прохода, подозрительно глянув. Толик сделал озверелое лицо:

– Кыш!..

Тот отпрянул и исчез.

– Напрасно... – я недовольно буркнул Толику, бросаясь за охранником.

Растолкав встречных, я догнал охранника возле его комнаты, из которой тот, вероятно, хотел вызвать милицию. Он испуганно вылутился.

– Товарищ... – я как можно вежливо. – Нам нужна ваша помощь.

– Что надо? – “Голубая фуражка” испуганно пролепетал.

– Майор Федотов. – Я вновь щегольнул удостоверением. – Обезврежен опасный преступник. На парковке наша машина. Бегите к водителю и передайте, пусть подаст к выходу. Понятно?

– Ага... – ошарашенно закивал “голубой” товарищ. – Аа...

– А шуметь не надо. От этого зависит жизнь наших товарищей. Мы с вами, как с важным свидетелем, позже свяжемся. Все, пшел!..

Проводив взглядом словно сдувшего ветром охранника, я вернулся в хлебобулочную. Хачик тяжело дышал и с ненавистью глазел. В один миг показалось, что он что-то задумал.

мал. Например, толкнуть и завалить стойку с винно-водочной продукцией и этим привлечь внимание посетителей, которые и так на нас подозрительно косились.

– Слушай, Аветисов, ты лучше не глупи, – я вновь подошел к нему вплотную. – На вас висят три трупa. И теперь от тебя зависит, как ты пойдешь в этом деле: паровозом или в составе...

Аветисов так сильно побледнел, что нам показалось, сейчас потеряет сознание. И как-то сразу сник.

– Это не я! – прошептал он в ужасе. – Не я!..

– Кстати, киллеров взяли. Этот Слава, славный малый... был... Сразу пошел на признанку, чтобы не сдохнуть мучеником... – я назвал имя казненного киллера. – Но ему не повезло, как тебе. Попал в руки Спартака... Чуешь, какой ты счастливчик, Аветисов? Тебя хоть сначала умертвят, после закопают, а не наоборот...

На Сейрана Аветисова страшно было смотреть. Лицо перекосилось, и пот градом лился, наполняя воздух противным запахом страха. Я решил его добить.

– Соколова, ну, следователя, у которого откупились, отстранили, и теперь дело веду я. Сразу информирую: у вас полный букет. В том числе бандитизм, вымогательство, железо, подделка документов, мошенничество... – все можно пришить. Теперь, после появления в деле трупов, вас засадят по самое не могу, но какая разница? Спартак не даст мирно отсидеть... Не жилец ты на этом свете, братец, не жилец при

любом раскладе...

Я через стекла витрины посмотрел на появившегося у дверей статного милиционера в облике Павла Романова.

– ...Так что, Аветисов, мы теперь для тебя и папа, и мама, и родная милиция. Поможешь нам взять тепленьким Багдасаряна, может и отмажем. Поможешь? – посмотрел я в упор в его хаотично бегающие глаза.

– Помогу... – сиплым голосом выдавил он, стараясь взять себя в руки. – С чего не помочь? Сам хотел пришить этого гада. Да боялся...

– Да не трепись... Что вы за поганое племя, Аветисов? Чуть чего, хата с краю.

– Клянусь! – Сейран вновь затрясся. – Он убил моего друга.

– Арсена?

Тот кивнул.

– Ты хочешь сказать, Арсен Галустян мертв?

– Мертвее не бывают, – Сейран с дрожью в голосе ответил. – Сам закопал в саду. Ашот его спящим застрелил. И меня собирается убить.

– Так убил бы ты его! Чего ждал-то?

– Чем? – Сейран свободной рукой дернул за воротник, наверное, воздуха не хватало. – Он отобрал у меня ствол, а сам начеку.

– А что не сбежал?

– Куда? – он уже в отчаянии. – Документы, деньги... Все у

него. В общем, закрыл он меня. И в Ереван мне никак, руки у него длинные. А там родители, сестры...

– Ну, брат, тогда сам Аствац нас послал к тебе... – я кивком позвал Павла. – Пошли, по дороге потолкуем. Ключи!..

Пройдя мимо знакомой кассы, я заплатил за водку и за буханку. Кассирша, испуганно похлопав ресницами, быстро обслужила меня, усиленно стараясь не смотреть. Я сегодня дважды ее разочаровывал. Первый раз нарисовался алкашом, второй раз еще хуже – ментом.

“Господи, – вздохнул я, размышляя, – до чего ж народ не любит своих надзирателей. Хоть здесь, хоть в Баку, хоть, наверное, на небесах. Зачем ты их вообще сотворил?..”

Сев за руль “Нивы”, я поехал за военным газиком. Через метров 200, когда продуктовый исчез за поворотом, замигал фарами, и машины друг за другом остановились. Я пересел на переднее сиденье газика и повернулся назад, где скрепленные друг с другом наручниками сидели Толик и поникший Аветисов.

– Времени мало. Я тебе вкратце обрисую. Багдасаряна заказали. Он должен ответить за Артура Манучарова. Почему, ты знаешь. Короче, песенка его спета, и живым он нам не нужен. Теперь Арсен, по твоим словам, мертв. Остаешься ты, которого в принципе можно отмазать. Что скажешь?

– Но вы же милиция!..

Я так и не понял, что вырвалось из груди Аветисова. То

ли крик души, то ли вопль отчаяния. Павлик весело усмехнулся.

– Понимаю... – я зыркнул старшему Романову. – Ты начался книжек. Вкратце, милиция тоже хочет кушать. Усек?

– Не верю, что меня живым оставите... – Аветисов беззвучно плакал.

– Послушай, урод, – я начинал нервничать. Ашот мог заподозрить неладное долгим отсутствием товарища, – если б хотели, сразу пришили. Даже сейчас... – вытащив пистолет, я быстро закрутил глушитель и приставил к его лбу. – Кто нам помешает?

Сейран еще больше побледнел и не ответил. Я спрятал ствол.

– Объясню, почему это не сделаем... Ашота пристрелишь ты.

– Я?.. – пленный еле выговорил.

– Да. И не строй тут овечьи глазки, Аветисов, ты ж вроде отомстить хотел? Мы его возьмем, а ты прикончишь. Ствол со следами твоих пальцев – вещдок, усек? Чтоб клюв не раскрывал. Получишь ксиву и исчезнешь. А мы останемся как бы чистенькими – на хрен мараться в мокруху. Скажешь своим, что пошел в магазин отовариться, приехал, нашел корешей трупами, испугался и скрылся. А что на тебя повесили, не знаешь. Поверят. Все будут думать, что это Спартак.

– А если откажусь?

– Ашота возьмем сами. Надо будет, подмогу вызовем. Но

ты этого не увидишь.

– Согласен. Я согласен... – Сейран еле выговорил сквозь пересохшее горло. – Я не имею право умереть. Поймите, мои родные без меня пропадут... Что я должен сделать?

– Ворота сам открываешь?

– Да, завожу машину во двор.

– Ашот тебя встречает?

– Он из окна смотрит. Его комната на втором этаже. Целый день жрет, пьет и крутит видео.

– Если подъедем к дому, увидит?

– Если будет сидеть у окна, непременно. Но во дворе есть боковая калитка. Она не наблюдается из комнаты Ашота, и ее загораживает подсобка для дров. Я закрою собак и открою калитку. Вы можете подождать в подсобке, пока не дам знак.

– Что за знак?

– Даже не знак. Я приду за дровами. В комнате камин, я его отапливаю. Сегодня как раз холодно. Ашот любит, когда камин отапливается. Когда подаю чай, он немного со мной беседует, больше не с кем. Думаю, поэтому до сих пор меня не прикончил... Но он собирается соскочить.

– Откуда знаешь?

– Тут и знать не надо. Рано-поздно найдут. Вы же нашли?

– А за что он убил Арсена?

– Говорит, тот собирался его ограбить...

Мы с Толиком переглянулись.

– ...Вообще-то у них отношения давно испортились. У

Ашота женщина – наша, армянка. Очень красивая. Он ее из Еревана выписал. Арсен привозил ее к нему на свидание. Ашот подозревал, что они спелись и втайне ставят ему рога. Пару раз сам слышал, как они ругались.

– А как на самом деле?

– Кто знает? Арсен был мужчиной. Никогда своих баб не обсуждал.

– Надо торопиться...

Это Павел беспокойно оглянулся. Какая-то машина припарковалась за нами.

– Теперь послушай... – я понимал, что рискую, но ничего более не смог придумать. – Ты меня с этим товарищем, – кивнул я на Толика, – высадишь у боковой калитки. Если в положенное время калитка не откроется, или собаки не перестанут лаять, или случится еще что-то непредвиденное, вызываем подмогу и дом штурмуем. Тогда, сам понимаешь, живым ты не нужен. Так что в твоих интересах, если все пройдет по нотам. Понял?

– А вы не торопитесь, – беспокойно заерзал Аветисов, – вдруг он во двор выйдет или еще что...

– Хорошо. Мы это пойдем. Ты займи позицию и страхуй. – Это я Павлу. – Все, вышли!

– Руку освободи...

За Зеленым домом не было жилых строений. Лишь вдали чернела небольшая изба, загороженная посеревшим де-

ревянным забором. Толик заметно нервничал.

– А если подставит? Представь, мы заходим во двор, а нас с музыкой...

– Не каркай. Я найду первым. Если что, действуй по обстановке.

– Думаешь, хачик не блефует?

– Кот его знает. Одно знаю, ментов не вызовут.

– Откуда знаешь?

– А подумай. Мы сами менты, и Аветисов на это повелся.

И вообще, он не сообщил бы о калитке, если...

Тут я насторожился, слушая тишину:

– Ты заметил, собаки перестали лаять?..

Характерный щелчок замка заставил нас вздрогнуть. Понеслось тихий противный скрип металлической двери...

Мы аккуратно проскользнули во двор. Я сразу в подсобку, Толик за постройку. Запах свежесрубленного дерева приятно защекотал ноздри.

Дом находился в метрах пятидесяти. Собаки, закрытые в сарае, все-таки почуяли запах и беспокойно заскулили, царапая доски. Через десять отвратительно беспокойных минут возле дома появился Сейран, переодевшись в длинный шерстяной свитер с горловиной и быстрым шагом направился в подсобку. Я осторожно приоткрыл дверь и впустил его.

– Хорошо, дров мало было...

Голос его от напряжения дрожал.

– ...Вы не заметили, он не следил? А где второй? – Сейран беспокойно оглянулся.

– Он заподозрил неладное?

– Как будто. Все допытывался, почему задержался? Нюх у него как у собаки.

– А ты?

– Ну, типа, водку выбирал. Хорошо, вы мне бутылку дали. Ну и девку на кассе клеил. Кажется, поверил. Сам на нее глаз положил... Ну все, мне пора... – он подобрал несколько дров, – а вы минут через десять следом. Он на втором этаже. Дверь оставляю открытой – в руках-то дрова...

Аветисов нагнулся у низкого порога и хотел выйти. Я лишь секунду колебался.

– Стой. Пойдем вместе.

– Можно и так... – обернувшись, он уставился на направленный на него ПМ. – Главное, в спину не стреляйте. У меня дома одни женщины и старики. Я сдержу слово. А вы, если пустите меня в расход, будьте прокляты.

– Успокойся. Я дал слово.

– Ствол у него под рукой, дверь и окна под обзором. Я буду топить камин и отвлекать. Лучше стреляйте сразу...

Глава XXVIII

Лестницы, ведущие на второй этаж, были широкие, покрытые лаком. Толик занял позицию у входа. Я, стараясь бесшумно двигаться, поднялся за Сейраном.

Оказывается, деревянные ступеньки лестниц не только в кино скрипят. Скрипели они под нашей тяжестью ужасно, “плача и скуля”, как бы предчувствуя разыгравшуюся чуть позже трагедию. Когда Сейран вошел внутрь, я, струной вытянувшись, прислонился к стене и сосредоточился. Послушалась армянская речь. Я не понимал ее, но в этот миг, видимо, стал телепатом.

– Парень, тебя за смертью посылать. Где ты все время шляешься?..

И тут случилось непредвиденное. Где-то внизу тишину оглушил грохот упавшей металлической емкости. Мне показалось, взорвалась атомная бомба. Толик никогда не был разиней. Но тут умудрился уронить магазин...

Может, в одно мгновение произошли несколько стремительных действий.

Ашот выстрелил. Сейран ахнул. Одновременно нырнув вовнутрь, я произвел два выстрела, опережая следующий выстрел Ашота, может, на долю секунды. Мои пули пригвоздили Ашота в кресло, его же – ранила в плечо, откинув руку с оружием.

Помню, как на замедленной съемке смотрел на все еще направленный на меня ствол Ашота и, кажется, на всю жизнь запечатлел в памяти его полный отчаяния затравленный взгляд...

Но следующего выстрела не последовало. Бревно из рук Сейрана по ровной траектории полетело в кресло. Послушался глухой стук, и голова Ашота, разбитая в кровь, бесчувственно повисла.

В следующий миг меня от дверей отпихнул пыхтевший и покрасневший Толик с короткостволкой на груди. Но, мгновенно оценив обстановку, взял осевшего около камина Сейрана на прицел.

Рана не то, что болела, больше ныла. И кровоточила. Поморщившись, левой рукой поднял оружие. Повезло. Пуля не задела кость, видимо, лишь поранила плечевую мышцу. В противном случае, я не мог бы двигать рукой.

Направив оружие на Сейрана, я кивнул Толику. Тот вынул из кармана наручники и надел на осевшего в ступоре возле стены армянина:

– Не ранен?

– Нет. Но это не твоя заслуга... – Аветисов кивнул на бревно, лежащее у ног Ашота. Пуля рикошетом выбила кусок коры от дерева.

– Везучий ты ублюдок. – Толик залыбился.

– А ты урод. Чуть всех не подставил...

Толик сделал еле заметное движение к пленному. Но, ви-

димом, осознав, что у того руки в наручниках, и он, в общем-то, прав, с досадой повернулся к Ашоту. Тот все еще был без сознания. Раны на груди и на голове кровоточили.

Романов поднял ствол Багдасаряна и с интересом посмотрел. – “Беретта...” Ни хрена себе!

– Приведи его в чувство...

Перекинув автомат на плечо, Толик подошел к журнальному столику, где стояли бутылка виски и початая Кремлевская. Плеснув в стакан немного водки, он бесцеремонно раскрыл рот Ашота и вылил жидкость в горло. Тот поперхнулся и простонал. Спиртное вылилось и на рану, боль, видимо, привела его в чувство. Ашот открыл глаза.

– Мразь!.. – тихо прошептал, когда взгляд его застыл на недавнем товарище. Попытался сделать движение, но от боли лишь стиснул зубы.

Наспех закончив обработку своей раны, я подошел к нему. Мы всегда держали небольшую аптечку при себе: бинты, болеутоляющие, дезинфицирующие, антибиотики, жгуты...

Быстро связав руки Багдасаряна к стойкам кресла, я разорвал его окровавленную майку и принялся обрабатывать раны. Он вновь простонал, когда, раскрыв обертку бинта, я вылил на ткань немного водки и прижал к зияющей ране. Отверстие от второй пули было ниже и еще страшнее, видимо, зацепило внутренние органы, так как лицо у него осунулось и неестественно побледнело. Он все тяжелее дышал, и пото-

му я предположил, что пуля продырявила легкое.

– Кто... ты?

– Это неважно, – перестав его мучить, я выпрямился. – Ты должен ответить за Артура Манучарова.

Откинув голову назад, Ашот в отчаянии выругался.

Я вытер кровоточащую рану на его лбу. Бревно, брошенное Сейраном, отсекло кожу, и кровь стекала на глаза. Я кивнул Толику, указывая на Сейрана. Тот бесцеремонно поднял его за шкуру и вытолкнул к выходу.

– Жаль, я не... грохнул тебя... сучонок!.. – провожая их взглядом, Ашот тихо процедил.

Сейран, резко оттолкнув плечом Толика, подался назад:

– А зачем ты хотел меня грохнуть? – заорал он вдруг в иступлении. – Зачем ты убил Арсена? Кто тебе дал право убивать нас, будь ты проклят, что мы тебе сделали? У Арсена старушка-мать осталась. Кто теперь ее проводит?..

Толик еле сдерживал его, обняв за плечи. Казалось, Сейран готов был расправиться с Ашотом даже в наручниках и чуть было не вырвался. Но, опомнившись, Толик коротким ударом под дых вновь согнул его пополам и вывел из комнаты, прихлопнув ногой дверь.

Подняв упавшее во время передряги второе кресло, я уселся перед Ашотом.

– Что?.. Я умираю...

– Значит, тебе повезло. Но времени мало. И у тебя, и у нас. Я кратко изложу, что нам еще надо...

Он уже смотрел безразличным взором. Наверное, действительно все по фени, когда умираешь.

Или почти все...

– Во-первых, укажи, где деньги. Мы знаем, они есть. Тебе они больше не понадобятся. Мы, конечно, сами все перероем и в конце найдем, но потеряем время...

Он опять не ответил, продолжая блуждать отрешенным взглядом.

– ...И ответь: кто дал наводку на Артура? – я передвинул кресло еще ближе, почти наклонился над ним. – Кто автор этого проекта?

– ...

– А ты знаешь, Артур был ни при чем. Тебя подставили.

– Врешь!.. – Ашот еле выдавил. Я увидел, как его потухшие зрачки вдруг расширились. Пальцы рук зашевелились.

– Посмотри на меня... – я попытался поймать его взгляд. – Ты поймешь, что я не вру...

Бегающие зрачки Ашота наконец в страхе впились в меня.

– ...Это я взял тогда твою хату. Нет времени на детали. Но, смотри, Артура нет в живых, а я здесь. Ты же понимаешь, без наводки я не смог бы тебя найти.

– Кто?.. – он с усилием чуть подался вперед.

Я такие муки прочитал в его отчаявшихся глазах, что стало жалко.

– Я отвечу, если ты сдашь мне того ублюдка, который подставил всех нас.

– И... тебя?

Я молча кивнул.

– Я... не верю!..

– Артур мой родственник...

Ашот продолжал блуждать по мне недоуменным взглядом.

– ...Воры тебя сдали. Ты им мешал. Они тебя поймали, понимаешь? Но у тебя есть шанс расквитаться. Я за Артура отомщу. Выходит, и за тебя. Только скажи, кто?

Видя, как ему плохо, и он колеблется, я тихо подсказал.

– Это Учитель?

– ...

– Я знаю, это он. Ты выгораживаешь своего палача.

– Будь он... проклят!.. Господи, прости... за Артура...

Он очень тяжело говорил, и я понимал, что каждое произнесенное слово доставляет ему боль.

– Арам-вор участвовал в этом?..

Он слегка покачал головой.

– ...Зачем ты поверил? Ведь у вас был конфликт. Ты мог бы догадаться, что это подстава.

– Он показал мне... деньги... 20 штук. Он... сказал, Артур снял... со счета. Цена... за мою голову... Все подтвердилось... Он сказал... я нужен Ар... мении...

Картина полностью прояснилась.

– Учитель сам напросился на встречу с Артуром. Попросил в долг. Все знали, что Артур никому не отказывает. Он

об этом жене проболтался. После слили тебе ложную информацию... И Армения тут, поверь, ни при чем. Хотя бы перед смертью эту туфту не гони. Мы знаем, ты эту Армению тоже хорошо поимел. Где деньги?

Ашот вновь простонал. Вероятно, боль и отчаяние смешались с жуткой обидой за себя. Ну и осознание необратимой смерти...

– Открой... руки. Я... не хочу умереть... так...

Чуть поколебавшись, я разрезал жгут. Он еле поднял руку, нашел на груди крестик, поднес к губам и начал нашептывать, видимо, молитву.

– Если ты сообщишь, где деньги, я обещаю кое-что отправить к твоим.

– Хочу... воды... Дай мне... воды... – он облизал высохшие губы.

Я достал минеральную из упаковки рядом, открыл об край стола и протянул. Но его дрожащие руки совсем обессилили и не могли удержать. Я помог. Он жадно глотал. Пролитая на грудь вода, кажется, освежила, потому он начал выговаривать, хоть и по-прежнему слабым голосом, но менее отрывисто.

– Мои... уже давно во мне не нуждаются...

Тут он начал кашлять. Я терпеливо ждал, когда закончится этот страшный приступ, в конце которого он начал харкать кровью и задыхаться. Толик приоткрыл дверь и огляделся. Я жестом отогнал и... дрогнул. Ашот вцепился в мою

руку.

– Деньги... – он кивнул на камин. Я быстрым взглядом прошелся. Аккуратный камин у стены, а рядом пристроенное кирпичное строение. Почувствовав, что Ашот пытается приподняться, я сам наклонился. Голос его звучал все слабее и со свистом:

– Арсен... хотел ограбить... Отнять ее... Я пригрел змею... на гру...ди...

Вдруг он, видимо, из последних сил схватил окровавленными руками меня за воротник и прошептал:

– Я вино...ват... Помоги... ей... Марго... Доку...менты...

Он повалился обратно. Я посмотрел в сторону его застывшего взгляда – на старинный комод с резьбой.

Вздохнув, я проверил его пульс, он еле бился.

Я вышел из комнаты. Сейран, обняв колени, сидел на полу. Наручники тускло блестели между его запястьями, создавая как бы картинный фон на студии художника-авангардиста. Толик, скрестив руки на груди, молча наблюдал.

– Зови Павла.

– Ты разузнал, что хотел?

– Да. Более чем... Оставь волюну Ашота.

На миг колебавшись, он вытащил из пазухи Беретту, протянул и быстро удалился по ступенькам. Сейран поднял голову.

– Не убивай...

Он даже не молил, а просто просил. Как ребенок конфету.

– Успокойся... – быстро проверив на пригодность Беретту, засунул его за пояс. После снял магазин со своего ствола. Оставив один патрон, засунул обратно и зарядил. Платком хорошенько вытер.

– Ты мне жизнь спас... – я ободряюще улыбнулся.

– Какое это имеет значение теперь, – он тоскливо заныл.

– Для меня имеет. Встань...

Я помог.

– ...Ты знаешь, что делать... – платком держа, протянул ему пистолет. Аветисов беспокожно следил. – Он и так умирает. Это цена твоей жизни.

– Так говоришь, умирает... – отчаялся Сейран. – Пусть сам и сдохнет. Зачем мне лишний грех на душу?

– Ашот ранен из этого ствола. Теперь на нем будут твои отпечатки. И осознание, что это ты добил его контрольным выстрелом, укоротит твой язык... Так, я не понял, ты хочешь остаться живым иль нет?

Он молча взял оружие и нетвердыми шагами вошел в комнату.

– С расстояния шага! Не оборачивайся!.. – я держал его на прицеле.

Когда прозвучал выстрел, я опустил ствол. Почувствовал невероятную усталость. Трудно быть палачом, если даже исполняешь справедливый приговор.

Послышались прыгающие шаги по лестнице. Романовы

ворвались в комнату. Сориентировавшись, Толик взял у меня платок, подошел к застывшему Сейрану, разомкнул его пальцы и забрал ствол...

Окровавленная голова Ашота представляла страшное зрелище. Я накрыл его лицо тряпкой. После попытался снять массивное золотое кольцо с большим красным рубином с его среднего пальца правой руки. Безрезультатно. Рука опухла, кольцо словно приросло к пальцу.

– Снимите... – указал я братьям. – Мне же надо покопаться... сначала вот здесь... – я подошел к комоду...

– Что ты мне затыкаешь рот? – резкий визг Аталай оторвал рассказчика от событий былых дней. Он удивленно уставился на нее. Чувствовалось, ему с трудом удастся перемещаться в пространстве-времени.

– Отпусти, деревня!.. – крикнула она Ганмуратбеку, который вновь неуклюже пытался закрыть рот своей новообретенной пассии.

– Что происходит? – недовольно насупился Прилизанный.

– Я больше не могу молчать! У меня сердце обливается кровью!

– Что вы хотите? – Длинный налил себе водку. Как бы очнувшись, и остальные зашевелились.

– Я все выскажу! – Аталай ринулась в бой. – У меня такое ощущение, что вы обыкновенный гангстер. Там взяли деньги. Тут, вероятно... тоже возьмете. Еще и кольцо пытаетесь

снять с мертвеца! Фу!.. – сморщила она нос. – Это мерзко, понимаете, мерзко! И всю эту гадость вы выливаете на нас. Все!..

Выложив, что на душе накипело, Аталай полной грудью вздохнула.

Аудитория молчала. Первый нарушил тишину Прилизанный.

– В общем-то, дамочка права. Мы все-таки цивилизные люди. Насчет денег... Ну это еще понятно. Вы в бандитской среде. Вошли в роль... Но кольцо! Это слишком.

– А что тут такого? – тут возмутился Ветеран в тельняшке. – Грабь награбленное! Что ему, деньги в ментовку сдать? Этим бандитам?

– Властям... – попыталась корректировать его Гюля. – Нашим...

– Да каким властям, дурья твоя башка? – постучал по своему лбу Ветеран в тельняшке. – Что ты каждый раз своими куриными мозгами встреваешь в мужской базар? Да первая же “власть” в погонах замочила бы его, а деньги присвоила.

– Или определили бы его в дурку, – поддержал его Бакинец, виновато смотря на Гюлечку. – Поскольку сочли бы поступок неадекватным.

– Пусть ответит насчет кольца! – завопила Аталай.

– Отвечай! – все хором поддержали.

– Я вас понимаю... – хрустнул огурцом Длинный и начал вяло жевать. – Представляю, как вы удивитесь, когда еще со-

обшу, что этот недоумок Толик снял кольцо вместе с пальцем. Прости нас, грешных, Господи... – глотнул водку он.

– Что-о?! – все хором воскликнули.

– Ну да, – невозмутимо ответил тот, словно рассказывал байку. – Не смог снять кольцо и отрезал палец.

– И вы спокойно о-отреагировали на это? – с ужасом пролепетала Аталай.

– А что я должен был делать? – удивленно пожал плечами Длинный. – Приклеить обратно, что ли? Уже отрезал. Что с бандита-то взять? Он столько видал, что ему этот палец... А Ашоту все равно ни кольцо, ни палец больше не понадобились бы.

– Вы что, идиот? – взвизгнула уже от безысходности Аталай. – Вы что, не понимаете, что это аморально, мерзко?

– Понимаю, – вздохнул Длинный и вновь потянулся к водке. – Понимаю... – вновь хрустнул огурцом.

– А сами-то, – тихо спросила Гюля, – смогли бы отрезать этот палец?

– Я? Смог бы, конечно. Что тут сложного?

– ...

– Но не отрезал бы... – который раз вздохнул он. – Как-то не по-людски отправить на тот свет человека без пальца, хотя, порой люди попадают туда с еще большими потерями.

Помню, покойный Игорь, ну, бывший мой босс, какому-то бедолаге член приказал отрезать. Он внучку-малолетку старушки-уборщицы, которая его комнату убирала, изнасило-

вал... хм... непристойным способом. Та рано утром пришла заменять захворавшую бабушку, чтобы еще в школу успеть, а тут нарвалась на этого пьяного самца.

Игорь так и спросил у него. Чего хочешь, братец, лишиться, головы или головки?

Ну, сами понимаете, дело-то деликатное, пришлось ему выбирать то, без чего хоть как-то можно жить, пусть и не совсем комфортно.

– О Господи! – Аталай выпирающими прелестями вновь прилипла к Ганмурату.

– О времена, нравы... – усмехнулась Гюлечка.

Длинный, опрокинув рюмку, глазами начал шарить по столу. – Товарищ, – обратился он вежливо к Арзуману, – я видел, как вы стырили со стола бутыль. Не поделитесь ли непосильно нажитым с боевым товарищем?

Раскрасневшийся “товарищ” вынул из-под стола водку.

– Я запасся... – виновато пробубнил.

– Про кольцо ответь! – вновь прошипела эта оса Аталай.

– Отвечу, конечно... – по-прежнему спокойно отозвался Длинный. – Когда наступит время.

Аталай безнадежно фыркнула.

– В конце концов, куда мы торопимся? – миролюбиво вставил Бакинец.

– Уже никуда, – флегматично подытожил Прилизанный. – Отсюда можно торопиться или в психбольницу, или в тюрьму. Так что продолжайте, любезный. Вы как, действительно,

Шахерезада – прерываете рассказ на самом интересном месте...

Глава XXIX

– Я нашел в комоде то, чего искал, – монотонно продолжил Длинный, – паспорт, купчую, прочее... В том числе гендоверенность, оформленную на некую Гаспарян Маргариту Сергеевну.

– Она? – показал я Сейрану фотку в паспорте.

Он кивнул.

– А где старый владелец дома?

– Ашот его в Октемберяне поселил. Там у него загородный дом, большой участок с фруктовыми деревьями. А старик был хорошим садовником.

– Был?

– Ну да. В прошлом году отошел.

– Сам умер или помогли?

– Сам. Это я точно знаю. Ашот к нему хорошо относился, отцом звал. Сам же рано осиротел... Да и не мешал ему старик. За дом свой получил деньги, но куда их дел, не знаю. Станный был старик. В церковь не ходил. Говорил, всех попов в Гулаг надо отправить. Зато часто во всякие приюты наведывался. Может, куда-то пожертвовал? У него никого не было, а про себя никогда не рассказывал...

– ...

– В Армении ему нравилось, сам попросился. Говорил, тут тепло и фруктов много. Мы каждый раз ему гостинцы

из Москвы привозили: то конфеты, то колбаски... Руки-то открой! Если не хотите убить, зачем пленником держите? Мне все равно некуда деться без денег и документов.

– Это успеем. Пока присядь... – я взял его под локоть и повел к дивану. Кажется, вовремя. Ноги подкосились, и он рухнул. – И ответь мне на вот какой вопрос, Аветисов. Что это за кирпичное строение рядом с камином, куда дрова сложены?

– Для дров и пристроили. Ашот его сам смастерил, когда мы с Арсеном отовариваться пошли. Дрова всегда валялись на полу, а так можно было сложить. Так, говорил, эстетично, – усмехнулся он, – ему же не хрен было делать. В люди боялся выходить, после того как сына Спартака грохнул. Целый день безбожно жрал и крутил порнуху... А что? – он подозрительно покосился на строение.

– Нужна кувалда... – я повернулся к братьям, которые, стоя бухали и уже успели опустошить полбутылки, закусывая хлебом...

– Фу, рядом с мертвецом? – сморщилась Аталай. Все на нее зацокали...

– ...Инструменты держали в кладовке на первом этаже. Это Сейран подсказал. Павлик быстро принес кувалду и обрушил на строение. Кирпичи посыпались. Внутри это квадратное строение было полое.

Нашему обзору показалась посыпанная кирпичными осколками и пылью коричневая сумка – старая, потерянная, но с твердой кожей и с мощным замком. Такие, наверное, производили в сталинское время, и явно она ранее принадлежала старому хозяину...

– На хрен сумку! – заорал в исступлении Ветеран в тельняшке. – Что внутри было, садист проклятый?..

– Мы, как зачарованные уставились на старый артефакт. Павлик не без труда поднял его и поставил на стол. Толик вытащил финку.

– Постой, – остановил его Старший, – зачем портить хорошую вещь...

Он подошел к трупку и начал шарить по карманам. Тряпка упала с лица Ашота и нашему взору обнаружилась отвратительная маска смерти – зияющие белки на черно-красном фоне из-под полуопущенных век. В общем, зрелище не для слабонервных. Слово мертвец выказывал протест к ограблению его клада.

Но Павлик бесцеремонно налепил обратно уже пропитанный кровью лоскут и бросил на стол паспорт в переплете, толстое, набитое рублями портмоне и связку с ключами.

Я взял и перелистал паспорт. Буквы были не на армянском. Фотка Ашота.

– Попан-до-пуло... – подошедший Толик по слогам про-

изнес, – Леонид. Греческое... – он добавил с умным видом, как будто изобрел колесо. – Я знаю одно местечко на Лубянке – это там штампуют. Такие ксивы делают для тех, кто собирается исчезнуть навсегда...

Внутри паспорта скрепкой был прикреплен авиабилет до Афин. На послезавтра.

Тем временем Павлик подобрал ключ и открыл замок сумки...

– Думаю, вы догадались, что было внутри, – оглядев застывшую аудиторию, изрек Длинный.

– Все-таки уточните, – вежливо огласил общее мнение Режиссер, облизывая остатки спиртного с губ.

– Кроме 100 долларовых банкнотов США, сложенных аккуратными пачками, в небольшом мешочке были ювелирные изделия. И отдельно, во внутреннем кармашке сумки, миниатюрный черненький мешочек с прозрачными камушками. Впрочем, все банально...

– Ничего себе, банально!.. – еле переводя дух, с трудом проглотил слюну Ветеран в тельняшке. – Братан, ты чересчур скромный.

Не реагируя на реплику, Длинный продолжил...

– Сверху банкнотов лежали три паспорта красного цвета, которые теперь с ностальгией вспоминают все те, кто родились в бывшем СССР. Я перелистал и один бросил на диван

Сейрану.

– Участь твоя была действительно решена. Ашот собирался замести следы вчистую. Он понимал, что клан Манучаровых будет искать его повсюду. Дом он хотел передать возлюбленной. Он все-таки, видимо, любил ее. И она при необходимости могла быть связующим звеном между ним и всем тем, что он собирался оставить. Но не успел.

– А зачем он сразу не дал деру. Чего тянул-то? – полюбопытствовал Павел.

– Может, ксиву ждал. Мож, с бабой своей хотел разобраться. Любовника ее он все-таки прикончил.

– Так вот оно что!.. – вдруг произнес дрожащим голосом, обалдевший от увиденного Сейран.

– Что?

– Арсену нравилось сидеть здесь, – кивнул он на заваленное строение, – и греть спину, прислонившись к камину. Это всегда раздражало Ашота, и он под разными предлогами выгонял его. Накануне убийства Арсен как-то вспылил, мол, что такое, почему нельзя здесь сидеть, что оно у тебя, золотое? Очередной спор между ними начался после этого.

– И этим подписал себе приговор, – я тихо произнес. – Ашот занервничал из-за денег.

– Я же думал, он его из-за бабы... Хотя можно было догадаться. Говорил же, якобы Арсен хотел его ограбить. Думал, это отговорки.

– Просто одно наложилось на другое. – Это Павел.

– Я бы тоже убил, – ухмыльнулся Толик. – За такие деньги я пришел бы десятки таких армяшек.

Сейран с ненавистью посмотрел на него, но продолжил:

– Я сразу вышел, не любил встречать в их базар и уже за дверью услышал, как Ашот орал на Арсена за то, что тот к его бабе подкатывает. Якобы про это хозяин хаты, где она работала, сообщил.

– А Арсен?

– А что он? – пожал плечами Сейран. – Он не подтвердил, но и не опроверг. В конце сказал, что ему все надоело, и он скоро отчалит. На рассвете Ашот пробрался к нему и застрелил спящим... – Сейран перекрестился и плюнул в сторону трупа. – Ну и сам теперь сдох. В аду ему гореть! Арсен даже не понял, как умер. Когда его хоронил, мне показалось, что он даже улыбается.

– Да-а, повезло тебе, армихон, – вновь залыбился Толик. – Если бы не мы, лежать бы тебе в обнимку со жмуриком.

Оба брата загоготали. И я улыбнулся, смотря, как Сейран опять перекрашивается в прозрачный цвет.

– Однако, нам пора, – перестав смеяться, вставил Павел. – Моя воронка уже часа два маячит перед воротами и портит настроение честному люду. Хорошо, люди живут здесь как крысы. Типа, моя хата с краю.

– А почему машину во двор не загнал? – я спросил.

– Легче соскочить... – Павлик дулом ствола браво сдвинул фуражку на затылок.

– А вы разве не менты? – удивился Сейран.

– Менты, менты... – подтвердил я и невольно улыбнулся, заметив, как Павлика вогнало в краску, и фуражка его вновь проскользнула обратно. – Но менты ментам рознь... Так, товарищи, – обратился я официально-командным тоном к братьям, – вы тут приберите, а нам надо потолковать, – кивнул я на Сейрана. – Вставай, Аветисов, пошли.

– А с трупом что делать, товарищ майор? – вновь вошел в роль Павел.

– Ничего. Нас здесь не было. Ксивы и прочее в камин. Где сможете, протрите наше присутствие...

Краешком глаза заметил, как Толик аккуратно опустошает кошелек Ашота.

– Слушаемсю! – оба брата, вытянувшись, в унисон отпартовали, держа каждый в руке честно поделенный трофей...

Тут Длинный вопросительно посмотрел на Арзумана. Тот с готовностью наполнил его рюмку.

– Печень просадите, – пожалела его Гюлечка.

Тот, сделав несколько глотков, ответил:

– Я не всегда пью. Только с хорошими людьми.

– Вы всегда определяете, кто хороший, кто плохой? – вновь забрюзжала Аталай.

– Нет... – коротко ответил рассказчик, шаря по карманам, видимо, за зажигалкой, поскольку сигарета уже торчала в его

зубах. Он благодарно кивнул Бакинцу, угостившему его даром Прометея, и с удовольствием затянулся сладким дымом.

– Очень остроумно, – уже в очередной раз фыркнула Аталай. – Вот лично я до сих пор не могу определить – вы хороший или плохой.

– **Я плохой...** – равнодушно ответил Длинный, неприлично зевая. – **Поверьте, все хорошие люди – лицемеры. Чтобы сохранить планку хорошиста, они постоянно вынуждены лгать. Лицемерие провоцирует, в конце концов, подлость. Получается сплошная бутафория.**

А с плохого чего взять? Он и так плохой. Потому, какой есть. Парадокс...

– Странная у вас логика, – покачала головой Гюлечка. – Тоже парадоксальная. По-вашему, быть хорошим – это плохо? А Ганди? А Мать Тереза? Иоанн Павел II? Что в них плохого было, лицемерного?

– Все слишком идеализировано и политизировано, – после небольшой паузы ответил Длинный. – Я иногда Бога не могу понять, а вы – Ганди... Легче утверждать, что пути Господни неисповедимы и печально улыбаться после того, как на ровном месте на тебя падает дерево и ломает хребет. Я знаю одну такую несчастную, вот уже сколько лет прикованную к постели. Вот она так блаженно и улыбается, повторяя эту тухлую фразу, когда кто-то, жалея ее, ахает и охает... – он со злостью воткнул окурок в пепельницу.

– Может, она верующая? Не все же такие безбожники, как вы! – прошипела Аталай.

– Верующая? – с издевкой переспросил Длинный. – Помилуйте, дамочка, как можно быть верующей, прикованной к постели со сломанным хребтом и без малейшей надежды на выздоровление? Я думаю, дивиденды она у Хозяина пытается заработать, надеясь, если не на этом свете, то хоть на другом немного счастья для себя выторговать. Мол, смотри, Господь, какая я верная, правильная, ты мне хребет сломал, а я все равно тебя люблю. Я, как сознательный раб твой, понимаю, что мой сломанный хребет для тебя был необходим. Ты, безусловно, меня испытываешь или тебе скучно, не хрен делать...

Хотя я голову даю на отсечение, что этот страшный вопрос – “за что?” – молотком, в унисон с сердечным ритмом бьет по ее мозговым извилинам и ни на минуту не останавливается.

Землетрясения, цунами, войны... Попробуйте, вот так, человеку, на ровном месте потерявшему ребенка или другого родного, без которого он не мыслит свое существование, с умным видом сказать такое. Да он так пошлет тебя по назначению!..

А если не пошлет, значит, лицемер. Потому, что когда все его нутро до последней частицы тела, до последней капли крови вздымается тебя отослать, губы его искривляются в этой самой идиотской, блаженной улыбке и нашептывает эту

злополучную, злободневную фразу – пути Господни неисповедимы. Фразу, с которой разные мошенники или дебилы в рясах насилуют сознание человечества чуть ли с самого начала его становления...

– Вы... вы понимаете, что говорите? – ужаснулась Аталай, прижимаясь вновь к спасительной скале – к Ганмурату. – Вы же богохульствуете! В вас, наверно, вселился дьявол...

Хотите верьте, хотите нет, но в тот момент ветер снаружи так взвизгнул и ударил в окна помещения, что все мы вздрогнули и заметались, чувствуя в пространстве леденящую наши души присутствие вышеназванного господина темных душ...

Лишь Длинный, сохраняя спокойствие, с горечью ответил:

– Легко быть боголюбцем, когда тебя не коснулось горе, ты сыт, и жизнь твоя вырисовывается в радужных красках. И Люцифер тут ни при чем. Его таким “плохим” сотворили, отстаньте вы от него. Он лишь отражатель ваших инстинктов и выполняет свое предназначение. Так что, все вопросы к Нему, – ткнул пальцем в потолок мятежник. – Он все натворил: и добро, и зло, и жизнь, и смерть. Или это не так?.. Тогда пусть людям мозги не пудрят – пути Господа неисповедимы! Типа, пусть Он хоть новый потоп устроит, топит людей как котят, но все равно будет прав. Ему, видите ли, виднее...

Последняя бутылка водки в руках Арзумана теряла со-

держимое, проходясь по рюмкам. Проследив конечный путь очередной стекляшки под стол, Прилизанный задумчиво произнес:

– Наверное, мы еще не скоро закрутимся.

– Да хоть вообще отсюда не выйдем... Я пока концовку этой истории не узнаю, отсюда даже за пенсией не выйду, – пробурчал Бакинец.

– Что вы, как бомж, бутылки собираете? – вдруг психанула на Арзумана Гюлечка. – Сдавать будете? Оставьте на столе, официанты подберут...

От неожиданного выпада тот покраснел. Прилизанный посмотрел на Зопаева, который услужливо подскочил и вышел.

– Где вы его так надрессировали? – не сдержался Бакинец. – У меня такое ощущение, что, если вы бросите кость, он побежит и принесет ее уже в зубах и на задних лапках.

– Что вы говорите, молодой человек? У вас большое воображение, – невозмутимо ответил тот. – Между нами нормальные рабочие отношения – взаимоотношения начальника с подчиненным.

– Или хозяина со слугой, – вставил Арзуман. – Впрочем, вы тут ни при чем. Как ты всегда любил говорить, командир? Я ухмыльнулся.

– Рабелепство – это не шизофрения, а состояние души, – ответил за меня мой войсковой разведчик.

– Во-во... – довольно крикнул Бакинец.

Гордо вошел объект обсуждения вместе с официантом. На столе вновь появились различные напитки и некоторая холодная закуска. После небольшого произвольного антракта Прилизанный вновь всех пригласил за стол, и рассказчик продолжил:

Глава XXX

С Сейраном у меня разговор был непрост. Мы сели друг против друга.

Время поджимало, и я осознавал риск форс-мажорных обстоятельств.

– Убивать тебя нет смысла, Аветисов, наоборот, ты нас прикрываешь. Твои отпечатки на стволе, из которого был убит Багдасарян, а в комнате гильзы. Есть мотив. Самый банальный, но очень актуальный на сегодняшний день – корысть. Ты ограбил босса, присвоил его деньги, затем убил. Ограбление мы сымитируем... Можно предположить, что и Арсена ты убил. И ты имеешь отношение к убийству младшего Манучарова. Так что и с этой стороны тебе крышка. Чирикнем Спартаку, он тебя в любой точке земного шара достанет. Усек свое положение?

– Усек... – раздраженно ответил Сейран, ерзая на стуле. – Мне что, сразу упокой заказать после освобождения?

– Зачем? Это к тому, если разболтаешься. Ты и перед своими предатель. Ведь Ашота, по существу, ты сдал.

– Не сдал бы, если он не был подонком, – огрызнулся Аветисов. – Сам же убедился, он и меня собирался убить.

– Те двое, которые соскочили в Ереван, знали про существование этого дома?

– Нет. Только я и Арсен. Ашот с Арамом друг друга нена-

видели.

– Тебе нельзя в Армению.

– Что?

– ...

– Я же сказал, у меня там старые родители...

– Помню, и незамужние сестры, – я его перебил. – Но ты им нужен живым, а вернувшись, ты и себя подставишь, и нас. Ты нежелательный свидетель для всех, Аветисов, неужели не понимаешь? И как ты объяснишь своему руководству смерть Багдасаряна и Галустяна?

– Сам же подсказал: вернулся, босс мертв...

– А Арсена Ашот убил из-за бабы... Как, по-твоему, в Ереване этой бурде поверят?

– ...

– Из тебя всю душу вытрясут, Аветисов. Сам знаешь, какие люди стояли за Багдасаряном, и они крайне будут раздражены из-за прекращения финансового потока. Рабочей версией будет то, что ты наводчик неких криминальных сил, и это ты организовал налет на вашу съемную квартиру, а позже ликвидировал своих товарищей. Мотив – корысть. Ты взял кассу...

Сейран дрожащими руками в наручниках неуклюже попытался стереть пот с лица, но безуспешно.

– Значит... обманули...

– Мне надо было подвести тебя к убийству Багдасаряна, чтобы списать на тебя все, в том числе ограбление кассы.

– ...

– Теперь ты должен исчезнуть навсегда, Аветисов. Проще тебя убить и закопать рядом с Арсеном. Может, так и сделаем? – я испытующе посмотрел.

Он тяжело вздохнул и не сразу ответил. Я же с удивлением заметил, что Аветисов на глазах преобразается, как бы успокаивается. Видимо, у страха тоже есть предел.

– Не жилец я... Теперь, это точно понял. Но тебе почему-то поверил... Единственное, о чем прошу, пошлите моим в Ереван хоть немного денег. У вас много, и приобрели их с моей помощью... Отец очень больной. Лекарства дорогие. Я оставлю адрес... И закопайте меня, правда, рядом с Арсеном. У нас у обоих одинаково дерьмовая судьба...

Я откинулся и прислонился к спинке стула. Внимательно разглядел пленного, который, отвернувшись, уже равнодушно смотрел в окно.

Этот человек ни разу за себя не попросил. Все его мысли, чтобы выжить, были связаны с родными.

Я вспомнил родителей.

– Да и еще... Ты, я как понимаю, сотрудник элитной организации?

– Так себе... – он нехотя произнес.

– Давай, рассказывай.

– Зачем? – удивился Сейран. – Это к делу не относится.

– Это мне решать. Ты выкладывай... – я достал из кармана портативный диктофон и поставил перед ним.

– Чего... выкладывать? – внимательно оглядев прибор, переспросил он.

– Все по порядку, как положено. Кто, откуда, где служишь, кем являешься, какие задачи выполнял, какие собирался выполнять? В общем, все.

– Но зачем это тебе?

– Ну ты, парень, нахал, – “возмутился” я. – Вы, черножопые, здесь, на Руси, черт знает чем занимаетесь, а я, майор милиции, буду перед тобой ушами хлопать?.. Доложу в соответствующие инстанции.

– Так ваши... Ну, не совсем ваши. Они и так знают... – вновь в недоумении покосился Аветисов.

– Мож знают, а мож нет, почем знать? Мож врешь... Давай выкладывай. И не ври. Перед тобой не фраер.

– Насчет родителей...

– Обещаю.

Сейран немного задумался. После тихо заматерился.

– Я, Аветисов Сейран Рубенович, 1965 года рождения...

И т.д...

Длинный прервал свою речь и потянулся за колбасой. Немного пожевал и сморщился.

– В Баку колбаса чем только не пахнет, только не мясом. Помню, в детстве мама нас в цирк водила. Там в буфете такие вкусные бутерброды продавали с колбасой!.. И лимонад...

Мы переглянулись.

– Причем тут колбаса? – возмутился Прилизанный. – Вы дело говорите. Что вам этот Аветисов рассказал?

– Я с ним минут 30 беседовал, – вздохнув, спустился из машины времени Длинный. – Что вам, все слово в слово передать?

– Ну, расскажите хотя бы в общих чертах...

– Ну, если в общих... – призадумался рассказчик. – Аветисов был военным разведчиком. Про их задачи в Москве я рассказывал. Коротко: это оперативная работа в среде азербайджанцев, организация показательных карательных мер над строптивыми индивидуумами из своей среды, поборы среди них ради “общего дела”, сбор информации про действующих в России азербайджанских диаспорских и иных центров и т.д. Сейран назвал имена отдельных российских чинуш и политиков, особо интегрированных в оперативные разработки против Азербайджана. Также назвал конкретных лиц из российского Генштаба, активно сотрудничающих с армянскими спецслужбами, в том числе рассказал, что знал про организацию Корейца.

Я заинтересовался информацией о том, что одним из приоритетных направлений группы Багдасаряна в Москве являлся подкуп журналистов и руководящих чинуш в различных СМИ. Также внедрение лиц армянской национальности в эти организации в целях выгодной для них интерпретации событий в Нагорном Карабахе и вокруг, ложной трактовки

исторической сути армяно-азербайджанского конфликта.

Армянские чинуши, в отличие от наших беспечных и, в некотором роде, бестолковых служилых, более внимательно и планомерно подходили к этим задачам, потому и выиграли в первой фазе карабахского конфликта информационную войну. Перед россиянином нарисовывался образ очередного врага – мусульманина-азербайджанца, который только и ждет объединения со своими турецкими собратьями, чтобы вонзить кинжал в спину России, перерезать всех христиан, не только армян, но и русских. О том, что азербайджанцы борются за освобождение отцовских земель, нагло проданных четой Горбачевых армянской диаспоре – пятой колонны Запада, естественно, ни слова. Помните, в одно время на митингах в Ереване демонстранты открыто скандировали лозунги, типа – Раиска, верни бриллианты...

То, что в Азербайджане в отличие от Армении проживает солидная русская диаспора, распространено русскоязычие... Кажется, я повторяюсь...

В убийных делах ни он, ни другой из организации не участвовали. Этим заправлял непосредственно Багдасарян. Вероятно, у него были и другие контакты в среде киллеров. Так, видимо, было безопаснее – исключалась утечка. Убийства исполнялись с криминальной подоплекой, а главное – чужими руками. Ашот мог сам заказать неудобного или получал соответствующее указание из Еревана.

Убивали ли азербайджанцев? Не знает. Его дело прине-

си-уноси. Помимо них в Москве еще несколько групп, каждая со своими целями и задачами. Взаимодействие через кураторов. Об Артуре в курсе, поскольку Ашот сам был вынужден сообщить, чтобы объяснить столь стремительное бегство из Москвы, и вообще, соблюдение диких мер предосторожности.

Аветисов до того был деморализован, что даже не сообщал, почему я так много вопросов задаю по азербайджанскому направлению. Он просто отвечал. Видимо, уже поставил на себе крест...

– Как же вы все-таки поступили с Аветисовым? – не сдержался и полюбопытствовал Прилизанный. – Вы его... как бы... ликвидировали?

Вновь отошедший от сцен прошлого Длинный недовольно поморщился. Ответил через несколько минут. Вернее, спросил:

– А как вы поступили бы на моем месте?

Захваченный врасплох, Прилизанный вздрогнул. После с досадой заворчал.

– Собственно, почему я должен быть на вашем месте? Меня и мое устраивает.

– Ясно... – потупил глаза Длинный. После молча уставился на Арзумана.

– Оставить его в живых, подвергнуть опасности не только себя, но и товарищей. Дело, наконец, которое тебе поручили...

– Братан, ты забыл сколько пакостей они нам сделали? – беспардонно ринулся в диспут Ветеран в тельняшке. – А этот хрен еще бабки собирал на войну. Попадись в их руки, с тобой не церемонились бы.

– Понятно...

– Это очень трудный вопрос. – После некоторой паузы высказалась и Гюлечка.

– А я бы отпустил...

Все повернулись к Бакинцу. У того глаза разбежались, как бильярдные шарики.

– Что уставились? – он огрызнулся. – Тоже мне, вершители судеб! Чувак ему... – указал он на Длинного, – жизнь спас. Как тогда Карен мне⁴⁰. Разве не так?

Длинный кивнул.

– Вот тебе и мой ответ...

Ганмуратбек тихо закашлялся. После лаконично высказал.

– Городской прав. Долги надо возвращать.

– А ты, Балабеков?

– Однозначно, ты его отпустил, – улыбаясь, я ответил. – Лучше расскажи...

– Мы выехали из Зеленого дома на двух машинах. Я за рулем “Нивы”. За мной на нашем раскрашенном “воронке” – Романовы с Аветисовым. Через час я свернул с дороги и

⁴⁰ см. Однажды в Карабахе, История вторая.

лесок. Оставив машину между деревьями, сам перебрался в Газик и сел рядом с пленным. Рука его была прикреплена к Толику, так что Аветисов оказался между нами.

Машина тронулась. Я освободил армянина от наручников. Он, массируя запястье, как-то рассеянно посмотрел.

Я протянул ему греческий паспорт Багдасаряна.

– Теперь ты Леонид Попандопуло. Может на всю оставшуюся жизнь...

Сейран тупо уставился на ксиву. Я понял – единственное, что он в этот миг сообразил – его убивать не будут.

– Ты чем-то похож на Ашота. Вернее, на него в молодости. Повезло.

Ответил он тихим голосом не сразу, после, как все в себе переварил:

– У меня нет денег...

Я протянул ему пачку долларовых банкнот. Он не решался брать, видимо, ступор еще не прошел. Я сунул деньги ему в руки.

– Значит, не убьете...

Тут слезы безмолвно начали литься по его щетине. И, прикрыв лицо руками, он разрыдался.

– Успокойся, все позади.

– Когда вы... пристрелили собак, я подумал, вы и меня... Там же...

– Успокойся и внимательно выслушай. Потому, что от твоих действий будет зависеть и участь твоих родных...

Страх вновь парализовал его, и он впился в меня мокрыми от слез глазами.

– ...Ты летишь в Афины послезавтрашним рейсом. Вот билет... Если мои догадки верны, то люди, встречающие тебя в афинском аэропорту, будут ждать исключительно предъявителя этого паспорта. И им абсолютно будет наплевать, что, ты, возможно, не тот человек, который оплатил этот сюжет. Скорее эта международная организация, помогающая людям за конкретные бабки исчезнуть, идентифицируясь в другую личность. Вполне вероятно, что тебя где-нибудь на берегу Эгейского моря ждет собственный домик с видом на море и, если повезет, даже небольшая яхта у причала. И вряд ли Ашот, понимая, что за ним будут охотиться и в Армении, и в России информировал хоть кого-то о своем перевоплощении, включая и членов семьи, для которых после случая с Маргаритой Гаспарян, он давно чужой...

Денег на первое время хватит. Можешь нанять адвоката, если что не так. Постарайся быть похожим на фото в паспорте. Ты обрусевший грек из России, потому не владеешь языком. Всю жизнь мечтал оказаться на исторической родине, копил деньги. Вот твоя основная легенда. Детали додумаешь сам.

– Моя семья...

– Прибудет следом. Это я тебе обещаю. Напиши пару строчек... – я передал ему заранее подготовленную бумагу с ручкой. – Пусть твои доверятся людям, которые с ними свя-

жутся.

– ...

– И теперь последнее... Аветисов, ты мне веришь?

– Теперь, да. Как я после этого могу не верить? – он уже успокоился. Вытер ладонью слезы и спрятал деньги.

– Тогда должен осознать, что, если хоть в чем-то уклонись от инструкции, я тебя выслежу...

– Это лишнее, – он дрожащим голосом перебил. – Я лучше сам загрызусь. Если бы не ты, Ашот меня тоже... И ты сделал мне подарок. Мы мечтали перебраться в Москву. Ашот обещал. Потому и я как раб прислуживал. О Греции даже не мечтал.

– Вот ключи от “Нивы”. Доберешься. Машину оставишь где-нибудь на стоянке и уничтожишь всякое напоминание о себе. Скоро мы тебя высадим, Аветисов, и больше не увидимся. Не забудь мои наставления.

Дальше молчали. Перед тем как выйти, он неуверенно спросил.

– Ведь ты не мент?

– Какая разница?

– Ну да... Но почему со мной провозился?

– Как договорились. Ты мне жизнь спас. Все справедливо.

Он натянуто улыбнулся. Я внимательно взгляделся в его вдруг забежавшие глаза.

– Ты хочешь сказать, поступил бы иначе?

– Я... не знаю... – он опустил голову.

– Ладно, проваливай...

Некоторое время ехали молча. Наконец, Толик высказался.

– Напрасно... Еще денег дал! Тебе бы в монастырь.

– Боишься, тебе мало достанется?

– Не в этом дело. Я хочу понять.

Павел одобряюще кивнул.

– Он спас мне жизнь. Что тут непонятного?

Я уловил в зеркале крайне удивленный взгляд старшего Романова.

– Ты уверен, что он не стуканет? – после паузы раздраженно спросил Толик.

–...

Я устало провожал взглядом мелькающие в ночной тишине серо-черные образы осени. Внезапно начался ливень. Вспомнил. Когда приезжали, тоже шел дождь. А сейчас вода сверху лилась, словно из колодца Всевышнего...

– Я привык платить по счетам. Если вы считаете иначе, то пора нам разбежаться.

Романовы в зеркале переглянулись.

– Ты хоть понял, что ляпнул? – разозлился Толик. – Изза сраного хача...

– Дело не в нем...

Мне действительно стало до мути тоскливо. Может, потому что сомневался?

– Даже животным присуща благодарность. Неужели мы хуже?

Романовы вновь переглянулись.

– Он свидетель. Значит, угроза. Мир такой. Или ты, или тебя, – неуверенно высказал Павел.

– Если равняться на мир, надо быть сволочью...

Романовы замолчали. Кажется, усиленно перемалывали услышанное.

– ...Вероятность того, что Аветисов побежит в ментовку, ничтожно мала. Он не идиот, чтобы подставиться. И даже в этом случае на нас выйти практически невозможно. Так что расслабьтесь...

Через некоторое время Толик произнес:

– Я изменил свое отношение к Кавказу, после как тебя встретил.

– Он раньше был уверен, что на Кавказ надо штук 10 атомных бомб сбросить, – заулыбался Павлик.

– А как же ваша сестренка?

– Ну ее-то мы выгнали бы! – задумавшись на мгновение, ляпнул Толик и расхохотался своей первобытнообщинной шутке. – Паша, ты когда снимешь этот ментовской горшок с головы? Его бы под жопку насадкам, чтобы цыплят вынесли. Ха-ха-ха!..

– Иди ты!.. – сконфузился Павел, но в тот же миг и сам рассмеялся, видимо, наглядно представив эту картину.

Я с улыбкой наблюдал, как братья беспечно ржали, пыта-

ясь состязаться друг с другом в острологии.

“В начале было Слово...” – невольно вспомнил. Джулия любила цитировать из Библии.

“Наверное, так и было... Хотя, без слов было проще...”

Глава XXXI

С Арамом мы встретились в той же кафешке. Здесь к вечеру, бывало, людно, так как кафе находилась в оживленном месте – рядом с метро. А ранним утром сюда заходили лишь постоянные завсегдатаи.

Обойдя умеренно-шумную компанию, воняющую, видимо, вчерашним перегаром и копченой рыбой, я сел у окна, заказал у тотчас появившегося официанта кружку пива.

– А закусывать чем будете? – энергично улыбаясь, попытался раскрутить меня приткий юноша.

Я бегло оглядел наглеца. Мысли витали в другом измерении.

– Могу предложить рыбу – соленую, копченую, вяленую – какую прикажете. Сальца, соленье, маринованные...

– А нут есть? – я вспомнил уютные бакинские пивнушки.

– Нн-ет... Такое у нас не бывает.

– Ну, воблу давай.

– Это прекрасная закуска к пиву. Может, пересядете в кабину? Там очень уютно, – честно усердствовал плутоватый малый, видимо, прицелившись на чаевые. С утра клиентов мало было, и он не знал, куда девать профессиональную прыть.

– Мне здесь удобно, – я посмотрел через прозрачное, как воздух стекло на улицу, где на противоположной стороне

парковался Толик Романов. – Да, и протри столик... – я провел пальцем по поверхности.

– Сию минуту, – засуетился официант.

– Валя! – тут бесцеремонно замычали с соседнего стола. – Насыпь пиво!

– Ва-ля!.. – слышалось противное хихиканье. – Валентина!..

Парень с отвращением посмотрел на подзывал и удалился. Старая армянка, человек Арама, появилась через несколько минут и молча принялась вытирать столик влажной тряпкой.

– Мне нужен Арам.

Она кивнула, убралась и ушла. В заведении было холодно. Я застегнул замок куртки. Привычка легко одеваться меня и в Москве не оставила и часто создавала дискомфорт.

“Пожалуй, нужно не пиво, а водка...”

Я понаблюдал, как официант, покачиваясь, приносит на подносе заказ. Как и ожидал, он сначала обслужил соседний стол, видимо, опасаясь неадекватных реплик. После принес мое пиво.

– Еще граммов 200 беленькой. Что предложишь?

– Пшеничная или Столичная. Качество гарантирую... – с достоинством вытянулся отрок.

– Самогон есть?

– Только для вас. Тоже пшеничный, без дрожжей.

– Давай...

Арам появился минут через 30. “Живет рядом...” Я с интересом наблюдал, как он, не торопясь, снял пальто и небрежно бросил на услужливо протянутую руку официанта. Бессменные черные очки, поверх которых он внимательно оглядел помещение, прежде чем сесть, небритое угловатое лицо, бело-зеленая адидасовская спортивка, надетая поверх черной водолазки, и кроссовки. Вполне определенный типаж. В Баку или в Ереване он, наверное, тапочки одел бы вместо обуви на голые ноги. Здесь холодно...

Забулдыги, которые до этого чувствовали себя вольготно – орали и матюгались, сразу притихли. Арам, ковыряясь в зубах зубочисткой, словно вообще их не заметил, кивнул мне и сел за стол. Тотчас официант подбежал с бокалом пива. Араму принесли, как всегда, теплое. Мое же было покрыто характерно-холодным паром.

Он повернулся к официанту:

– Пусть пересядут... – кивнул он на “пьянчуг”. – От них воняет...

Я не без удовольствия наблюдал, как вся эта честная братия не только пересела, но и вообще покинула заведение, оплатив счет. Видимо, Арам и здесь установил свои порядки.

В заведении, кроме нас, уже никого не было. На столе же появился сыр, аккуратно сложенные ломтики черного хлеба, нарезанная селедка, куски сала и зеленый салат. Все это по-прежнему молча принесла старая армянка.

– Она всегда тебе прислуживает?

Арам кивнул:

– Боюсь, отравят.

– ...

– Шутка.

– Я понял.

– Чувствую, я в гостях у сказки...

Я коротко рассказал. Арам долго не мог в себя прийти, узнав о коварстве Учителя. Лицо у него и так было серое от прогрессирующей болезни, теперь вовсе потемнело.

– Ты насчет Артура не знал?

Он решительно помотал головой:

– Я бы не подписался.

Я кивнул:

– Потому и использовал тебя втемную. Однажды он нашепчет Спартаку об этом, скромно замолчав о своем участии.

– Он этого не сделает... – Арам откинулся назад, пристально посмотрев. – Зачем? Я и так умру, все об этом знают. И потом, зачем ему подставлять своего человека. Он меня создал...

– Он создал монстра, с которым вынужден считаться и сам. Все знают, что авторитет его в общине не в малой степени опирается на тебя. Допустим, он выждет твою смерть, извини. А после кто ему помешает слить меня – чужого и вдобавок азербайджанца.

– Что ты хочешь? – занервничал он, привычно махнув рукой. – Чтобы я сдал человека, который меня вырастил?

– А ты? Хочешь, чтобы я простил убийцу брата своей жены? Кровь Артура на его совести.

Арам на секунду оторопело уставился. После пальцем по-манил официанта.

– Закрой заведение. Повесь какую-нибудь табличку.

– Может, “Учет”? – вновь заумничал отрок.

В следующий миг он даже не исчез, а растворился от взгляда хозяина.

– Твой объект?

Арам кивнул. Вынул сигарету. Когда нервничал, я заметил, пальцы его всегда дрожали.

– Я тебя знаю, как справедливого человека. Ты один из немногих, кто никогда не подписывается на неправоное дело. Теперь, где она, эта справедливость?

– Оставь это. С ним я сам... Позже...

– Ты не понял. Дело не только в мести...

Он вопросительно посмотрел.

– ...Скажи честно: ты вот сейчас, положи руку на сердце, можешь гарантировать, что Учитель после твоей смерти нас не сольет? Ведь на мне висит и безопасность моих людей...

Арам кашлянул. Опять этот продолжительный, сухой кашель, вероятно, отнимающий у него немало жизненных сил, которые и так были на исходе.

– Ты предлагаешь мне стать Павликом Морозовым? –

протерев губы, наконец он мрачно ответил. – А как бы ты поступил? Сдал бы своего отца во имя, как ты изрек, справедливости?

– Нет. Отцов на Кавказе не сдают, даже во имя тысячи справедливостей. Если бы он был тебе отцом, я убрал бы его без всякой этой церемонии.

Но между вами нет кровного родства. И тобой, я вижу, он хорошо пользовался. Вспомни, сколько раз ты был для него торпедой. И в этом деле, натравив меня на Ашота, ты исполнил его волю.

А как он все красиво оформил! Взял денег у Артура, по существу, присвоил. Его самого подвел под пули Багдасаряна. Этим – удар по Манучаровым. Ясно, что Спартак после гибели единственного сына не оправится. Ведь Манучаровы своим влиянием и финансами в общине, тоже являются его конкурентами...

Видимо, на собрании Учитель специально спровоцировал Ашота на грубость, чтобы после натравить тебя на него. В результате еще одна конкурирующая организация ликвидирована. Теперь он может безраздельно править единоплеменниками. Убрав же меня, неважно с участием Спартака или Корейца, он устранил не только исполнителя, чтобы обрубить концы, но и последний оплот семьи Манучаровых. Ведь я являюсь зятем младшего Манучарова и тем человеком, которой еще смог бы постоять за интересы клана. Как тебе такой расклад?

– ...

Вот ты сейчас пойдешь и передашь ему заработанные нами деньги. Нормальные деньги! Думаешь, он возвратит что-то владельцам? Ради дешевого авторитета? Так он уже и так король!

Я думаю, он не будет дожидаться твоей естественной смерти, Арам. Ты тоже след. И единственный человек, который мог бы предъявить ему спрос за такой гнилой расклад.

Это страшный человек. Такого изощренного сюжета не смог бы придумать даже сам Цезарь Борджиа.

– Кто? – он удрученно спросил.

– Неважно. Был такой...

Ты Артура хорошо знал. Он всегда всем помогал. Даже кошки и собаки во дворе радовались, когда он выходил в фирменном костюме из своей крутой тачки и собственноручно их кормил. Разве он заслуживал такую подлую смерть?..

Арам курил сигарету за сигаретой, уставившись в одну точку. То, что творилось у него в душе, прекрасно отражалось на лице. Я терпеливо ждал, зная, что ему нелегко. Он должен был сделать выбор. И выбор этот, возможно, будет не тот, который я ожидаю. Незаметным движением я расстегнул замок куртки.

Наконец, он глухим голосом заговорил:

– Ребята не раз намекали насчет его... Но я затыкал их. Я ему верил. Хотел верить...

– Ты создал для себя идола.

Он не сразу ответил:

– Как мне поступить?

– Просто не мешай. Ты знаешь правила: каждый в ответе за свои поступки.

– А если... нет?

– Я раскрою весь расклад перед Спартакoм. Где-то и мне достанется. Но я не мог бы предугадать последствия своих действий. Спартаку терять нечего, он не простит. Будет много крови... Предотвратить такой сценарий, рубку в среде московских армян в твоих руках. Теперь решай...

Он опустил глаза. Медленно начал глотать пиво. Я встал и вышел на улицу. Опять начался дождь. Был конец октября. Для Москвы это, считай, преддверие зимы. Я несколько раз вздохнул чистый воздух и вернулся в помещение. И уже из окна увидел, как Толик в своей красной бейсболке пружинистой походкой подходит к заведению.

Отшвырнув как котенка, пытавшегося задержать его у входа официанта, Толик подошел к столу, спустил с плеч спортивную сумку на свободный стул, также молча вышел. Отрок в страхе исчез в подсобке. Арам спокойно, но внимательно следил за процессом поверх очков.

– Твоя доля. Как договорились...

Взгляд его медленно пополз к сумке.

– ...Тут еще стекляшки. Сможешь реализовать?

Он молча кивнул.

– ... Не хочу обращаться к цыганам. Возникнут вопросы.

– Я разберусь...

Я вынул из внутреннего кармана документы на Зеленый дом и положил перед ним. Он неторопливо перелистал.

– Она... с тобой?

Не отрываясь от чтения, Арам вновь кивнул. Я бросил на стол также паспорт Марго Гаспарян.

– Дома два трупа. Один в комнате на втором этаже, другого закопали в конце сада. Место обозначено сломанным кубиком. В подсобке трупы собак.

– А третий?

– ...

Арам удивленно посмотрел:

– Ушел?

– Отпустил.

– Которого?

– Аветисова.

– Но это след! Войти в дом небезопасно!

– Он уже за бугром...

Я положил перед ним сложенную бумагу.

– ... Тут адрес, записка к его родным. Надо помочь им вылететь в Грецию. Думаю, это для тебя не проблема. Считай, эта моя личная просьба.

Он кивнул и убрал бумагу:

– Странный ты для азербайджанца. Понять бы, что движет тобой. Да не успею...

“И незачем...”

– Дом продашь или оставишь ей – это тебе решать. Но с трупами разберись.

– Скоро и я к ним присоединюсь... – Арам печально улыбнулся. – Интересно, каково быть покойником?

– У Учителя есть враги? – я перевел тему.

Лицо у него вновь помрачнело.

– А у кого их нет?..

– ...

– Хочешь отвести след?

Я кивнул и начал допивать пиво:

– После него ты будешь рулить. Можно ведь искать до бесконечности, если не там искать.

– До бесконечности... – Арам после паузы зло усмехнулся.

– Адресок подкинешь? – я испытующе посмотрел.

На миг у него на лице отразилась нерешительность, но он быстро овладел собой, вынул авторучку и черкнул на салфетке адрес. Прочитав, я вернул обратно и стал наблюдать, как Арам все еще дрожащими пальцами сжигает бумагу.

Когда я выходил, он окликнул:

– Перед домом парк. Он каждый вечер выгуливает собаку. Иногда за ним наши пацаны ходят. Их не трогай. Собачку, эту сучку, можешь пристрелить. Она укусила меня за пятку...

– И собачку убили? – возмутилась Аталай.

– Что я вам, живодер, чтобы собак убивать? – реально разозлился и рассказчик. – Собаки – это не люди.

– Логика, конечно, убойная, – мрачно вставила Гюля. – Тогда почему собак в Зеленом доме пристрелили? Кажется, так изложили?

Длинный вздохнул:

– Это Толик... И не было выхода. Не могли же их оставить на цепи или выпустить на волю. Это привлекло бы внимание.

– Уверена, что выход можно было найти. Надо было лишь шевелить мозгами.

– Например?

– Взяли бы с собой. Выпустили бы на пустыре.

– Каждая из них легко могла справиться с волком. Они уже лакомились человечинной, я рассказывал. Их специально так выдрессировали. Как таких на волю выпускать?

– Господи!.. – Гюлечка прошептала.

– На чем я остановился? – попытался вновь сосредоточиться рассказчик.

– На собачке Учителя. – Бакинец.

Длинный блаженно улыбнулся...

– Собачку – это была болонка – мы не тронули, – он прикурил сигарету, – зачем? Бедняжка все еще радостно тьякала и продолжала бегать между деревьями, когда ее хозяин, как столб свалился у моих ног.

Ствол был с глушителем. А выстрелил я ему в лоб, в упор...

Длинный потянулся за остывшими бараньими гениталиями на блюде, именуемыми в народе более деликатно – белое мясо.

– Губа у вас не дура, – обратился он к Прилизанному. – В Москве такое произведение животноводства трудно найти.

– А как же его охрана? – забыв недавнюю неприязнь к рассказчику, полюбопытствовала Аталай.

– А не было в тот день никакой охраны, – ответил, смакуя “деликатес” Длинный, – они не всегда за ним следовали. Мы Учителя дня два пасли. Лишь убедившись, что он один, прихлопнули, поставив на этой грязной драме жирную точку.

– А люди? Вокруг что, никого не было?

– Вы представляете, что такое московский парк поздним вечером и поздней осенью? Тусклое освещение редких фонарей. Если не ливень, то морозящий дождь, своей сыростью проникающий в кости...

Не забудьте, речь идет о 90-ых. Были, конечно, прохожие – москвичи любят выгуливать собак. Но пока люди что-то поняли и приблизились на лай, я уже сидел в машине, номера которой заранее были замазаны. Это была старая “Волга”, угнанная накануне Толиком с какого-то двора. Менты ее вряд ли даже в розыск подали – столько каждый день угоняли дорогие иномарки.

– А что, этот Учитель ваш с такими изощренными извилинами не мог организовать себе нормальную охрану? – ехидно спросила Аталай.

– Он действительно был умным и хорошо понимал, что если захотят тебя убрать, то никакая охрана не поможет. Хоть Китайскую стену построй вокруг, хоть кремлевскую... – рассказчик вновь потянулся к рюмке. – Просто никто не знает, когда придет его время. Типа, когда зазвучит колокол. Хорошо все-таки сказал братец Ремарк... – опрокинул остаток водки он.

– Хемингуэй, – мрачно поправила Гюлечка.

– Я их всегда путаю... – закусил соленым рассказчик. – Они оба одинаково нудные.

– А каковы были последствия ликвидации Учителя? – вернул рассказ в русло Арзуман. – Все-таки убитый был лицом колоритным.

– Поверьте, после смерти всякий колорит исчезает, – вяло возразил Длинный. – Неспроста говорят: живая собака лучше, чем мертвый лев, хоть и неблагородно звучит. Старайся не умереть, умер – пипец.

– ...

– Арам у гроба Учителя стоял опечаленный. Многие его тихую реакцию объяснили прогрессирующей болезнью. Мол, скоро и ему туда дорога – к наставнику. Вздыхали, типа, Арам не тот, кем был. Но я-то понимал, какие чувства обуревали его. Он никогда не сдал бы Учителя, даже несмот-

ря на его подлость. Но осознание, что надо предотвратить рубку в среде московских армян, подтолкнуло его на этот шаг. И он хорошо понимал – мы все равно не отстанем...

– Вы участвовали в церемонии? – спросила Гюля.

– Нет, зачем. Я не вхож был в их круг. Мне позже Мансур рассказал.

– Кстати, о нем вы, кажется, забыли, – оживилась Гюля.

– О нем захочешь не забудешь... – холодно возразил Длинный. – Я же сказал, он был в отъезде. Зачем о персонаже говорить, если еще не его выход.

– А где он был? – спросил Прилизанный.

– Наверно, там, где и всегда. Я же говорил.

Ну да... – опустил глаза чинуша. – Ладно, рассказывайте дальше...

– Он, как всегда, объявился неожиданно... – Длинный немного промолчал. – Помню, как он однажды сказал, что не любит, когда его ждут. Я тогда спросил:

“– А как же друзья?”

“– В особенности, друзья.”

Он, безусловно, имел в виду больше своих нужно опасаться.

Мы встретились “У Оксаны”. Помните кафешку с сосисками? Мансур с ходу спросил по поводу известных событий. Рассказал я в меру. О деньгах и драгоценностях, об Учителе

и т.д. как вы понимаете, умолчал. Он также, как и Романовы, упрекнул меня за Аветисова.

“– Грязная работа...” – так и высказался.

В общем-то наши мозговые извилины шевелились на одной волне, и я понимал, что он прав, но никогда не сожалел о содеянном. При всех жестоких издержках своей вынужденной профессии я, по возможности, хотел оставаться человечным...

– Вы с Аветисовым еще встретились? – перебила Гюлечка.

После небольшой паузы он ответил:

– Через много лет. Но это другая тема...

После изложенного Мансур долго молчал, о чем-то размышлял. Даже выкурил две сигареты подряд, что редко бывало. Я начал беспокоиться и не зря. Потому что он повторил мне вопрос Корейца, который я меньше всего хотел услышать.

– Кто все-таки организовал налет на квартиру Багдасаряна? И почему заподозрили Артура, ведь это нелепо?..

Я заметил, как он, как бы невзначай рассматривает меня. И думаю, с большей долей вероятности заметил мою если не растерянность, то замешательство. Я отвел взгляд:

– А я знаю?

Ответ прозвучал так, как будто я просил дальше не спрашивать. Может, поэтому он не задал мне следующий

неприятный вопрос. А хотел. Я по взгляду понял.

– Какой же? – естественно, не смогла промолчать Аталай.

– Разве неясно? Где я находился со своими людьми в ночь налета на съемную хату Багдасаряна.

– А почему не задал?

– Думаю, ответ уже вырисовывался в его сознании. Он, вероятно, сделал очевидный вывод. Люди, сумевшие так аккуратно ликвидировать Багдасаряна, вполне способны организовать и предыдущую акцию. И не забудьте, он знал о моих отношениях с Арамом. Вот тебе и мотив: вероятный конфликт между армянскими ворами и Багдасаряном. Ведь он в курсе был об их противоречиях. Почему я присутствую в этом раскладе, в данном случае было второстепенное.

Выходит, моя жизнь висела на волоске. И не только моя. Я это особенно ощутил почувствовал, когда попрощались. Мансуров старательно отводил взгляд...

конец первой части